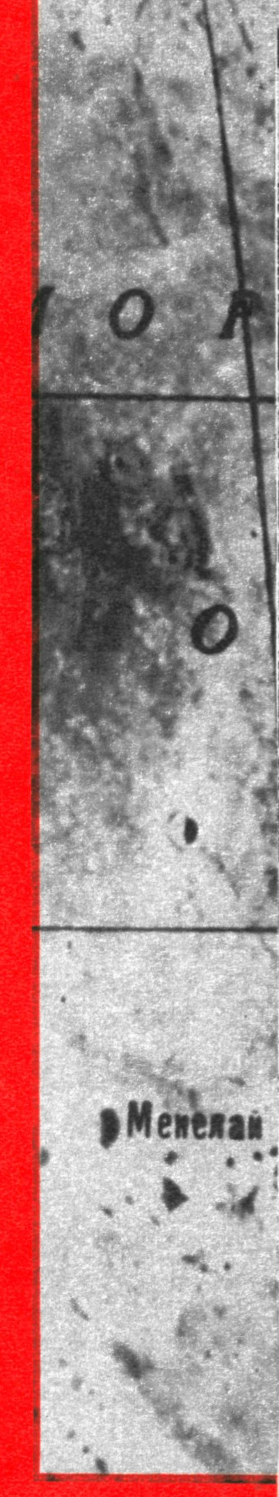
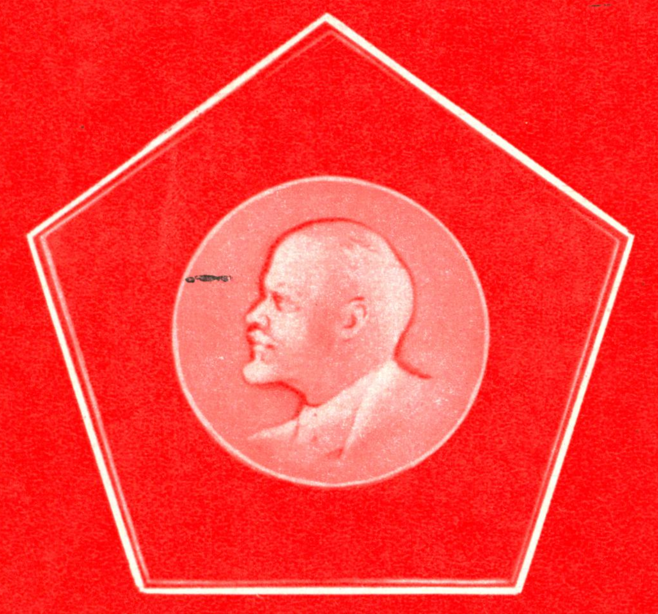

ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

На луноходе с посадочной ступенью установлены Государственный флаг СССР, вымпелы с барельефом В. И. Ленина, изображением Государственного герба Советского Союза и надписью «50 лет СССР».

Фото ТАСС.

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (2378)

27 ЯНВАРЯ 1973

16 января 1973 года в 01 час 35 минут по московскому времени автоматическая станция «Луна-21» совершила мягкую посадку на поверхность Луны на восточной окраине Моря Ясности, внутри кратера Лемонье.

Станция доставила на Луну автоматический самоходный аппарат «Луноход-2», который продолжит исследования лунной поверхности, проводившиеся в Море Дождей аппаратом «Луноход-1». Вес «Лунохода-2» — 840 килограммов.

После посадки станции, контроля состояния бортовых систем лунохода и осмотра окружающей поверхности с помощью телевизионных устройств 16 января в 04 часа 14 минут самоходный аппарат по трапу сошел на поверхность Луны.

На луноходе и посадочной ступени установлены Государственный

ЕСТЬ ЛУННЫЙ

Место посадки автоматической станции «Луна-21».

флаг СССР, вымпелы с барельефом В. И. Ленина, изображением Государственного герба Советского Союза и надписью «50 лет СССР».

Для проведения исследований на поверхности Луны и управления движением самоходный аппарат оборудован научной аппаратурой, системами управления, радио- и телевизионной связью.

В соответствии с советско-французским соглашением о сотрудничестве в изучении и освоении космического пространства в мирных целях на «Луноходе-2» установлен уголковый отражатель, изготовленный французскими специалистами и предназначенный для продолжения экспериментов по лазерной локации Луны.

Управление работой самоходного аппарата производится из Центра дальней космической связи. Связь с аппаратом устойчивая.

Из сообщения ТАСС.

Часть панорамы, сделанной камерой вертикального обзора 16 января 1973 года, сразу после посадки станции «Луна-21» в кратере Лемонье.

КОНТАКТ!

МИР ВЬЕ

Мужественная борьба вьетнамского народа, патриотов Лаоса и Камбоджи за мир и независимость вызывает поддержку всего прогрессивного человечества. Демонстрации, митинги, манифестации, марши мира проходят в эти дни во всех уголках нашей планеты. Их участники требуют от США немедленно прекратить агрессию во Вьетнаме и подписать соглашения, которые вернули бы мир этой героической и измученной войной стране.

◀ Голландская девочка, идущая в колонне демонстрантов. Она несет плакат со словами: «Остановить доходы американских военных монополистов за счет голодающих».

ТНАМУ

Фото ТАСС.

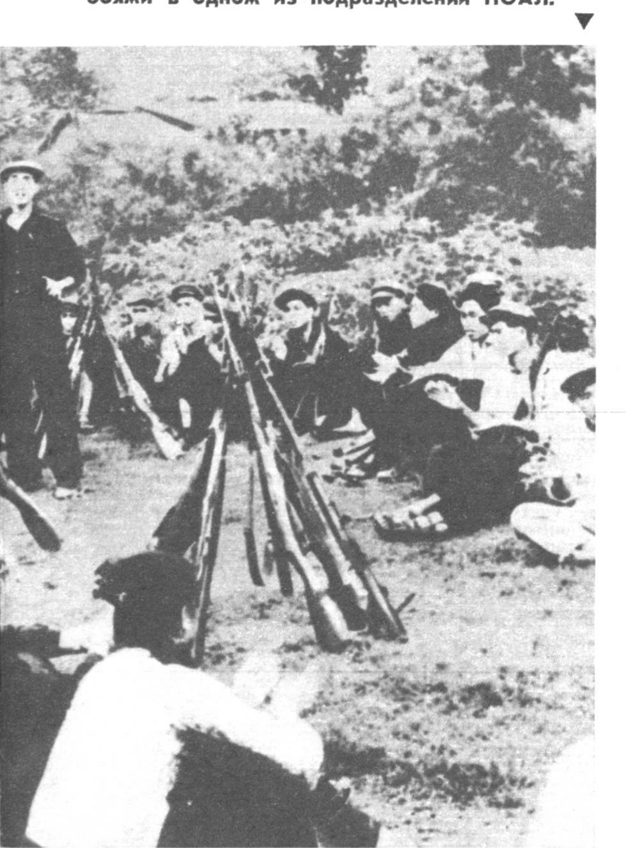
Более 70 тысяч человек приняли участие в демонстрации, состоявшейся недавно в голландском городе Утрехте. Участники демонстрации несли лозунги: «Солидарность с борьбой американского антивоенного движения», «Немедленно подписать соглашение о мире», «Вьетнам для вьетнамцев», «Бойкот американским товарам».

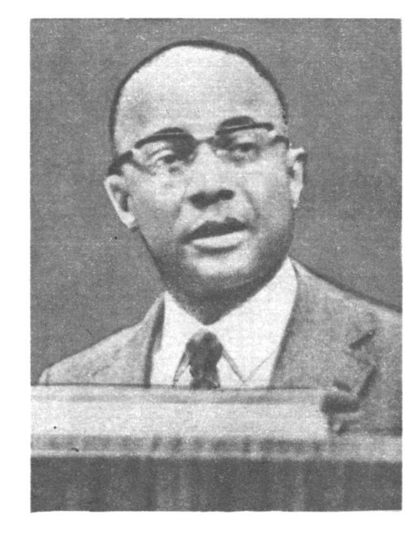
▼

Бойцы Народно-освободительной армии Лаоса продолжают успешные операции, нанося противнику значительные потери в живой силе и технике. На снимке: в перерыве между боями в одном из подразделений НОАЛ.

▼

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ПАТРИОТА

Известие о злодейском убийстве Генерального секретаря Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Амилкара Кабрала вызвало гнев и возмущение в широких кругах мировой общественности. Гибель славного патриота от руки наемного убийцы отозвалась глубокой скорбью в сердцах всех советских людей. Успехи освободительного движения в Гвинее (Бисау) серьезно встревожили португальских колонизаторов и местных реакционеров. Это убийство, как и все варварские акты, совершаемые силами империализма и колониализма и их подручными, ставят своей целью запугать тех, кто решил посвятить свою жизнь делу освобождения народов.

Всего несколько недель назад, в канун Нового года, наш Институт Африки принимал в своих стенах этого выдающегося политического деятеля и ученого по случаю вручения ему почетного диплома доктора наук Института Африки АН СССР.

После церемонии вручения диплома Амилкар Кабрал выступил со страстным докладом. Только тот народ, говорил он, который располагает культурой, духовными ценностями, способен подняться на освободительную борьбу. А национальная культура может быть спасена и умножена только при условии, что ее носитель — народ — борется за полное освобождение.

Я слушал выступление Амилкара Кабрала и вспоминал другие встречи с этим выдающимся человеком. Четкость его мыслей, блестящее ораторское искусство, глубокая вера в отстаиваемое дело вызывали всеобщее восхищение. «Меньше эмоций — больше рассудка» — этому принципу следовал сам Кабрал и призывал следовать ему других, подразумевая под рассудком теоретически обоснованные решения. Кабрал считал, что борьба за национальное освобождение неотделима от борьбы за освобождение социальное. «Нельзя строить счастье народов на путях, ведущих к капитализму» — эту фразу он сказал во время пресс-конференции во Дворце народа в Конакри.

Те же силы, которые совершают варварство во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, стреляют из-за угла в коммунистов, в борцов за национальное и социальное освобождение, совершили еще одно подлое преступление. Это отчаянная попытка мировой реакции изменить поступательный ход истории. Но тщетно! Жизнь уже давала много примеров того, что ни террор, ни убийства из-за угла не в состоянии задержать часы истории, показывающие, что мы живем в XX веке великих социальных преобразований и торжества идей свободы!

Кабрал не одинок! Дело, за которое он отдал свою жизнь, находится в надежных руках!

Глеб СТАРУШЕНКО,
доктор исторических наук, заместитель директора Института Африки АН СССР

ИМЕНИ ГАМАЛЬ АБДЕЛЬ НАСЕРА

Агентство печати Новости совместно с министерством культуры и информации Арабской Республики Египет учредили фонд премий имени Г. А. Насера для ежегодного поощрения граждан Египта и граждан СССР за лучшие произведения в области литературы, искусства, науки, публицистики, пропагандирующие идеи дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и АРЕ.

15 января — в день рождения президента Насера — в Агентстве печати Новости собрались на торжественное заседание члены комитета-жюри по присуждению премий имени Г. А. Насера, представители советской общественности и прессы, дипломаты и журналисты Египта.

Жюри объявило имена первых лауреатов: заместитель министра культуры и информации АРЕ Ахмед Саад эд-Дин Мухаммед, внесший большой вклад в развитие советско-египетского сотрудничества в области культуры; профессор, директор египетского комитета археологии Искандер Заки Ханна, известный в СССР как ученый, сотрудничающий с советскими коллегами в области археологии; журналист каирской газеты «Аль-Ахрам» Сулейман Гямиль, освещающий в египетской прессе достижения советской культуры и искусства.

От имени жюри египетских лауреатов тепло поздравил космонавт Андриян Николаев. Профессор Е. М. Примаков, много лет проработавший корреспондентом «Правды» в Каире, подчеркнул в своем выступлении, что присуждение премий египетским друзьям в день рождения Гамаль Абдель Насера означает признание больших заслуг выдающегося арабского лидера в установлении и развитии отношений дружбы и всестороннего сотрудничества между народами СССР и АРЕ.

Представитель египетского посольства советник Махмуд Сайед заявил, что египтяне расценивают присуждение премий имени Г. А. Насера как дань уважения памяти выдающегося арабского лидера, как высокую оценку тех принципов, во имя которых жил и работал Гамаль Абдель Насер.

В тот же день из Каира пришло сообщение о решении египетского комитета-жюри о присуждении премий имени Г. А. Насера советским гражданам. Премии присуждены профессору, заведующему кафедрой Московского государственного университета Всеволоду Авдиеву за многолетнюю научную деятельность в области изучения истории Египта; композитору, народному артисту СССР Мухтару Ашрафи за музыку к балету «Стойкость», поставленному в Каирском театре оперы и балета; украинскому писателю Антону Хижняку за повесть «Нильская легенда», рассказывающую о дружбе и сотрудничестве советских людей и египтян, работавших на сооружении высотной Асуанской плотины.

Так выглядит медаль лауреата премии Гамаль Абдель Насера.

Двусторонняя высокая оценка советских и египетских деятелей культуры и науки, безусловно, является новым шагом в укреплении дружбы народов СССР и АРЕ.

В. ДАВЫДОВ

ОРДЕН ЛЕНИНА — ИНСТИТУТУ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

17 января в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялось торжественное собрание, посвященное вручению институту ордена Ленина. Собрание открыл директор института академик П. Н. Федосеев.

Тепло встреченный присутствующими, выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ М. А. Суслов. Сердечно поздравив коллектив Института марксизма-ленинизма с высокой правительственной наградой, М. А. Суслов прикрепил орден Ленина к знамени института.

С большим подъемом собравшиеся приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

КНИГА О ГЕНЕРАЛЕ ДЕ ГОЛЛЕ

Вышла в свет впервые в нашей стране фундаментальная биография генерала Шарля де Голля, выдающегося государственного деятеля Франции, одного из руководителей антигитлеровской коалиции времен борьбы народов против фашизма. Издание книги известного советского ученого и публициста профессора Н. Н. Молчанова «Генерал де Голль» отражает и тот факт, что в Советском Союзе помнят и высоко ценят большой вклад, который внес де Голль в развитие и укрепление дружбы и сотрудничества СССР и Франции, в решение проблемы европейской безопасности.

Отличительной особенностью книги Н. Молчанова является своеобразное сочетание в ней качеств научного исследования, созданного на основе анализа обширного документального материала, и литературного произведения, читаемого с большим интересом. Автор отнюдь не идеализирует личность генерала. Он дает его жизни и деятельности глубокую характеристику с позиции марксистско-ленинской теории роли личности в истории. В книге раскрывается и сущность консервативного мировоззрения де Голля на определенных этапах его деятельности в области внутренней политики. Вместе с тем показаны и сильные стороны Шарля де Голля, его политический реализм, понимание им глубинных основ национальных интересов Франции. Перед читателем живой портрет генерала с его достоинствами и слабостями, портрет, на котором справедливо распределены свет и тени его противоречивого облика.

Несмотря на консервативные социальные позиции, на определенных этапах своей долгой политической карьеры генерал де Голль объективно служил национальным интересам Франции, делу борьбы с фашизмом, освобождению и независимости своей страны. В 1940 году, когда тогдашние правящие круги Франции позорно капитулировали перед Гитлером, единственным представителем последнего правительства Третьей республики и единственным французским генералом, смело выступившим за продолжение борьбы с врагом, оказался генерал де Голль. Он создал организацию «Свободная Франция», явившуюся зародышем независимого французского правительства, и постепенно установил сотрудничество со всеми патриотическими силами. Важнейшим шагом де Голля, продиктованным присущим ему трезвым реализмом, было включение представителей Французской коммунистической партии в состав его временного правительства.

В книге Н. Молчанова ярко показано, как в борьбе за возрождение независимости и величия Франции де Голлю пришлось столкнуться с упорным противодействием Черчилля и Рузвельта, пытавшихся использовать разгром Франции для укрепления империалистических позиций. Напротив, важнейшей дипломатической опорой для де Голля была поддержка Советского Союза.

Естественно, что для советского читателя особенно большой интерес представляют разделы книги, посвященные политике де Голля в отношении СССР. В отличие от многих западных деятелей генерал никогда не сомневался, даже в моменты наших тяжелых временных поражений, в том, что Советский Союз будет главным победителем в войне. И он горячо приветствовал советские успехи.

В момент окончания войны благодаря заключению в декабре 1944 года союзного договора с СССР де Голлю удалось добиться возвращения Франции прав великой державы. Об этих и других памятных эпизодах в отношениях наших двух стран подробно и интересно рассказано в книге. Естественно, что немало места в ней отведено и внешнеполитической деятельности де Голля в годы, когда он занимал пост президента Франции. Он предпринял в этот период немало смелых, самостоятельных действий, таких, как выход Франции из военной системы НАТО, осуждение агрессии США во Вьетнаме и Израиля на Ближнем Востоке. Эти действия серьезно способствовали укреплению независимости Франции, делу сохранения мира.

И на этом этапе своей деятельности генерал огромное значение придавал делу франко-советского сотрудничества. Памятный всем визит президента де Голля в нашу страну летом 1966 года, его переговоры с советскими руководителями способствовали новой полосе развития дружественных франко-советских отношений, плодотворно продолжающихся и поныне. Советские люди не забывают роль де Голля в этом важнейшем для мира в Европе деле. Профессор Н. Н. Молчанов создал весьма актуальное, крайне содержательное произведение, написанное к тому же на высоком литературном уровне, которое не случайно вызвало живой интерес широких кругов читателей.

Н. ПАСТУХОВ

Н. Н. Молчанов. Генерал де Голль. Издательство «Международные отношения», М., 1972.

СОВЕТСКИЙ СКАЗОЧНИК

Сказки — творение народа. Это знает каждый. Но ведь любую из сказок, которую мы слышим или читаем, кто-то рассказывает, кто-то готовит к печати, редактирует, шлифует. И поэтому, как правило, сказка несет на себе отпечаток индивидуальности сказителя, фольклориста, записавшего ее. Чистота же сказки, то есть близость ее к фольклорному первоисточнику, зависит прежде всего от рассказчика (если речь идет об устном варианте) или писателя, который, пересказывая ее, делает сказку литературой.

Одним из самых больших знатоков и исследователей русской сказки является Александр Нечаев, автор известных сборников «Иван Меньшой — разумом большой» (основную часть сказок этого цикла редактировал Михаил Шолохов), «Русские богатыри», «Скатерть-самобранка» и десятков других. Долгая работа с Алексеем Николаевичем Толстым (который был крупным знатоком фольклора и оставил целый том русских сказок в своей обработке), глубокие исследования фольклора русского Севера, кропотливый труд собирателя выработали у Нечаева свой яркий стиль пересказа. Чистый русский язык, незамутненность фольклорных образов, кристальная сюжетная четкость — основные черты этого стиля. Вот почему не только маленькие, но и взрослые любители сказки всегда с нетерпением ждут выхода очередной книги Александра Нечаева.

Издательство «Малыш» выпустило сборник «Сказки» (1972 г.) с оригинальными рисунками художника Ф. Лемкуля. А. Нечаев объединил сказки этой книги единой мыслью: верность дружбе, честность, преданность родной земле всегда возьмут верх над обманом, злом, предательством. Традиционные русские сказочные сюжеты в пересказе Нечаева начинают звучать свежо и ярко — таково его умение владеть фольклорной стихией, русским народным словом.

«Цель моей жизни,— сказал А. Нечаев о своем творчестве,— отобрать и сохранить для читателя лучшие образцы народного творчества, ибо в них наиболее ярко и мудро выражены добрые традиции, характер талантливого русского человека, человека-труженика, бесстрашного защитника своей Родины».

«Советским сказочником» назвал Александра Нечаева Сергей Михалков. Сказочнику исполнилось семьдесят лет. Хочется пожелать ему новых успехов, а любителям фольклора — новых сборников сказок в пересказе Александра Нечаева.

В. МИХАЙЛОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ КУРСА

Даниил КРАМИНОВ

События первого месяца нового года вновь подтвердили, что курс на укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе, взятый социалистическими странами, продолжается с настойчивой закономерностью. Встречей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Президента Французской Республики Жоржа Помпиду две великие державы — СССР и Франция,— принадлежащие к разным социальным системам, сделали новый большой и вдохновляющий шаг в этом направлении.

Французское правительство вносит конкретный вклад в дело улучшения атмосферы между странами с различным общественным строем. Хотя первое немецкое государство рабочих и крестьян уже признано большинством стран, французский вклад знаменателен тем, что Франция — одна из великих держав-победительниц — начала переговоры о нормализации отношений с ГДР.

Сделан существенный шаг в сторону важного и трудного дела сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе. Уже в первый послевоенный год Советский Союз, стремясь облегчить бремя военных расходов, сдерживающих жизненно необходимое мирное строительство, делал все от него зависящее для разрядки напряженности в Европе, только что пережившей чудовищную по числу жертв и масштабам разрушений войну. На XXIV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указал: «Мы выступаем за сокращение вооруженных сил и вооружений в районах, где военное противостояние особенно опасно, прежде всего — в Центральной Европе». Тем не менее на Западе нашлись деятели, не говоря уж о газетных оракулах, которые осмелились в последние месяцы утверждать, что Советский Союз «боится» обсуждения этого вопроса, и даже попытались связать его с общеевропейским совещанием по вопросам безопасности и сотрудничества. Вскормленные в тепличной и затхлой атмосфере Атлантического блока, они, связывая ход общеевропейского совещания с исходом переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе, рассчитывали сделать НАТО вершителем политической судьбы Европы, ее будущего.

Это примитивно завуалированное намерение было разгадано, и правительства ряда европейских стран решительно выступили против попыток НАТО навязать свою волю не мытьем, так катаньем. Возражала против этого замысла и Франция, вышедшая еще в 1967 году из военной организации НАТО.

В своем ответе 12 странам, входящим в НАТО, Советское правительство заявило недавно о своей «готовности начать подготовительные консультации к переговорам о сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе 31 января 1973 года». Верное своей политике привлечения всех европейских стран к созданию системы безопасности и сотрудничества в Европе, Советское правительство высказалось за то, чтобы в консультациях участвовали «на равноправной основе все европейские государства, которые проявят заинтересованность, а также США и Канада». Тем самым положен конец сочиненному в канцеляриях НАТО мифу о том, что Советский Союз «боится» сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе!

Постепенно рассеивается и миф о непреодолимости трудностей, якобы стоящих на пути к созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Газетные оракулы-пессимисты прежде всего предсказывали невозможность начать многосторонние консультации по подготовке общеевропейского совещания. Когда же консультации начались во второй половине ноября, они стали кричать, что участники консультаций — послы 34 стран непременно перессорятся и разойдутся, ни о чем не договорившись. Однако послы 34 стран, принадлежащих к разным общественным системам, обсудили в деловой и корректной атмосфере стоявшие перед ними вопросы, договорились о месячном перерыве и ровно через месяц собрались в том же зале «Диполи», чтобы продолжить свою работу.

Правда, представители девяти стран Европейского экономического сообщества использовали перерыв для выработки совместных предложений и распределения ролей. Разумеется, на многосторонних консультациях любая страна или группа стран может внести свои предложения, хотя «коллективный демарш» девяти стран, входящих в НАТО, был несколько преждевременным и не очень плодотворным. До перерыва многосторонние консультации касались главным образом обсуждения вопросов организации и подготовки общеевропейского совещания, а не существа проблем, которые оно сочтет нужным и возможным обсудить. Попытка сосредоточить внимание на повестке дня общеевропейского совещания и тем самым заранее поставить его в определенные рамки угрожает затянуть многосторонние консультации. «Составление повестки дня непосредственно общеевропейского совещания,— писала финская газета «Хельсингин саномат» накануне открытия,— может оказаться трудной задачей». Все же общее стремление к прогрессу в деле превращения Европы в континент мира и сотрудничества повсеместно велико.

Общественность Европы, поддерживающая благородные усилия социалистических стран, надеется, что многосторонние консультации в Хельсинки преодолеют как возникшие, так и искусственно созданные трудности на пути к скорому созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КАДЗУО ТОМИТА: ПРЕДАННОСТЬ ИДЕЕ

Наш корреспондент **В. Плахтюрин** встретился с гостившим в Москве японским художником-скульптором Кадзуо Томита, человеком, отдавшим всю свою творческую жизнь пропаганде советско-японской дружбы, образу Владимира Ильича Ленина. Вот что рассказывает о себе и своей деятельности Кадзуо Томита нашим читателям:

— Еще в ранней юности у меня пробудился интерес к произведениям Маркса и Ленина. Постепенно идеи ленинизма завладели моим умом и моим сердцем. И я решил посвятить всю свою жизнь, все свое творчество художника пропаганде идей великого Ленина. Я хочу рассказать людям о том, как советский народ претворяет эти идеи в жизнь, как он борется за мир во всем мире.

С чувством огромного удовлетворения хочу отметить тот факт, что мои дерзания встречают поддержку и понимание всех прогрессивных людей Японии, питающих теплое чувство уважения к Стране Советов. Ведь не случайно на выставке «ЭКСПО-70», проходившей в нашей стране, самым популярным был павильон СССР. Жители Японии впервые могли воочию убедиться в громадных успехах, достигнутых первым в мире государством рабочих и крестьян. К сожалению, не все желающие смогли посетить советский павильон. И у меня возникла идея создать в Японии музей Владимира Ильича Ленина, который не только мог бы познакомить японский народ с жизнью и деятельностью вождя мирового пролетариата, но и показать претворение в жизнь ленинских идей, достижения СССР. Уже сформирован весьма представительный комитет по организации музея. Мы собираемся провести всенародный сбор средств для покупки земли и строительства музея.

Кадзуо Томита вот уже три десятилетия работает над воплощением образа Ленина. Работы художника — барельефы, наборы медалей, значки, посвященные юбилею Советского Союза,— выставлены в Москве, в Центральном музее В. И. Ленина. Самой большой оценкой своего творчества Томита считает награждение его Юбилейной медалью в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Томита на своем родном языке написал несколько слов, обращенных к народу нашей страны: «Я посылаю дружеские приветствия народу многонационального первого в мире Советского социалистического государства, созданного под руководством великого руководителя Владимира Ильича Ленина, и желаю большого счастья героическому народу».

偉大な指導者レーニンによって
創立された世界最初の社会主義
多民族国家ソビエト連邦の国民
の皆様に同志的挨拶を贈り
ますとともに指導的人民としての幸
福を希望します。15/1 1973年
モスクワにて 富田一夫

Н. ХРАБРОВА

БЕЛАЯ ЗАВИСТЬ

Я с удобством разместилась в «ЯКе», словно бы в кресле летающего дачного домика, и полетела в Вильнюс, как мне предписывало задание редакции. Город, в котором я живу, промелькнул под крылом, а я, естественно, развернула свежую центральную газету и прочла в ней, что текстильщики фабрики «Кауно аудиняй» на всесоюзном смотре шелковых тканей в очередной раз удостоились большой похвалы. Мысли мои заработали со скоростью оборотов мотора «ЯКа»: и что я давно не была на этой фабрике, и что в свое время я износила не одно хорошее платье из ткани с маркой «Кауно аудиняй», что, наконец, я, как женщина, должна написать для наших читательниц о каунасских шелках, и, главное, кроме обязанности выполнять редакционные задания, есть еще и право действовать самостоятельно... Короче говоря, я пересела в Вильнюсском аэропорту на ближайший самолет и оказалась в Каунасе на фабрике.

В набивном цехе, куда я направила свои стопы, ибо в первую очередь меня интересовали набивка и расцветка,— было жарко. Женщины сердито взглядывали на вентиляцию и пили прохладную газировку. А парень в конце длинной, как мост через реку, машины сидел на краешке рабочего стола, даже не скинув плотного производственного халата.

— А по мне любая жара хороша,— ответил он на мое изумление.

Так мы и познакомились со старшим раклистом набивного цеха Зигмасом Панкевичюсом. Я было попыталась сразу расспросить, что такое «раклист» и на каких принципах работает эта набивная машина, которую вижу в первый раз, но мне это не удалось: Зигмас сам проявил большой интерес к моей работе. Он что-то сказал своему помощнику Альгимантасу Полубинскасу, мы вышли в коридор, сели на скамейку, и Зигмас стал меня допытывать, какие существуют приемы работы в журналистике. Я, забыв о терниях журналистского пути, говорила только о розах.

— Захватывающая работа,— подытожил Зигмас, выслушав мои дифирамбы,— только опасная очень.

— Это почему же опасная?

— Опасная, опасная,— убежденно сказал Зигмас,— очень опасная. Как можно узнать человека за день, за два, наконец, за месяц? Вот вы надумали писать о моей работе. Я не стану лицемерить — мне это даже приятно, потому что в нашей смене от нас, раклистов, в большой степени зависит, испортим мы прекрасный рисунок художника или дадим его таким, что сколько вы будете носить платье, столько и радоваться ему. Машина у нас сложная, точная, в работе красивая, и знаем мы ее назубок, потому что сами присутствовали при монтаже — с первой минуты до последней. Допустим, я работаю хорошо. Но вдруг на основании этого вам придет в голову мысль вместо обыкновенного литовского парня, каковым я являюсь, описать этакого ангела, который все может, все умеет и абсолютно всем хорош? И непогрешим? А мне вот именно этого больше всего не хотелось бы, потому что у меня есть и невыполненные обязанности, и чувство вины кое перед чем, и заботы и сомнения.

— Так вы и говорите обо всем как есть, а что касается точного исследования человека, ведь подчас и сам-то себя до конца не знаешь!

На этом наши с Зигмасом распри кончились, и каждый принялся за свою работу — Зигмас печатать ткани, а я смотреть, как он их печатает.

Поэтому сначала, как и было задумано, расскажу о тканях.

В первый день по цеху сновали тележки с рулонами белой триацетатной рогожки и печатная машина, или, точнее, фотофильмпечатная машина, работающая, как явствует из названия, на основах могучей, не с первого взгляда понятной техники, но зато с первого взгляда понятной необходимости человека при ней,— машина наносила на нежную белую ткань особый, блекло-яркий, сдержанно-пестрый, темно-светлый рисунок, который не спутаешь ни с каким другим и узнаешь сразу — каунасская колористика! А раклист — это в общем-то печатник-цветник, и что верно, то верно, расцветка от него зависит. Зигмас с утра выверил в красильном отделении точнейшее соотношение красителей с эскизами, полученными от художников,— и на глазок и по номерам, и очень неохотно отходил от машины, следя, как бы на ткани не возникла морщинка или, не дай бог, перебор-недобор красок. В конце машины ткань, пройдя химическое, термическое и разные прочие воздействия, становилась немнущейся, сине-лилово-коричнево-зеленой, по цвету чем-то похожей на полотна Чюрлёниса, что я отметила с радостью и завистью к тем немногим женщинам, которым удастся приобрести этакую красоту. Фабрика «Кауно аудиняй» расширяться, по-видимому, больше не сможет, она находится почти в центре города и стеснена плотно застроенными улицами. За последние годы и так здесь сделано все, что только было возможно. В двадцатых годах, когда фабрику выстроили и освоили, она в лучшее время давала по два миллиона метров в год. Теперь на этих же площадях и за укороченный рабочий год дает шесть миллионов триста тысяч метров, а вместе с филиалом, фабрикой имени Зибертаса, построенной уже в годы Советской власти,— и все двадцать миллионов. Постепенно старое оборудование заменяется более производительным. У «Кауно аудиняй» давно утвердились постоянные заказчики — несколько фабрик готового платья, ателье мод и магазинов — вот поэтому отнюдь не на каждом прилавке найдешь каунасский шелк. Дана Марцинконене, кандидат технических наук, начальник производственного отдела, рассказала, что на всесоюзном смотре шелковых тканей в Маргилане «Кауно аудиняй» была представлена 21 артикулом, и все были приняты, а 17 из них отмечены. Таким образом, вместе с калининской и рижской фабриками «Кауно аудиняй» оказалась в тройке лучших.

— Коллектив у нас опытный, старый,— продолжала Дана Марцинконене,— в отличие от многих текстильных фабрик, где средний возраст рабочих 20—25 лет, у нас он 35. Старые ткачихи не хотят уходить, да и мы неохотно их отпускаем. Пусть молодежь перенимает их опыт, пусть учится искать и находить свое.

Опыт молодежь действительно перенимала — и хороший и плохой. На второй день, придя в набивной цех, мы увидели, что чюрлёнисовских расцветок ткань закончена и машина работает широкий, темно-красный с восточной пестринкой атлас. Работает себе и работает, даже морщинки и складочки кое-где появляются, и расправляют их молодые девушки у машины неспешно. И одна из них, перехватив мой взгляд, говорит:

— По заказу Средней Азии делаем, для восточных халатов, тут строгость рисунка не обязательна.

Я от таких ее слов огорчаюсь и печалюсь. Зигмас мое огорчение улавливает и говорит:

— Это, наверное, тоже имеет отношение к тому, что я говорил вам вначале — о некоторых невыполненных обязанностях. Я член горкома комсомола, работаю там в идеологической комиссии. Работать интересно. И ответственно — запустишь какую-нибудь сторону жизни молодежи, непременно аукнется, да подчас так, что за свою безответственность станет больно и стыдно.

Четверть века назад расставшись с комсомольским билетом, я вдруг снова оказалась в настоящей комсомольской буче, так что разговор о каунасских тканях сразу отступил на второй план. За эту четверть века я уж никак не меньше чем 25 раз произносила фразу насчет того, что вот в мое время — это да, это была настоящая комсомольская работа. А теперь, мол, что-то все вразвалочку. Но, перенесшись из своих грозных, из своих прекрасных комсомольских 40-х годов в каунасский комсомол 1972-го, я почувствовала, что мне с этим комсомолом хорошо. Так было вначале. А дальше овладело мной чувство, которое нынче принято называть «белой завистью». Я завидовала. Не молодости ребят, честно — нет, я в своем теперешнем возрасте вижу множество разных прелестей. Но я — я! — старая комсомолка 40-х годов, завидовала их комсомолистости. Я радовалась тому, что если они и не похожи на нас, то только внешне. Например, Ирму Алдакаускайте, в ее белых брючках и белом, с бахромкой внизу джемпере, с длинными прямыми волосами и крупным кольцом на худощавой, с длинными пальцами руке, я скорее приняла бы за художницу, а она здесь помощник мастера и неосвобожденный секретарь комитета комсомола. Я хотела было написать, что внутренне они такие же, какими были мы, да вовремя спохватилась — они ведь образованнее. Это надо признать, и в этом хорошо признаваться, иначе для чего же был наш труд?

Ирма рассказывает, что руководство фабрики очень внимательно относится к комсомольской работе и времени для общественных дел хватает. Но дело в том, что 47 процентов рабочих фабрики — ветераны и база роста комсомола маленькая. Большинство рабочих здесь, как и на всякой текстильной фабрике,— женщины. Пока еще девчонки незамужние, они участ-

вуют во всех комсомольских делах, а как только замуж выйдут, к комсомолу словно бы охладевают.

— Пытаюсь осмыслить — что же это такое: пережитки ли прошлого, проявления ли новых форм мещанства?— раздумывала Ирма.— А может быть, я, как незамужняя, просто не понимаю их?

— Видимо, надо найти такие формы и способы работы, чтобы молодая семья не только не уходила от комсомола, но, наоборот, шла бы в первую очередь к нам со своими радостями и бедами.

Я, признаться, думаю, что время пока так и не разрешило до конца эту старую проблему и послереволюционных и послевоенных лет. А Ирма между тем рассказывает о своей семье. Отец ее работает на элеваторе, мать — в детском саду, младший брат, Гвидас, конечно, комсомолец, сейчас на флоте служит. А старший, Донатас, уже член партии, получает высшее образование в Ленинграде.

— А я,— рассказывает Ирма,— в 1964 году окончила среднюю школу и сразу поступила сюда ткачихой. Производство осваивала с низов и, кажется, могу сказать, что знаю его неплохо. Здесь созрело убеждение: «Ты должна вступить в партию». Трудно объяснить это особое чувство,— когда ты еще и девчонка совсем и в то же время зрелый человек, серьезный производственник. Поэтому я и работала так, чтобы заслужить право вступить в партию. Усердно работала, поступила в Каунасский политехнический институт, теперь уже на пятом курсе, и завтра у меня экзамены по НОТ...

— Ох,— пугаюсь я,— а я у вас время отнимаю!

— Да нет, я НОТ знаю—как в теории, так и на практике. Мне только комсомольские дела еще передать надо. Зигмас — он у нас заместитель секретаря комитета комсомола, тоже на днях уезжает: у него сессия в Вильнюсском университете. Иные много говорят, спорят, что такое комсомольская работа. А мне кажется это просто — она все, что касается молодежи: вопросы качества, труда и зарплаты, отношения с коллективом и в семье, детские ясли и проблемы отдыха, политзанятия и работа библиотеки.

— Много у вас тут заочников?— спрашиваю у Зигмаса.

— Много,— говорит он,— только в высших учебных заведениях пятьдесят человек. А еще техникумы, вечерние школы. У нас традиция такая — специалисты свои, от станка, с хорошим знанием производства. Если будет переизбыток, на другие фабрики направим.

Постепенно мы подступаем к разговору о том, как и почему сам Зигмас учится. Издалека подходим, с детства. Детство спокойное, послевоенное. Ему-то кажется, что война уже далеко позади... Отец Зигмаса — врач, мать не работала: воспитывала детей — Зигмаса и его старшую сестру. У Зигмаса своя комната была, все возможности для занятий. Он и занимался, не ленясь, однако всему предпочитал чтение. Вовремя гасили свет по вечерам, а когда дома все засыпало — зажигал его снова. Вот тут-то и начинались главные часы суток — ночное чтение.

О запрещенное ночное чтение! Наконец-то ты один на один с книгой! Сражаются и дружат мушкетеры, машина времени странствует в будущем и в прошлом, пан Володыевский блещет отвагой, старик Хоттабыч нежит и холит Вольку ибн Алешу... Зигмас с детства свободно читает на литовском, русском и польском языках. (Наверное, это очень непедагогично — восхвалять ночное чтение. Но, сама изведав его тайную сладость, я очень понимаю Зигмаса.) Потом пришли другие книги — Межелайтис и Марцинкявичюс, Ильф и Петров, Хемингуэй, Толстой и Достоевский, Фадеев и Шолохов, и Зигмасу, как и большинству людей в молодости, страшно, что не успеет прочесть всех книг.

В часы отдыха.

Фото В. Сальмре.

После школы, конечно, хотелось в институт. Литве тогда требовались химики, и он пошел на химфак. Но еще до института ему захотелось самостоятельности.

— Не то чтобы дома денег не хватало, мне ведь отказа ни в чем не было, но решил сразу встать на собственные ноги. Вот и пришел я после школы сюда, в распоряжение художников — шаблонщиком. В институт поступил на вечернее отделение, а со второго курса призвали в армию. Я служил рядом, в Вильнюсе, и довольно часто приезжал домой, своих хотелось видеть, особенно Арнольдаса. Арнольдас — это мой сын. Я вам еще не успел сказать, что, рано став самостоятельным рабочим человеком, я и женился рано — на Регине, девочке из нашего класса. Сын родился, когда я в армию ушел. После службы решил непременно вернуться на «Кауно аудиняй». И еще, что химия не моя судьба. Все-таки склонности у меня гуманитарные. И, конечно, мне удобнее было бы учиться в Каунасе, однако потянуло в университет, вот и учусь заочно на третьем курсе. Факт, что меня можно обвинить в метаниях. Но я-то думаю, что лучше метнуться раз, да в правильном направлении, чем метаться потом всю жизнь...

Вечером мы пили чай у Зигмаса, и Регина сказала, что любовь у них — с первого взгляда. Зигмас сразу же предложил:

— Налить еще чаю, Региночка?

— Угу,— сказала Регина, жуя бутерброд, и добавила, что рядом с добротой и чуткостью в Зигмасе уживаются упрямство и стальная твердость.

— Вот, например, с Арнольдасом,— рассказывала Регина.— Я его долго уговариваю, чтобы слушался меня, а он не слушается. Я прикрикну — он того хуже. А придет домой отец — сын как шелковый. Чуть заупрямится, Зигмас его в угол отправляет, не повышая голоса.

— Вот поэтому я и говорю, что детей надо воспитывать в детских яслях и садах! Арнольдас ходит в детсад — хоть и без энтузиазма,— и я уверен, эгоистом не будет. Дочь тоже отдадим в ясли.

— Конечно, конечно,— подтверждает Регина,— я же непременно буду работать и учиться, я медсестра и учусь в мединституте на стоматолога.

— А пока что читать тебе надо побольше, а вязать поменьше,— говорит вдруг Зигмас.

Регина смеется:

— Старый спор! Пока дочь маленькая, мне надо не столько читать, сколько вязать. А потом, конечно, буду читать: от книг в нашем доме не уйдешь, как, впрочем, и от музыки...

— У нас хорошие записи Баха, Бетховена и много современной джазовой музыки,— поясняет Зигмас.— Музыку я люблю всякую. Но лучше Первого концерта Чайковского ничего не знаю, наверное, лучше пока еще ничего нет на земле...

Следующий день у Зигмаса был напряженный: два совещания на работе, а после работы волейбольная тренировка. На майке у Зигмаса вопреки предрассудкам номер «13». А поздно вечером — дежурство в народной дружине.

И вот мы идем по широкой каунасской улице рядом с Зигмасом, Альвидасом, Римантасом и Альгимантасом. На рукавах у них красные повязки, и прохожие с любопытством поглядывают на нас: может, думают, что парни уличили меня в нарушении общественного порядка?

— Все комсомольцы? — спрашиваю.

— Все, кроме меня,— отвечает Зигмас,— я уже два года член партии.

И это был единственный случай, когда в голосе Зигмаса прозвучала не эпическая сдержанность, свойственная ему, а явная гордость.

— Дружинники нашей фабрики к дежурствам относятся с уважением,— говорит Зигмас.— Порядок на улицах поддерживаем, хулиганов одергиваем, ссоры гасим. Не нравится мне, что в нашем городе появились длинноволосые, праздношатающиеся типы. Хотя «не нравится», пожалуй, не то слово. Ведь тут наша вина: это же не пришлые какие-нибудь, а ребята из местных школ, из ПТУ — значит, большое было упущение в комсомольской работе. Значит, надо исправлять. А кто же это сделает, если не мы, если не я?

Мы простились на перекрестке, и они пошли дальше — высокие, красивые, спортивные фабричные парни с красными повязками, студенты и мастера своего дела, хранители общественного порядка.

А назавтра у Зигмаса было посвободнее, и он решил перед отъездом посидеть с блокнотом на склоне каунасского холма.

— С детства люблю рисовать,— сказал он,— художник из меня не получился бы, наверное, а вот чувство цвета очень помогает в работе. Пробую крыши Каунаса нарисовать. Но сельские пейзажи у меня лучше получаются, хоть я и горожанин по рождению. У нас на озере Першокшней есть старая деревенская изба, мы туда в отпуск всей родней ездим. Лодка, удочки, теплая озерная вода, книги. Лежишь в траве, глядишь в облака и чувствуешь, как хорошо тебе на своей земле, у своего озера...

Мне про это много рассказывать не надо,— я сама люблю озера. И люблю людей, которые любят озера.

С Зигмасом я рассталась с ощущением, что давно его знаю. И когда говорила о нем в горкоме комсомола, то заворг Бронюс Вайчюлис сказал про Зигмаса:

— С общественным лицом человек и, конечно, прав в том, что он вполне обыкновенный. У нас таких тысячи, и я бы назвал их старыми добрыми словами — железный комсомольский актив.

СУДЬБА САЛАВАТА ЮЛАЕВА

Точно известно, что башкирский народный поэт, один из виднейших руководителей пугачевского восстания, Салават Юлаев, родился в 1752 году в деревне Текеево, в семье непокорного старшины Юлая Азналина. И воинские подвиги поэта в этой беспримерной войне крестьян с самодержавием известны, так же как и горестный конец неравной борьбы: Салават Юлаев и его отец были взяты в плен, биты плетьми и сосланы навечно в балтийскую крепость Рогервик — впоследствии Балтийский Порт, а ныне город Пальдиски Эстонской ССР. Дальнейшая же судьба Юлаева и Азналина неизвестна, сообщают справочники.

...Екатерина Александровна Савина специально историей Салавата Юлаева не занималась. В Центральном государственном архиве Эстонской ССР, который находится в Тарту, она ведет научно-справочную работу и уже длительное время руководит соответствующим отделом. Савина исследует исторические документы и дает необходимые справки. Недавно, занимаясь технической обработкой старых документов, она натknулась на списки башкир — участников пугачевского восстания, в одно время с Салаватом сосланных в Балтийский Порт. И здесь же она нашла рапорты, адресованные начальником Балтийскопортской инвалидной команды майором Дитмаром в особую канцелярию эстляндского губернатора. Так как Эстляндское губернское правление отпускало ссуды на ссыльно-каторжных, майор Дитмар был обязан постоянно доносить о их наличии и состоянии. И вот он пишет:

«...Казанфар Уфаев волею божией по старости лет умре...»

И еще рапорт, отправленный 28 сентября 1800 года:

«...Сего месяца 26 числа помре каторжный невольник Салават Елаев, о чем сим докладывать честь имею...»

2 октября 1800 года майор Дитмар пишет новый рапорт и в нем исправляет свою ошибку:

«...Против прежде: помре Салават Юлаев...»

Так через 172 года рапорт из Балтийскопортской инвалидной команды открыл нам дату смерти — или гибели? — Салавата Юлаева. Только дату, но не причину. Тайна не до конца раскрыта. Майор Дитмар, похоже, был дотошный человек, как мы видим на примере Казанфара Уфаева,— имел обыкновение причину смерти сообщать. О Салавате же — молчок. В сентябре 1800 года Салавату было 48 лет. Со времени пленения, с 1774 года, прошло 26 лет. Из сухих башкирских степей он был загнан в сырые застенки Рогервика. Камни, корявые сосны, пронзительный морской ветер... Не они ли виноваты в болезни и смерти Салавата? Или тоска по степям и горам была причиной его гибели? Об этой тоске мы знаем из его стихов. И недаром на Балтийском побережье ходили в народе смутные слухи о том, что некий инородный певец от тоски по далекой родине бросился в холодное море.

Пока трудно сказать, как все было. Ясно одно: отныне в поэтических сборниках Салавата Юлаева появится найденная тартуской архивисткой Екатериной Александровной Савиной последняя дата его жизни: 26 сентября 1800 года.

Н. СЕРГЕЕВА

НАСТРОЕНИЕ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото М. САВИНА.

Первые недели нового года. Хорошо видно, что от старого он принял в наследство энергичный трудовой ритм, боевую настроенность на решение задач третьего, решающего года пятилетки. На могилевском комбинате «Лавсан» 1972 год был знаменательным: тут освоили проектную мощность первой очереди и сейчас полным ходом сооружается вторая.

В эти дни коллектив энергично борется за важнейший показатель своей производственной деятельности — за высокое качество лавсана.

...Кажется, недавно на комбинат прибыли первые... десанты. Так кто-то назвал их. Так они и вошли в летопись комбината. «Десанты» — группы специалистов из Новомосковска, Красноярска, Клина, Курска. Это они составили костяк коллектива, во многом определив его облик. В «десантники» брали людей способных, опытных. И все же опасались: не вспыхнут ли междоусобицы, не захочет ли каждая ячейка «гнуть» свою линию, демонстративно или втихую оттолкнуть все «чужое», чтоб утвердить «свое» — красноярское или курское? Теперь очевидно: опасения были напрасны. Крепкий, дружный коллектив сложился быстро, потому что все поняли: только сообща можно сделать дело, для которого страна отвела предельно короткий срок. И еще потому, что тон в коллективе задавали люди, вкладывавшие в это дело частицу сердца. Такие, скажем, как Олег Георгиевич Ирхо.

Мы познакомились с ним, и он сразу повел разговор о возглавляемой им службе контроля качества. Я уже знал, что Ирхо из красноярской «дружины», заядлый хоккеист, турист, лыжник, общественный директор шахматно-шашечного клуба, заводила на вечерах, знаток литературы, театрал.

— И говорят, что у вас все получается... Это верно?

Он улыбнулся.

— Почти... Просто я очень не люблю занимать последние места.

Ответил без рисовки, вроде бы шутя, но за его словами сразу увиделся сильный, цельный характер.

...Могилевский комбинат синтетического волокна был заложен в 1965 году. Роль ему отводилась огромная — во много раз увеличить выпуск синтетических волокон в стране. Первой очередью уже перекрыта мощность всех предприятий подобного рода в СССР.

Темпы набирали без раскачки. В 1968 году пустили опытную установку — комбинат в миниатюре. 1970-й, год рождения В. И. Ленина, ознаменовали достойно: ввели четыре производства, или 96 объектов, дали первый полимер, первый штапель, первый корд. В семьдесят втором, в честь 50-летия образования СССР, выпустили 50-тысячную тонну штапеля.

И во всех этих достижениях определяющим было настроение таких людей, как Олег Ирхо: «Не люблю занимать последние места». Были и другие факторы, необходимые, важные — моральные.

Олег Георгиевич Ирхо, можно сказать, вынянчил службу. Он искал для нее лучшую структуру, воевал за материальную базу лабораторий, воспитывал, учил людей. Известно, что в технический контроль предпочитают брать производственников авторитетных, опытных. Где их взять молодому предприятию? Брать молодежь... Не подведет ли? Уж слишком велика ответственность службы! Ирхо и тут применил свой, может быть, не оригинальный, но полезный, оправдавший себя принцип. Зачем ждать, пока на комбинат отрядят выпускников профессионально-технического училища, а отдел кадров отсчитает столько-то специалистов на твою долю? Почему самому не пойти в ГПТУ, чтобы присмотреться к людям, определить, у кого есть данные, подходящие для службы, позвать таких на практику, а потом тех, кто хорошо себя проявил, пригласить на службу.

— Вот так и комплектовались. Конечно, очень много приходится заниматься с людьми, воспитывать, учить. Но окупается.

Окупается потому, что такие, как Олег Ирхо, учат прежде всего творческому подходу к делу.

— Сразу даем понять, что современный рабочий, тем более на таком предприятии, как наше,— это человек мыслящий, активный, стремящийся стать вровень с техником, инженером.

И в подтверждение рассказывает о Наташе Ивановой.

Она приехала на «Лавсан» из Новополоцка. После техникума. Пока не пустили производство, работала бетонщицей, потом стала контролером, лаборантом, теперь старший лаборант. Ее обязанность — подбирать по схожим показателям полимерные партии для смешения. Дело сложное, кропотливое. От него во многом зависит качество волокна. А нельзя ли ускорить этот процесс? Попыталась. Были и неудачи, а потом получилось. Цикл смешения сократился на два часа.

— Так вдруг и раскрываются люди,— резюмировал Олег Георгиевич, оценивая Наташино предложение.

А я сразу представил себе, какая большая работа лежит за этим «вдруг». Работа самого Ирхо, начальников лабораторий, мастеров смены...

Приучить к творчеству во всем, даже на первый взгляд и незначительном. Так заведено.

Как-то в службе обсуждали социалистические обязательства. Кто-то высказал мысль: а почему мы оформляем их стандартно? Придумаем что-нибудь оригинальное. И придумали. Теперь у каждой смены для социалистических обязательств альбомы. В них — фотографии, красочные тексты. Вторая смена даже немудрящие стихи написала о рабочей должности. Кончаются стихи строчками: «Должность трудная, но почетная. В напряжении каждый час. Все решительно подотчетно нам. И ответственность вся на нас...»

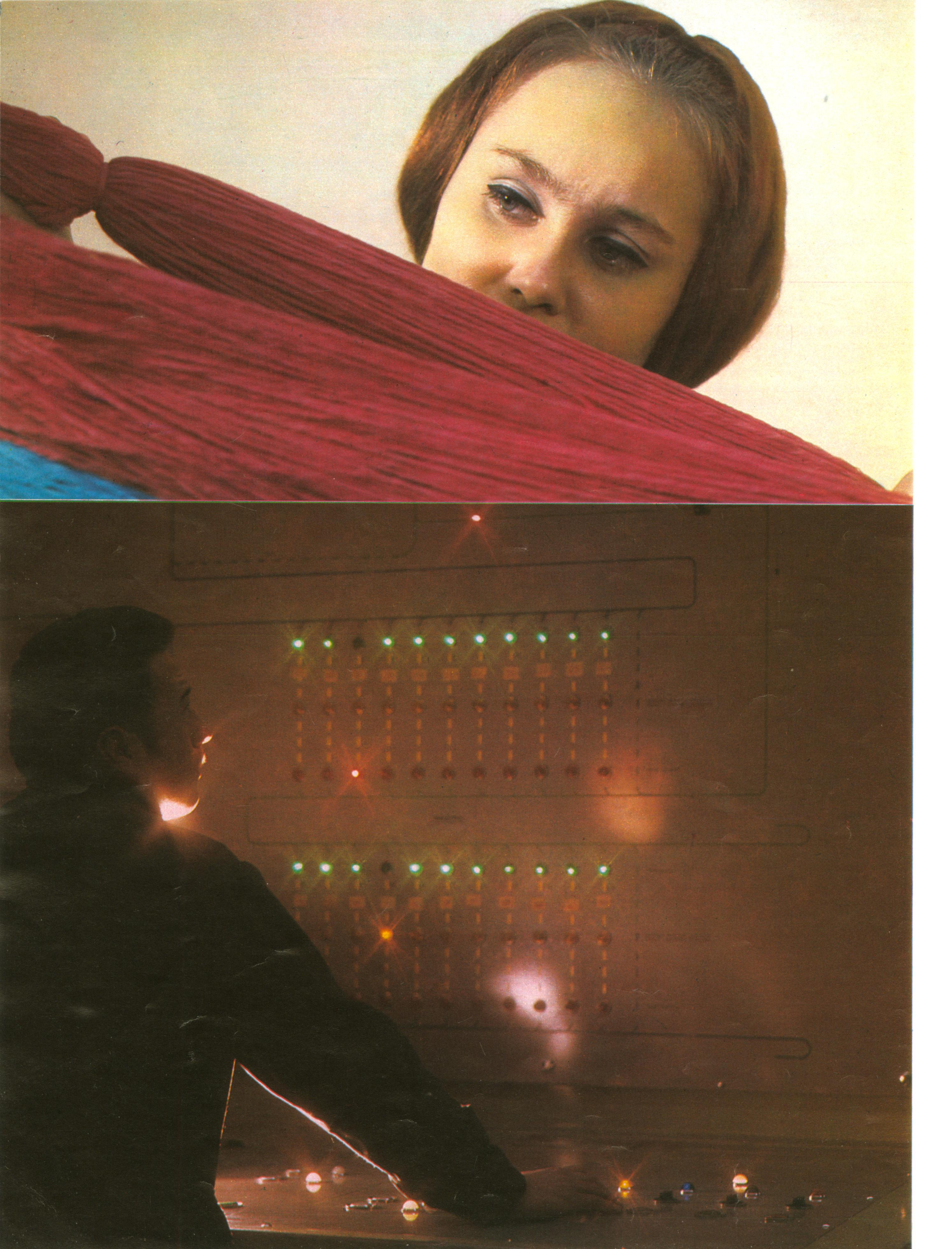
Ответственность вся на нас... Поэтому и соревнуются на «Лавсане» увлеченно, с полной отдачей.

Это все приметы отличного настроения на «Лавсане», как раз такого, какое требуется, чтобы одолеть рубежи третьего, решающего.

Оператор прядильной машины штапельного волокна Владимир Губанов. Передовик цеха, член КПСС, комсорг цеха.

Крутильно-вытяжной цех.

ОБЩИЕ ЗАБОТЫ, ОБЩИЕ РАДОСТИ

Владимир БЭЭКМАН,
первый секретарь правления
Союза писателей ЭССР

Нынешним летом в Мюнхене у меня произошел с одним близким к литературе человеком следующий разговор:

— На каком языке у вас в Эстонии ведется преподавание в школах?— спросил мой собеседник.

— На эстонском.

— А в высших учебных заведениях?

— Тоже.

— И книги издаются на эстонском?

— А как вы полагали?

— Но ведь у вас столько языков в стране! Как же вы в состоянии понять друг друга?

И не так-то легко оказалось довести до сознания интеллигентного собеседника все то, что для нас привычно и каждодневно. Ведь и правда, у нас говорят на десятках очень разных языков. Но правда и то, что это обстоятельство ни в малейшей степени не мешает нашей общности. Бывает, не очень-то искушенные в национальном вопросе собеседники прямо ссылаются на американский опыт в качестве примера для подражания. Еще бы, в огромной стране кажется куда как рационально пользоваться одним-единственным, обязательным для всех языком, и никаких тебе сложностей. В том, что это осуществимо, вроде бы и сомнений быть не может. Ведь все население нынешних Соединенных Штатов, столь пестрое по этническому происхождению, говорит на английском.

Вероятно, опыт американской «плавильной печи» наций в чем-то ценен. Но не для нас. Слишком уж различные у нас исторические и социальные условия формирования наций и государств. Народы нашей страны вошли в СССР как целые национальные организмы. В Америку же люди всегда уезжали либо в одиночку, либо небольшими группами, в отрыве от всего того, что в конце концов и превращает какое-то число говорящих на одном языке людей в нацию.

И все же, как мы понимаем друг друга?

Можно сказать: нам помогает общность исторических судеб и целей, общие интересы и задачи, стоящие перед народами Советского Союза, наше идейное единство.

Но и различия во вкусах, привычках и укладе, встречающиеся у разных народов, всегда способны пробуждать взаимный интерес. Основой основ нашего государства является полное равноправие наций: среди наших народов нет высших и низших, главенствующих и подчиненных. Все более развивающиеся и углубляющиеся взаимные связи наших народов имеют исключительное значение для всех нас. Вот самый близкий писателю и, следовательно, читателю простой пример. Произведения эстонской литературы на родном языке доступны лишь для миллиона с небольшим людей во всем мире, говорящих по-эстонски. В переводах на языки народов СССР эти книги прочитывают десятки, а может быть, и сотни миллионов читателей. Само собой разумеется, сколь велика при этом роль русского языка. Ведь любой писатель пишет с надеждой на то, что его мысли дойдут до возможно большего числа современников, которым он хочет сообщить нечто существенное, то, что в состоянии сказать только он один. Дело тут отнюдь не в удовлетворении личного тщеславия, а в первую очередь во включении в общий культурный процесс достижений той или другой национальной культуры. Хороший опыт накапливается понемногу. Сейчас мы уже оказались в состоянии переводить прямым переводом на эстонский с языков всех остальных союзных республик. А ежегодная литературная премия имени Юхана Смуула за прошлый год была присуждена переводчице Ли Сеппель за перевод с азербайджанского на эстонский сборника избранных стихотворений Расула Рзы.

Нет такого народа, у которого не нашлось бы собственного опыта, мудрости и самобытной красочности, достойных привнесения в общую сокровищницу. Наше счастье состоит и в том, что книги Шолохова и Леонова, Айтматова и Быкова, балет Чабукиани, песни Магомаева, живопись Сарьяна одновременно и глубоко национальны и в то же время являются достоянием и гордостью всего советского народа. Расчленить нашу культуру на ряд изолированных друг от друга подразделений уже нельзя, невозможно и рассматривать ее как простой конгломерат множества разных национальных культур,— она представляет качественно новое явление в истории человечества, это сплав, обладающий совершенно новыми свойствами по сравнению с исходными компонентами. Мы должны и дальше думать о путях укрепления братских связей между народами, населяющими нашу необъятную страну. В этом направлении никогда нельзя считать, что уже многое сделано, а все достигнутое надо считать лишь первыми шагами; мы можем и должны знать друг о друге как можно больше.

Разве не пробуждают у братских народов интерес изменения, происшедшие за годы Советской власти в Эстонии? Тридцать лет назад Эстония была по преимуществу крестьянской страной — две трети ее населения жило в деревне и занималось сельским хозяйством. Ныне же две трети эстонцев — городские жители. Несмотря на столь интенсивный отток рабочей силы из села, валовая продукция сельского хозяйства в тот же период возросла более чем в полтора раза. Это произошло благодаря тому, что социалистическим преобразованиям присуще планомерное и рациональное распределение производительных сил.

Материальный прогресс стал крепким фундаментом и для быстрого подъема духовной жизни народа, культура стала всеобщим достоянием.

В Эстонии ныне издается в год на душу населения по 8 книг, по 15 журналов, по 159 экземпляров газет. Число студентов высших учебных заведений у нас составляет 161 человек на каждые 10 тысяч населения — показатель, по которому мы превосходим многие высокоразвитые страны мира.

Три года назад мы торжественно праздновали столетие праздников песни, взявших за последние годы поистине гигантский размах,— в 1969 году численность сводного хора на празднике составляла 32 тысячи певцов. Но в прежние времена песенные традиции эстонцев оставались незамеченными. Считалось, что настоящие песни поются и настоящие певцы водятся, конечно же, в Италии. Теперь же наши хоры и дирижеры покоряют своей музыкальностью песенную Италию, завоевывая там на конкурсах первые призы, что раньше было совершенно немыслимым.

Эстонские художники, скульпторы, артисты известны далеко за пределами Эстонии, в десятках стран мира, не говоря уже о братских союзных республиках. Это не просто знамение времени, это в первую очередь торжество социалистической культуры нашего народа, расцвет которой порожден самим общественным строем, победившим в Эстонии тридцать лет назад.

Литература наша приобрела новую глубину проникновения в сущность человеческих отношений, а следовательно, и остроту анализа социальных проблем, встающих перед современным человеком. Поэтические книги Деборы Ваарании, Ральфа Парве, Матса Траата, Пауля-Эрика Руммо и других наших поэтов расходятся большими тиражами по всей стране и по земному шару.

Только в таком содружестве народов, каким является Советский Союз, культура столь немногочисленной нации смогла приобрести столь сильное звучание.

Мне еще раз хочется повторить: в формировании этого сплава огромную роль играет взаимное расширение литературных связей — познание друг друга через литературу с помощью перевода наших книг на языки всех республик Советского Союза. Нет нужды доказывать, что чем быстрее будут расти литературные связи, тем прочнее станет наша дружба. Дружба, как показала история, невозможная в иных, несоциалистических условиях. Очень показателен книжный рынок наших северных соседей — Финляндии, Швеции, Норвегии. Известно ведь, что эти страны объединены географически, исторически и отчасти этнически. Но в их переводной литературе полностью господствуют переводы с «больших» языков — английского, французского, немецкого. Взаимных переводов очень немного. А обратные переводы финских, шведских и норвежских авторов на «большие» языки и вовсе редкое явление. Сближению скандинавских литератур, их взаимному интересу не помогают ни поголовная грамотность в этих странах, ни активный читательский интерес, ни традиционное разностороннее сотрудничество в разных областях экономики, политики и культуры: в Норвегии, например, очень мало знают о финской литературе, а в Швеции — о норвежской.

Зато в любой эстонской библиотеке сейчас можно найти переводы лучших книг киргизских, молдавских, литовских и писателей других национальностей нашей страны. Явление это для нас стало привычным, а ведь оно феноменально во всемирном масштабе. Сравнивая, мы видим отчужденность народов-соседей с этнической общностью в капиталистическом мире и настоящее духовное родство и взаимообогащение народов с большими этническими различиями, с самобытной культурой в мире социализма.

Эстонские литераторы стали обращать особое внимание на историко-революционную тематику. Ведь именно освещение недавнего прошлого эстонского народа больше всего страдает от недостаточности и односторонности источников периода буржуазной республики. Именно на этот счет больше всего распространяется небылиц и дезинформации со стороны эстонской буржуазной эмиграции за границей. Нужно покончить со лживыми мифами и питающейся наветами клеветой. Долг нашей литературы — рассказать всю историческую правду о судьбе небольшого эстонского народа.

Долг нашей литературы — прокладывать все больше прочных и надежных мостов друг к другу.

Вернусь к началу этой статьи, к беседе с моим мюнхенским знакомым. На вопрос о том, как же мы понимаем друг друга, я ответил: с одной стороны, благодаря нашему интернационализму и общности идей и, с другой — благодаря различиям и национальным особенностям, пробуждающим в нас взаимный интерес друг к другу.

Но ведь ответ этот и прост и очень сложен. Осветить всю его простоту и сложность, всю его историческую конкретность светом художественной правды — тоже наш большой долг.

Работница комбината Тамара Елсукова.

Оператор внутрицехового транспорта Василий Чечиков.

ЦВЕТЫ НА КАМНЯХ

Мамаев курган...

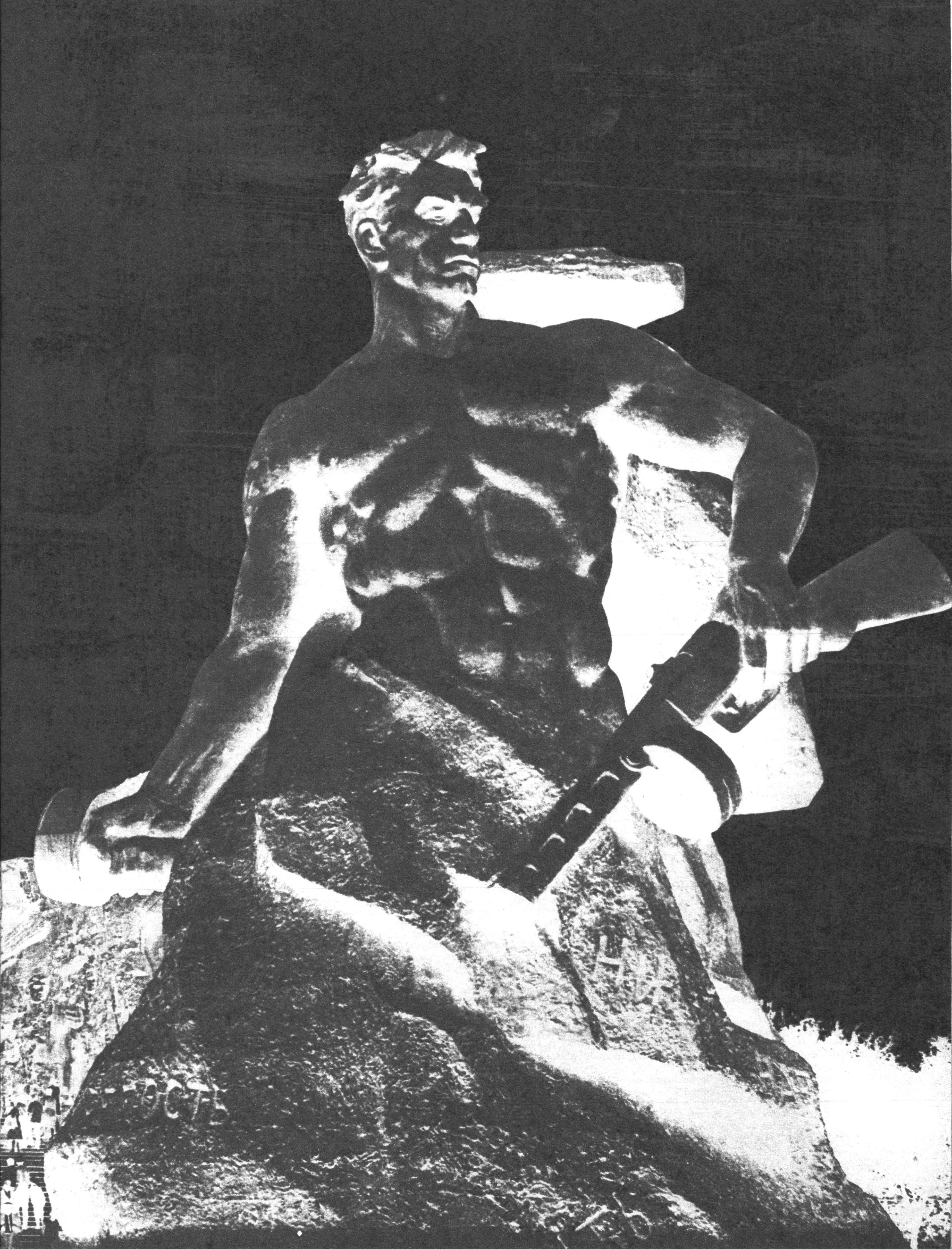
Тут каждый клочок земли священ. Каждый самый малый клочок ее полит кровью. Мамаев курган — курган вечной славы подвигу, совершенному 30 лет назад великим советским народом.

Зимою и осенью, летом и весной, в любую погоду на его священных камнях цветут цветы — дань, которую приносят люди защитникам города-героя, воинам-победителям.

Мамаев курган...

К нему не зарастет народная тропа.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник
А. И. РОДИМЦЕВ,
бывший командир 13-й гвардейской дивизии

Переправа через Волгу была назначена на ночь с 14 на 15 сентября 1942 года.

Накануне я почти целые сутки не уходил с берега, объезжая места сосредоточения полков нашей 13-й гвардейской дивизии. Над кручей противоположного берега, очерченного зубчатым силуэтом города, стояло огромное зарево. Днем оно спорило блеском с солнцем. А ночь превращало в день... Гром, доносившийся с той стороны, не давал говорить, заставлял повышать голос до крика. В Сталинграде, не прекращаясь ни на минуту, кипел страшный, смертный бой. Мы знали, что силы 62-й армии генерала В. И. Чуйкова, оборонявшей город, истощены, что в нескольких местах враг уже вырвался к Волге и что, если не помочь защитникам свежей силой, Сталинград не удержать...

Я смотрел на вспученную снарядами волжскую ширь, на всполохи, отражавшиеся в темной воде, и думал о предстоящей переправе. Впрочем, переправа ли это? Скорее, десант. Ведь предстоит под артиллерийским и пулеметным огнем, под непрерывными налетами вражеских бомбардировщиков пересечь широкую, как море, реку, подойти к берегу, возможно, уже захваченному врагом, выгрузиться и тут же перейти в атаку, чтоб добраться до рубежа, на котором обороняется истекающая кровью армия, встать в ее строй, занять свой участок.

Незадолго до начала высадки к нам в штаб приехал заместитель командующего фронтом генерал Ф. И. Голиков, который отвечал за переброску дивизии на тот берег.

— Все готово? — спросил он.

— Полки сосредоточены на исходном положении,— доложил я.— Можно высылать разведку...

Голиков с минуту помолчал, что-то обдумывая. Не сомневаюсь, он прекрасно понимал: без разведки высаживаться на противоположном берегу очень рискованно. Не только потому, что все прибрежное пространство прошито очередями вражеских пулеметов и огнем немецких орудий, бьющих прямой наводкой, но и потому, что в столь изменчивой обстановке никто не может поручиться, в чьих руках находится место предстоящей высадки. Но в ответ генерал покачал головой.

— Ты знаешь, что сегодня немцы захватили причалы? Чуйкову пришлось бросить на штурм свой штаб, чтоб отбить и удержать их!.. Судьбу шестьдесят второй решают не дни — часы...

— А сейчас причалы держат? — спросил я.

— Пока держат... Прикажи грузиться!

Да, в трудный, неимоверно тяжкий момент нашей 13-й гвардейской выпала судьба вступить в Сталинградскую битву! Миновав неширокую темную зону у восточного берега, передовой отряд старшего лейтенанта Червякова вышел на середину реки. В ту ночь Волга полыхала огнем — горели полосы нефти, выплеснувшейся из разбитого бомбами нефтехранилища. Впрочем, и без этой «подсветки» освещение вполне достаточное. И враг, конечно, сразу заметил черные силуэты наших катеров, открыл бешеный огонь. Бойцы плыли в напряженном молчании. Поднятая взрывами вода лесом фонтанов вздымалась у бортов, перед носом и за кормой. И казалось, собственной кожей каждый чувствовал, как осколки впиваются в обшивку судов... Вдруг один катер затянуло дымом, прогрохотал взрыв, и через минуту на его месте блестела лишь волжская вода. Я сжал зубы: на этом катере плыли шестьдесят пять автоматчиков полка Панихина. И все-таки, несмотря на вражеский огонь, главное подразделение десанта добралось до противоположного берега и тут же, едва спрыгнув на прибрежный песок, с ходу вступило в бой. Как раз вовремя! Отряд штаба едва-едва удерживал узкую кромку суши.

К рассвету 15 сентября все три полка нашей 13-й гвардейской дивизии — командиров И. П. Елина, Д. И. Панихина и С. С. Долгова — полностью переправились на сталинградскую сторону. Последним катером пересек реку и штаб дивизии.

Узкая береговая полоска, где мы высадились, содрогалась от взрывов: гитлеровцы хотели во что бы то ни стало уничтожить десант, не дать ему добраться до развалин города. Непрерывно били артиллерия и минометы. Едва взошло солнце, в дымном небе повисла гитлеровская авиация. Каждый метр был перепахан взрывами. Казалось, невозможно поднять голову под таким огнем. Но батальоны встали и устремились вперед.

Первым наступал батальон старшего лейтенанта Червякова. Враг, не ожидавший столь ожесточенного натиска, не выдержал. Наши бойцы врывались в разрушенные здания и в рукопашном бою сбрасывали гитлеровцев с этажей, броском пересекали простреливаемые насквозь улицы и упорно шли к центру города.

В течение всей ночи и весь следующий день мы вели бои за привокзальную площадь. Вечером 15 сентября гвардейцы штурмом взяли Сталинградский вокзал. Этот удар был полной неожиданностью для немецкого командования, еще накануне уверенного, что остались считанные часы до полного захвата города.

Полк Долгова, переправившийся через Волгу в районе завода «Красный Октябрь», двинулся на штурм Мамаева кургана. В то время этот, ныне знаменитый курган на наших штабных картах скромно именовался высотой 102. Но с нее просматривался почти весь город и значительная часть Волги. И курган был взят... Первым во вражеские траншеи на склонах ворвался батальон капитана Кирина. В яростной, кровопролитной схватке враг дрогнул, стал откатываться.

Утром 17 сентября гитлеровцы сосредоточили на узком участке, в районе привокзальной площади, несколько свежих дивизий и более сотни танков. После мощной артподготовки в небе появились вражеские самолеты. «Музыканты» — так называли у нас бомбардировщики, снабженные сиренами,— группами по 10—12 машин пикировали на позиции наших полков. Не успели убраться «музыканты», как из укрытий сразу с нескольких направлений двинулись фашистские танки. Гитлеровцы во что бы то ни стало хотели вернуть вокзал. В течение дня развалины вокзала четырежды переходили из рук в руки. Страшный жар скрутил рельсы винтом, взрывы разметали стрелки, станционные постройки превратились в груды щебня, между которыми полыхали подожженные немецкие танки. Но вокзал мы отстояли... В этом бою вечной славой покрыли себя автоматчики роты лейтенанта Дергача и бойцы взвода ПТР капитана Бурлакова, бившиеся до последнего патрона и до последнего вздоха... Ожесточенный контрудар врага не заставил дивизию перейти к обороне. Мы понимали: лучшая оборона есть наступление. И подразделения полков продолжали с боями пробиваться к центру города. Гитлеровцам пришлось бежать с Республиканской, Профсоюзной и Пролетарской улиц. Сквозь шквальный огонь, сквозь пожары шли в атаку гвардейцы. Воля и мужество наших бойцов брали верх над противником. В первых рядах шли коммунисты. Поднимали в контратаки бойцов, стояли насмерть, сдерживая бешеный натиск врага, вдохновляя других своей железной стойкостью и упорством. И, конечно, падали, сраженные пулями и осколками. Были тяжело ранены начальник политотдела дивизии Григорий Яковлевич Марченко и комиссар панихинского полка Петр Васильевич Давыдов. Но число коммунистов не уменьшалось. Бойцы и командиры, увлеченные их примером, тоже хотели идти в бой коммунистами. В эти дни подали заявления о приеме в партию более семидесяти бойцов и командиров 13-й гвардейской.

Стойкость советских воинов вызвала замешательство у врага. 20 сентября начальник генерального штаба гитлеровских сухопутных войск генерал Гальдер записал в свой дневник: «Под Сталинградом постепенно становит-

Знамя победы над площадью Павших борцов.

Сталинград, 2 февраля 1943 года.

Фото Г. Зельмы.

ся заметным, что наши войска выдыхаются». Гальдер, этот верный гитлеровский слуга, посмел даже настаивать на прекращении наступления, за что и был смещен фюрером с должности. Фашистское командование не теряло надежды сломить упорство защитников и собирало новые силы для штурма города.

Сражение, начавшееся на рассвете 22 сентября, по своему ожесточению и потерям превзошло все бои, которые пришлось нам вести в Сталинграде... Среди рева пламени и грома взрывов, под непрерывным огнем артиллерии и танков, под бомбами вражеских самолетов, мы отстаивали каждую улицу, каждый дом, каждую квартиру. То и дело вспыхивали яростные рукопашные схватки. В ход пошли холодное оружие, руки, зубы. Понимая, что надо отстоять город во что бы то ни стало, полные непреклонной решимости погибнуть, но не отступить, мы бились за каждый камень. На одном участке обороны пали все — и бойцы и командиры... Танки и автоматчики гитлеровцев ринулись к Волге. Почти одновременно десятки вражеских машин ворвались на площадь Девятого января... Личный состав окруженного штаба полка во главе с Панихиным вступил в схватку с противником. И не только выстоял, но и контратаковал и отбил!

Тяжелый бой кипел на вокзале. Обороняя его, бойцы бились в окружении несколько суток. Все наши отчаянные попытки пробиться на помощь товарищам терпели неудачу. Не получая подкреплений, ощущая острый недостаток в боеприпасах, батальон нес потери, но держался. Развалины вокзала превратились в крепость, неприступную для врага. К 1 октября от батальона осталось шесть человек. Вышли патроны и гранаты. Лишь тогда, действуя холодным оружием, герои прорвались в расположение своих войск.

Так бились солдаты 13-й гвардейской. Каждый за пятерых, а то и за десятерых. И хоть до волжской воды оставалось не более трехсот метров, гитлеровцы, несмотря на бешеные усилия, не могли их преодолеть. «Соседями» на наших флангах нередко оказывались немецкие войска. Вражеские репродукторы надрывались на переднем крае: «Родимцев будет сброшен в Волгу!» Я приказал передать в ответ, что скорее они себе шею сломают. Так оно и вышло в конце концов...

Наверное, оставшиеся в живых телефонисты нашей дивизии по сей день помнят позывной «Маяк». На него откликались в полуразрушенном доме, выходящем на площадь Девятого января. В этом здании сражалось подразделение 3-го батальона полка Елина. В конце сентября комвзвода Афанасьев с группой бойцов выбил врага из дома и превратил его в неприступную крепость. Располагаясь в центре города, дом имел важное тактическое значение для защитников города. Но еще более важным был тот беззаветный дух сопротивления, которым славился его бесстрашный гарнизон, ставший на пути врага непреодолимым утесом.

Мне довелось не раз бывать в этом доме, который ныне называют домом солдатской славы. Как-то раз пробираюсь ночью по ходу сообщения и вдруг с изумлением слышу голос... Утесова! В паузах между выстрелами даже слова разобрал!

Ну, думаю, здесь устроились прочно! Вхожу. Навстречу сержант Яков Павлов — небольшого роста, темноволосый, заросший. Лицо и ватник в пороховой копоти.

Знакомлюсь с бойцами: Александров, Воронов, Сабгайда, Довженко, Мосиашвили, Мурзаев, Хаид, Сукба... Кажется, все народы нашей Родины отрядили в этот дом солдатской славы своих представителей!

Защитники дома сумели создать прочную, грамотную в военном отношении, укрепленную позицию. В случае необходимости гарнизон мог вести бой даже в полном окружении.

Пятьдесят восемь дней штурмовали гитлеровцы этот легендарный дом. И ни один из них, если не считать пленных, не прошел за линию обороны.

Гвардейцы сами придумывали методы ведения боя в столь необычайных и сложных условиях: ведь довоенные уставы многого не могли учесть. Из смелых, закаленных воинов мы подбирали штурмовые группы, которые нежданно обрушивались на врага с тыла, наносили сокрушительные удары, тут же исчезали... Не раз мы сознательно приближали наши окопы и укрытия вплотную к переднему краю врага, чтоб доставать до вражеских траншей гранатой или зарядом взрывчатки. Таким образом не давали житья захватчикам ни днем, ни ночью. Да и бомбить наши передовые позиции в этом случае гитлеровская авиация не решалась, опасаясь угодить по своим.

В ход пошла и подземно-минная война. Однажды мы подвели подкоп под важный опорный пункт на Пензенской улице, где засело около двухсот фашистов. Туннель длиной в сорок метров был прорыт под самым подвалом дома железнодорожников. На взрывчатку не поскупились: заложили в подземную камеру без малого три тонны тола. Воздушная волна гигантского взрыва хлестнула и по нашим позициям. Но все обошлось благополучно — никто не пострадал, если не считать мелких ушибов и царапин. Зато ни один фашист не ушел из здания. Все перемешалось с землей и камнем. Мы перестали отличать день от ночи и мерили время отбитыми вражескими атаками, метрами отнятой у врага земли, схватками в развалинах...

А на флангах, по обеим сторонам Сталинграда, Ставка тем временем накапливала могучие ударные группы войск для решительного наступления. И вот пришел день, когда вражеские порядки были прорваны. 23 ноября танковые клещи Юго-Западного и Сталинградского фронтов сомкнулись в районе Калач — Советский. Котел, в котором оказалось триста тридцать тысяч отборных гитлеровских войск, захлопнулся... Еще не зная об этом, мы сразу ощутили, что противостоящий нам враг заметался, почувствовал себя неуютно и уже не помышлял о том, чтобы сбросить нас в Волгу...

А мы — вперед! Какое великое чувство радости и гордости за свою армию испытывали мы, перейдя в решительное наступление навстречу войскам, идущим к Сталинграду с запада! Отбивая развалину за развалиной, мы все дальше оттесняли врага от берега, суживая кольцо окружения. Конечно, мы понимали, что враг сделает все, чтоб деблокировать окруженную группировку. Но верили: это ему на сей раз не удастся. И вот ранним утром 26 января мне доложили, что в тылу гитлеровцев гремит артиллерийская стрельба.

— Наши идут! — радостно воскликнул Панихин.

Выехав в передовые части, я приказал ускорить наступление навстречу войскам Донского фронта. Панихин повел батальоны в последнюю атаку. Порыв бойцов был так велик, что никакая сила не могла сдержать их...

Около 9 часов утра подразделения Панихина прорвались северо-западнее Мамаева кургана через вражеские порядки и увидели в утренней мгле знакомые очертания «тридцатьчетверок»...

— Наши! Ур-ра! — гремело над заводской окраиной. Впереди бежали комбаты Гущин и Мудряк. Еще накануне инструктор политотдела Корень сделал знамя. Я и сейчас не знаю, откуда он достал материал среди огня и развалин. Но как радостно было смотреть на боевое алое полотнище, что развевалось над снежным полем!

Наконец преодолены последние метры, подразделения нашей дивизии встретились с бойцами 52-й и 53-й дивизий. И сразу началось что-то невообразимое. Люди обнимались. Под богатырское «ура» в небо взлетали сотни шапок. И хоть еще гремела стрельба, хоть недобитый враг еще отстреливался в последних узлах сопротивления — радости не было конца.

2 февраля последние части гитлеровцев выкинули белые флаги. За Волгу потянулись унылые колонны пленных. Сталинградское сражение закончилось. А гвардейцы салютовали великой победе. В одиночку и группами, стоя на почерневших от пороховой копоти и пожаров камнях, на вспоротых взрывами дотах, они стреляли в небо очередями и одиночными выстрелами. Я тоже не смог сдержать захлестнувшего меня счастья и, вырвав из кобуры пистолет, разрядил вверх обойму.

Этот гвардейский салют прогремел на сто сорок первый день после той незабываемой сентябрьской ночи, когда части нашей дивизии начали высадку на пылающем волжском берегу...

КОГДА

Герой Советского Союза, генерал-полковник М. С. ШУМИЛОВ, бывший командующий 64-й армией

29 января нам стало известно, что штаб 6-й гитлеровской армии во главе с командующим Паулюсом находится в подвале сталинградского универмага.

Мы понимали, как это важно — захватить вражеский штаб, лишить головы зажатую стальным кольцом советских армий, но все еще сопротивляющуюся вражескую группировку. Поэтому я вызвал командира 38-й мотострелковой бригады, находящейся в резерве нашей 64-й армии, полковника И. Д. Бурмакова и поставил перед ним задачу: окружить универмаг и захватить штаб вражеской армии. Задача не из легких: на пути к универмагу оставалось немало сильно укрепленных гитлеровских опорных пунктов. С боями преодолевая сопротивление врага, батальоны 38-й бригады пробились к зданиям драмтеатра и облисполкома. Эти здания враг превратил в крепости с развитой системой круговой обороны. В них находились крупные гарнизоны — в одном драмтеатре наши бойцы захватили в плен около 1 800 гитлеровцев.

Действия бригады я держал под постоянным контролем. К утру 30 января здания драмтеатра, облисполкома и опорные пункты на Пушкинской и Октябрьской улицах были в наших руках. А еще через сутки бригада с боем проложила себе путь через развалины западной части площади Павших борцов и во взаимодействии с 329-м инженерным батальоном блокировала здание универмага и руины гостиницы «Интурист», расположенной по соседству.

Вскоре полковник Бурмаков позвонил мне на наблюдательный пункт, находившийся в Ельшанке, и доложил, что задача выполнена, универмаг окружен и что заместитель начальника штаба бригады по оперативной части старший лейтенант Ф. М. Ильченко, лейтенант А. И. Межирко с автоматчиками и заместитель командира 2-го мотострелкового батальона по политчасти капитан Н. Ф. Гриценко встретили вышедших с белым флагом парламентеров Паулюса, который просит выслать представителей штаба нашей армии для переговоров о капитуляции.

Мной было принято решение: переговоры вести с 8.00 до 10.00, на это время огонь прекратить. Старшим делегации, которой предстояло принять капитуляцию командующего вражеской армии, я назначил начальника штаба армии генерал-майора И. А. Ласкина. Кроме него, в делегацию вошли начальник оперативного отдела полковник Г. С. Лукин, начальник разведотдела майор И. М. Рыжов, заместитель начальника штаба армии по политчасти подполковник Б. И. Мутовин. Делегации было приказано немедленно спуститься в подвал универмага и предъявить Паулюсу и его штабу ультиматум о капитуляции без каких-либо условий.

Как мне потом доложили, в штабе 6-й армии царило уныние. В помещениях было сыро и грязно. Комната начальника штаба генерал-лейтенанта Шмидта освещалась огарком свечи. Накануне капитуляции по приказу Паулюса все рации и радиостанция были уничтожены.

СТИХЛО СРАЖЕНИЕ

Слева направо: член Военного Совета армии К. А. Гуров, командующие армиями В. И. Чуйков и М. С. Шумилов и командир 13-й гвардейской дивизии А. И. Родимцев.

Переговоры велись сначала с генерал-майором Роске, командующим южной группировкой расчлененного нами к этому времени сталинградского котла, а затем с генералом Шмидтом.

В результате южная группировка окруженных капитулировала безоговорочно. Однако штаб Паулюса не имел возможности доставить приказ о капитуляции в свои войска, так как на этом участке наши части глубоко вклинились в их оборону. Поэтому мы решили, чтобы представители вражеского командования доставили этот приказ совместно с нашими офицерами.

Переговоры закончились. Огонь на южном участке прекратился. Немецкие солдаты и офицеры складывали оружие. Северная же группировка немецких войск еще два дня вела бой: Паулюс и Шмидт отказались приказать им прекратить сопротивление, мотивируя это тем, что каждая группировка имеет свое командование, подчиненное непосредственно Гитлеру.

В сопровождении генерал-майора Ласкина генерал-фельдмаршал Паулюс, начальник его штаба генерал-лейтенант Шмидт и первый адъютант штаба армии (начальник армейского управления кадров) полковник Адам были доставлены ко мне на командный пункт армии в Бекетовку.

В 12 часов дня 31 января 1943 года в мой кабинет вошел высокий, худой, с проседью в волосах человек в немецкой генеральской форме. Это был Паулюс. Вслед за ним появились Шмидт и Адам.

Меня охватило волнение. Передо мной стоял первый вражеский генерал-фельдмаршал, плененный войсками Красной Армии. Да еще такой, как Паулюс, который до своего назначения командующим 6-й армией состоял в гитлеровском генштабе и участвовал в разработке плана «Барбаросса».

Но что это? Переступив порог, Паулюс, Шмидт и Адам, как по команде, вскинули руки и выкрикнули: «Хайль Гитлер!». Я на мгновение опешил. Но тут же мне стало смешно. Гитлер угробил их армию, загубил миллионы немецких солдат. А они отдают ему почести!

— Здесь нет Гитлера, — резко сказал я. — Перед вами командование советской 64-й армии, войска которой пленили вас. Извольте приветствовать так, как положено!

Бледное, измученное лицо Паулюса побледнело еще более. У него нервно задергалось веко и мелко задрожала щека, будто он мне все время подмигивал. Он взял под козырек и затравленно осмотрелся, ожидая, как я узнал позже, что сейчас появится экзекуционная команда и его поведут на расстрел. Ведь гитлеровская пропаганда утверждала, будто Красная Армия без пощады уничтожает пленных немцев!

— Прошу сесть и предъявить документы,— сказал я.

Вынув из кармана бумажник, Паулюс протянул мне солдатскую книжку, являющуюся документом всех военнослужащих германской армии.

— Солдатская книжка мне ни о чем не говорит, — сказал я, бегло взглянув на нее.

— Я солдат немецкой армии! — проговорил Паулюс.

— Я тоже солдат Красной Армии, но занимаю в ней определенную должность. Прошу предъявить документы, удостоверяющие, что являетесь командующим 6-й армией!

Паулюс вынул из бумажника и молча протянул другую книжку.

— Верно ли, что вам присвоили звание генерал-фельдмаршала? — спросил я.— Здесь значится чин генерал-полковника.

— Вчера по радио был получен приказ Гитлера о присвоении господину Паулюсу звания генерал-фельдмаршала,— официальным тоном доложил генерал Шмидт.

— Значит, я могу донести в Ставку о том, что войсками моей армии пленен генерал-фельдмаршал Паулюс?

— Яволь! — прозвучало в ответ.

Понемногу Паулюс успокоился. На каждый вопрос он отвечал обдуманно, взвешивая каждое слово. Видимо, наше гуманное отношение оказало свое действие.

— Почему вы не приняли ультиматума, подписанного представителем ставки ВГК генерал-полковником артиллерии Вороновым и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским?— спросил я.

— Русский генерал поступил бы так же, как я... Я имел приказ драться. И не мог нарушить приказа,— пробормотал Паулюс.

— И, как видите, напрасно...

Я помолчал, ожидая ответа, но Паулюс не отозвался. Гитлеровская «наука» все еще крепко сидела в нем. Тогда я предложил пленным генералам поесть. Они охотно согласились. По дороге в столовую Паулюс спросил:

— Скажите, генерал, чем можно объяснить, что ваш солдат наступает и днем и ночью и в сорокаградусный мороз может подолгу лежать на снегу?

Я подозвал встречного солдата.

На нем были валенки, ватные брюки, полушубок, шапка-ушанка, теплые рукавицы.

— Посмотрите, как одет наш боец! Так заботится наша Родина о своих защитниках!

Лицо генерал-фельдмаршала исказилось. Видимо, он вспомнил, как плохо обмундированы его солдаты.

До столовой мы дошли молча.

Но, увидев накрытый стол, Паулюс снова повеселел. Он попросил, если возможно, подать на стол русской водки. Подали бутылку. Налил всем и сказал:

— Предлагаю тост за тех, кто нас победил, за русскую армию и ее полководцев!

Шмидт и Адам стоя последовали примеру своего начальника. А что им оставалось делать? Красная Армия под Сталинградом нанесла фашистским войскам такой сокрушительный удар, что заставила задуматься и гитлеровских генералов: а стоило ли начинать захватническую войну против нашей страны?

ПЛАСТОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Вечер. Тишина небес на миг посетила землю. Теплые стрелы зари долетели до обочины поля, и, как по мановению кудесника, все обыденное стало колдовством.

Тихо. Слышно, как звонко льется в миску тугая струя молока, как мягко входит нож в еще теплую краюху хлеба и негромко вздыхает приглушенный трактор, как шелестят травы и поет в бескрайних просторах летний, напоенный горьким ароматом трав и цветов ветер.

Ужин трактористов. Немудреный. Но нет вкусней его и желанней. Потому что сдобрен он трудом великим. Да потому, что накрыли стол — саму землю нашу — милые сердцу руки.

На миг задумался тракторист в просоленной алой майке и старой фронтовой фуражке танкиста. О чем? Как душист ржаной хлеб. Или, может быть, вспомнил фронтовую горбушку и друзей, которых никогда не увидит, земляков, однополчан. Или, может быть, о том... Да, впрочем, о чем можно мечтать после такой маеты.

Льется тугая струя молока, мерно колотится сердце трактора, нетерпеливо постукивает деревянной ложкой молодой вихрастый русый паренек, подручный тракториста, тихо мурлычет нехитрую песенку милая курносая девчонка в белой косынке.

Сама жизнь. Без прикрас. Терпкая, горькая, желанная. В каждом мазке, каждой жилке полотна Пластова «Ужин трактористов», написанного в 1951 году.

Больше сорока лет прошло с той поры, как молодой парнишка Аркадий Пластов пересохшими от волнения губами прошептал: «Быть только живописцем и никем более!» Сорок лет пролетело с тех сказочных дней 1911 года, когда из далекого села Прислонихи, Симбирской губернии, покорный велению сердца, в Казань пришел восемнадцатилетний Пластов, чтобы поглядеть выставку знаменитого Поленова.

«Был я тогда поднят до каких-то заоблачных высот — ведь я видел картины одного из тех, кто, по моим тогдашним понятиям, коснулся вершин возможного. Поленов сразу же привлек меня свежестью красок и световых эффектов. Они мне казались ярче самой действительности»,— вспоминает в «Автобиографии» мастер.

Сорок лет... Какое время пережил художник, сколько увидел, сколько перечувствовал, прежде чем создать свой «Ужин трактористов»,— картину, в которой вся упругая сила народная.

Ведь недаром в 1958 году на выставке в Лондоне президент Королевской академии художеств Чарльз Уилер, пораженный полотном Пластова, произнес:

— Как много дает такое искусство! Реализм. Вы знаете, я как-то теперь особенно ясно понял, почему вы, русские, смогли выстоять в войне и победить. Кто может так упоенно работать, о, того нелегко одолеть!

...Вечереет. Лучи зари с искусством гениального скульптора вылепили набухшие жилы на корявых, тяжелых кистях рук тракториста. Неумолимо прорезали суровые борозды морщин на лице бывшего солдата. Нежно коснулись румяной щеки паренька, прошлись по вихрастой макушке. Мягко наметили обаятельные черты девочки в белом, скользнули по былинкам выгоревшей травы и разлились по вздыбленным могучим пластам поднятой целины.

Земля... Русская, раздольная, раскинулась до самого края небес, там, где сизые предзакатные тучи сливаются с горизонтом. Земля и человек. Они воспеты в этой картине, картине мудрой и честной, отражающей само время.

Необычайна, сурова красота полотна. По-суриковски густо, кряжисто написан характер героя, внешне ничем не примечательного, но красивого своей приверженностью земле, Родине, правому, справедливому делу. В колорите холста угадываются звучания врубелевского «К ночи», куинджевских закатов, рериховских былинных сказов. Но это Пластов! Единственный и великий правдой своего подвига.

Горько и как-то неловко читать сегодня пожелтевшие полосы газет, где в статьях искусствоведов той поры в пух и прах разносили эту замечательную картину за мнимую грубость, приниженность, примитивизм, незнание жизни.

Но, к счастью, это уже страницы истории.

Хотя художнику приходилось пережить в те годы немало тягостных минут, выслушивая упреки в отсутствии как раз тех самых качеств, которыми он обладал на самом деле в высшей степени,— правдивости и гражданственности.

Труден и замечателен творческий путь Аркадия Александровича Пластова.

Вот несколько строк из его «Автобиографии»:

«Наше село лежало на большом Московском тракте, и, сколько себя помню, мимо нашего дома вечно тянулись бесконечные обозы, мчались тройки с ямщиками-песенниками. Кони были сытые, всяких мастей, гривастые, в нарядной сбруе с медным набором, с кистями, телеги и сани со всякими точеными и резными балясинами, дуги расписные, как у Сурикова в «Боярыне Морозовой». С тех пор запах дегтя, конское ржание, скрип телег, бородатые мужики приводят меня в некое сладостное оцепенение.

Блаженством, которое не повторится, пролетело детство. Три года сельской школы. Лимонно-желтая азбука как будто вчера раскрыла передо мной чудеса звучащих и говорящих закорючек. Крохотный синий томик Пушкина — «Капитанская дочка» и кольцовское «Что ты спишь, мужичок» было первое, что я узнал из литературы и что пытался иллюстрировать. Зачем? Кто знает! Не помню сам. К нам тогда ходила одна старуха, нянька Степановна. Она домовничала у нас, когда отец с матерью уходили в гости на святках, на пасху. Степановна, сухонькая и ласковая, рассказывала в сумерках нам былины и сказки про Илью Муромца, про Егория Храброго, про Аленушку и бел-горюч камень. Знала она их, должно быть, очень много, так как никогда ничего не повторяла, за исключением любимой нами Аленушки и братца Иванушки...»

Как не вспомнить здесь еще раз строки Белинского о формировании таланта русского художника:

«Возьмем поэта русского: он родился в стране, где небо серо, снега глубоки, морозы трескучи, вьюги страшны, лето знойно, земля обильна и плодородна: разве все это не должно положить на него особенного характеристического клейма? Он в младенчестве слышал сказки о могучих богатырях, о храбрых витязях, о прекрасных царевнах и княжнах, о злых колдунах, о страшных домовых; он с малолетства приучил свой слух к жалобному, протяжному пению родных песен; он читал историю своей родины, которая не похожа на историю никакой другой страны в мире...»

Но какие разные характеры рождаются на этой великой земле. Если Василий Иванович Суриков с детства прикипел сердцем к древности, к истории Руси и всю жизнь был верен этой благородной теме, то юный Пластов, получив первую школу у своего деда и отца иконописцев и наглядевшись вволю на «веселых кудрявых богомазов», приглашенных подновить роспись Прислонихинского храма, очарованный чудом «рождения среди розовых облаков какого-нибудь красавца гиганта, крылатого, в хламиде цвета огня», решил стать певцом своих современников родного села, его летописцем.

Казалось, в этой купели должен был родиться талант типа нестеровского. Но жизнь — великая кузница характеров — ковала иную лиру.

Пролетело детство.

«В 1912 году я кончил четыре класса семинарии. Друзья и покровители устроили мои дела самым наилучшим образом. Губернская управа постановила выдавать мне стипендию на художественное образование по двадцать пять рублей ежемесячно. Я еду в Москву. Устраиваюсь в мастерскую к ныне покойному И. И. Машкову для подготовки к конкурсу в Училище живописи, ваяния и зодчества. Это было месяца за два до экзамена. Сам не свой брожу я по Москве. Башни и соборы Кремля, Китай-город с кустиками на седых стенах, Василий Блаженный, Красная площадь и, наконец, Третьяковская галерея... Невозможно описать эти переживания. Я задыхался и еле стоял на ногах. Никогда я не чувствовал столько сил для любой победы на избранном пути, как тогда.

У Машкова я пробыл два месяца. Жестоко страдал, когда он бесцеремонно толстенным углем выправлял мои филигранно отточенные карандашом головы, ни во что ставя мою манеру, так превознесенную в богоспасаемом Симбирске.

Но вот и конкурс. Три дня огромного напряжения — и в результате провал».

Но упрямый паренек из Прислонихи не сдался. Он идет в Строгановку вольнослушателем в скульптурную мастерскую. Бегут месяцы, «стипендии на жизнь не хватало», но молодой Пластов добивается своего:

«В 1914 году я поступил на скульптурное отделение Училища живописи, ваяния и зодчества. Посидев в Строгановке за скульптурой, я пришел к мысли, что неплохо бы ее изучить наравне с живописью, чтобы в дальнейшем уже иметь ясное понятие о форме. Сказывалось, конечно, чтение о мастерах Возрождения. Живописью же я полагал пока так и продолжать заниматься на дому.

Три года был я в Училище, кончил головной, фигурный, натурный классы... На лето уезжал в свою Прислониху, писал этюды, постигал премудрость передачи действительности с большой точностью, до натуралистической сухости».

Казалось, путь художника начал определяться, он лежал в привычном кругу, очерченном мастерской, вернисажами, успехами и неудачами, словом, всем тем, к чему испокон веков трудно, но привыкали провинциальные неофиты.

Но судьбе угодно было распорядиться по-иному, и Аркадий Пластов по мановению истории получает школу, еще невиданную.

«Революция (февральская) застала меня на третьем курсе. После того как я, подобно многим, покатался по Москве на грузовике с пулеметами, с красным флагом на винтовке, арестовывая приставов, жандармов в участках, на вокзалах, я все же в конце третьей недели с начала революции поехал к себе в Прислониху писать на натуре. Жизнь, однако, внесла свои неумолимые коррективы. Сходки чуть не каждый день. Ко мне приходят десятки людей с такими вопросами, отвечать на которые мне и во сне не снилось, а отвечать, разъяснять, помогать раз-

А. Пластов. 1893—1972. УЖИН ТРАКТОРИСТОВ. 1951.

На развороте вкладки: СЕНОКОС. 1945. Государственная Третьяковская галерея.

А. Пластов. ВЕСНА. 1954.

Государственная
Третьяковская галерея.

бираться в тысячах небывалых до сего вопросах я был вынужден благодаря своему положению самого грамотного человека в селе, положению «своего», которому можно было довериться. Впервые я задумался над политической стороной жизни. Прежнее, дофевральское, примитивное представление о революции безвозвратно покинуло меня. К стыду своему, в февральские дни мне мнилось, что вот ликвидировать глупого и вредного царя — и основное дело свое революция выполнит.

Катаясь на грузовике, забирая в плен ошалелых околоточных, я искренне почитал себя заправским революционером. И только в октябре, когда я приехал в Москву заканчивать Училище живописи и наткнулся совершенно неожиданно на баррикады и стрельбу на улицах, я уразумел наконец, что революция в такой стране, как тогдашняя Россия,— процесс, который по своему размеру и значению подобен смене геологических эпох в жизни нашей планеты, и что сейчас мало быть только художником, но надо быть еще и гражданином».

Гражданин... Это гордое звание носил Пластов с той поры всю жизнь — когда был избран членом первого сельсовета и когда в числе прочих безземельных был награжден землей и стал пахарем, косцом и жнецом. Он остался им и тогда, когда, наконец, после великих трудов и переживаний, наконец одолел школу и стал мастером. Его путь был нелегок.

«В январе 1931 года в нашем селе организуется колхоз. В его организации я принимал горячее участие. В 1931 году в один несчастный июльский день случился у нас пожар. С час резвилось красивое всепожирающее пламя, и полсела ушло дымом в знойное июльское небо. У меня сгорел дом и все вообще имущество. Все, что до сего времени я написал, нарисовал,— все пропало в пламени, стало пеплом.

С этого года я перестал принимать участие в полевых работах. У меня остался один огород и корова. Надо было восстанавливать погибшее, и в темпах чрезвычайных. Это было время, когда я медленно подходил к тому, как сделаться наконец художником».

Пластову в ту пору было около сорока лет. Иной, может быть, заколебался, свернул с намеченного в юности пути «создать эпопею из крестьянского житья-бытья», разменял бы свой талант на мелочи. Но не таков был Пластов. И с новой, и с новой силой он собирает этюды, материалы к будущим картинам. Все впрок.

Художник выступает с первыми картинами «Колхозный праздник», «Стадо» и «Купание коней». В этих полотнах он заявил о себе как выдающийся колорист.

И опять перед Пластовым встает дилемма: либо продолжать скрупулезную, внешне малоприметную, но многотрудную работу по собиранию этюдов, эскизов к задуманной эпопее, приносящую пока не столько лавры, сколь хлопоты, либо соскользнуть на путь писания модных в то время мажорных композиций.

Пластов избирает первый путь. Он остается верен себе. Дни, месяцы, годы проходят в труде, исканиях. Его главная тема — Человек и Родина — не находит еще своего полного пластического выражения.

Грянул гром Великой Отечественной. И гражданская лира Пластова зазвучала в полную силу.

«Фашист пролетел»... 1942 год.

Осень. Косогор. Юные тонкие березки в золотом уборе. Глубокий покой погожего осеннего дня. Не шелохнется ни одна былинка.

Резкий вой собаки прорезал тишину. Потерянно бродят овцы. Что это?

Припал щекой к сухой колкой траве пастушонок. Упал неловко. Рука вывернута. Кнут и шапка отлетели далеко. Алая кровь на русых вихрах. Крепко прижался к родной земле малыш. Не встать ему.

Далеко, далеко в ясном небе над изумрудными зеленями фашистский самолет. Миг тому назад свинцовый ливень остановил жизнь.

Воет пес, задрав мохнатую морду к небу. Жалобно мычат коровы, блеют овцы. Вдали затихает ноющий зловещий звук. Шелестят березы.

«Отец горько переживал войну,— рассказывал мне Николай Аркадьевич, сын художника.— В его душе кипел справедливый, святой гнев. И эти его чувства вылились в картине «Фашист пролетел». Однажды отец писал осенний этюд. И этот мотив настолько растрогал его, что я увидел слезы на его глазах. Когда вернулись с этюда домой, отец вмиг набросал эскиз будущей картины. Начался мучительный сбор материала. Сельские мальчишки помогали ему. Но никак никому не удавалось упасть на траву, как хотелось отцу. Наконец, один малыш, споткнувшись, как-то неловко растянулся на сухой траве.

— Стой, стой!— вскричал отец.

Через семь дней картина была написана. В ее основу лег тот первый, глубоко тронувший отца осенний этюд...»

Много, много интересного рассказал молодой Пластов, сам интересный художник.

Отец и сын.

Бесценны письма Аркадия Александровича к Николаю.

Вот всего два из этого наследия:

«С большим вниманием и удовольствием прочитал твои письма. Знай, милый сынка, что радостью бьется мое сердце и гордостью, когда я читаю о том, что ты пишешь и рисуешь и не кичишься достигнутым, а относишься вдумчиво и критически.

Это очень верно, это так и нужно — вот этот здравый взгляд на вещи, на себя, на свои поступки, на движенье своих мыслей, своего сердца. Через это достигается то беспокойство духа, плодотворное и творческое, без которого немыслимо никакое движение вперед.

Всегда держись этой троицы: веры, что делаешь то, что нужно, надежды, что у тебя хватит силы на это, и любви к этому делу.

Конечно, насильно не следует приневоливать себя ни к чему, но дисциплина духа должна быть всегда на высоте. Ведь бывают моменты, особенно у таких молодых, как ты, когда беспечная мысль, что все успеется, завладевает человеком так сильно, что начинается беспорядочный разброс сил и туда, и сюда, и вообще впустую. Вот тут-то и должна быть стержнем поведения мысль, что работать надо систематически, никогда не отступая от планомерного упражнения в любимом деле.

Ведь никогда не придет в голову в какой-то момент взять да и бросить дышать, например. Впереди времени, мол, много, еще надышусь.

Так и эта работа. Она должна быть ритмична и неустанна, как биение нашего сердца. Иногда послабже, иногда поинтенсивнее, но безостановочно, неусыпно — и тогда какая будет радость пожинать плоды умных и прекрасных трудов своих».

Думается, что эти мудрые слова обращены не только к одному Николаю. В них весь опыт, все великое знание жизни Пластова.

Не менее весомо второе письмо, датированное маем 1947 года: «Ты вот пишешь несколько раздраженно о тех, кто не понимает лирики Чехова или Левитана и т. п. Плюнь на это. Наши ворота, корова, собака и т. д. ведь тоже ничего в этом не смыслят, и стоит ли на них за это рычать. Не стоит игра свеч, тем более, что вряд ли все перечисленные тобой субъекты персонально в этом виноваты, ты думаешь, что, пофыркивая на них, ты им или себе что-нибудь докажешь? Нет. Так сложилась у них судьба.

Алмаз, блистая бриллиантом в перстне, вряд ли имеет право поплевывать на алмаз, находящийся где-нибудь в глубине земли. Чем тот виноват, что его не вытащили на свет божий, не гранили, не вставили в кольцо? Обстановка, жизненные условия — страшная вещь, сынок, и поэтому надо в жизни больше думать о том, как бы оправдать затраченные на нас силу и средства, любовь и внимание, непрестанно ускоряя свой шаг навстречу открывшейся твоему взору правде.

Людей этих, обездоленных и окорначенных жизнью, надо жалеть и помогать по силе возможности чего-нибудь понять из того, что еле-еле им брезжит. Конечно, все это правда, что воображение и разумение их кургузо и часто смешно и нелепо, но, милый мой сынка, когда ты будешь много старше и опытнее в жизни, ты с горечью увидишь, что даже с большими данными познать истину и видеть красоту нелегко, не так-то много мы можем сделать для славы нашего искусства и знания.

Конечно, это очень хорошо, что тебе более понятна мати-пустыня, с которой ты ведешь наедине задушевные беседы. В этом счастье на всю жизнь.

Но в то же время не замыкайся с молодых лет в позе, а-ля Печорин или Базаров. Нет ничего легче очерстветь сердцем, залезть в жесткую броню аристократического отщепенства и навеки потерять через это ту тончайшую отзывчивость сердца к малым людям, которая, как воздух, необходима истинному художнику и без которой человек просто невыносим».

«Познать истину и видеть красоту нелегко»,— пишет Пластов сыну. И вот к тем людям, которые хотят понять лирику Чехова или Левитана, обращены глубоко философские полотна-метафоры художника, дающие обильную пищу уму и сердцу зрителя.

«Родник»... Шумит ветер в густом ивняке. Гонит в высоком небе рваные облака. Рвет косынку, распушил тяжелые косы, шуршит в складках светлого ситцевого платья девушки, пришедшей по воду. Гонит рябь по темной воде.

Серебряной звонкой струйкой бежит студеная влага в подставленное ведро. Солнечные зайчики, продравшись сквозь заросли ивняка, сверкнули в устье желоба, рассыпались битыми алмазами в ведре и озарили стройную фигуру девушки.

Свежесть. Чистота. Победоносная босоногая юность властно чарует нас в этом холсте. Мы невольно вспоминаем далекие страницы нашей собственной жизни, и что-то светлое, радостное вопреки нашей воле посещает нашу душу. Такова магия пластовской живописи.

«Юность»... С размаху, словно подкошенный, упал в густую траву парень. Устал. Только минуту назад, как безумный, он мчался наперегонки с веселым псом. Жарко. Юноша сдернул рубаху, раскинулся, подмяв луговые цветы. Прикрыв рукой глаза, он глядит, как высоко в небе вьется вольная птица.

Зеленой стеной стоят рядом молодые хлеба. Летний легкий ветерок шевелит колосья, клонит их долу. Поет жаворонок. Лето. Счастливая пора. Беззаботная юность. Пора созревания, надежд и мечты. В этом холсте с какой-то тоскливой пронзительностью чувствуешь невозвратность, бесценную мимолетность этой поры.

«Сенокос»... Как в утренней капле росы отражается весь радужный мир, пронизанный пением рожка, птичьим гомоном, мычанием коров, криком петуха, стрекотом далеко идущего трактора и голосом ветра, разгоняющего румяные облака на алеющем небосводе, так и в этой картине собрана вся радость нашей земли.

Июнь. Сенокос. Мы словно слышим, как звучит каждый цветок из этого тысячецветного букета и как звенят нежными аккордами сиреневые, голубые, лазоревые, бирюзовые, желтые, шафранные, пунцово-багряные, пурпурные и золотые колеры. Мощно звучат трубы вознесенных ввысь белоствольных берез. и, как аккомпанемент этой полифонии июня, рассыпаются серебряной трелью колеблемые летним ветерком миллионы листьев.

И как порою в симфонии после напряженного крещендо, когда каждый инструмент оркестра, вложив всю силу, сочность и своеобычие своего голоса в общий поток звуков, отдыхает в мерном, ласковом адажио, так и в полотне «Сенокос» мудрый художник, рассыпав перед зрителем драгоценную мозаику цветоносного июньского травостоя, дает отдохнуть глазу, раскинув перед ним волшебный ковер озаренной солнцем поляны... И опять, как в музыке симфонии, подчиненной незримому закону контрапункта, где одни ритмы сменяют другие, так и в холсте мы видим соразмерное чередование темных перелесков, изумрудных лугов, синеющей вдали дубравы. И, наконец, как финал в этом ликующем гимне радости, как заключительный аккорд во всей этой мистерии звуков и красок, как самая торжественная нота в этом созвучии — над всем этим великолепием раскинулось высокое небо.

Наступила на миг тишина, и мы услышали кукушку и гудение мохнатого шмеля, трудолюбивую песню пчелы и мерное стальное звучание косы.

«Сенокос» — симфоническая поэма, гимн победоносной земле, народу, выстоявшему и победившему в жестокой и кровавой войне.

Волшебство этой картины Пластова — в высокой метафоричности языка живописца. Ведь насколько монументален, возвышен должен быть пластический словарь произведения, чтобы, взяв, казалось, самый древний сюжет из сельской жизни — сенокос, дать почувствовать зрителю грандиозность этой мирной панорамы, величие этой звучащей

тишины. Ведь за всей этой бурлящей радостью жизни зритель тех дней невольно представлял себе всю бездну страдания и смертей, которую принял народ в те страшные годы.

Напомним дату создания полотна — 1945 год. Точнее, лето 1945 года, и тогда еще яснее и точнее перед нами встанет весь масштаб гражданственности этого пластовского шедевра, вся звонкая правда этого удивительного полотна.

Философия холста становится для нас еще более разящей и убедительной, когда мы узнаем, что люди, изображенные на картине «Сенокос», не просто натурщики, изображающие косцов, а близкие, родные, товарищи Пластова, его односельчане, земляки. И в этом единственная в нашей живописи особенность лиры мастера. Это — соединение самого широкого обобщения и документальности, подлинности изображения.

Ведь юноша на переднем плане — сын художника Николай, женщина в белом платке похожа на супругу Наталью Алексеевну, а два пожилых косаря — земляки Аркадия Александровича — Федор Сергеевич Тоньшин и Петр Григорьевич Черняев.

В этой доскональности, подлинности весь пафос самой творческой судьбы Пластова. Ведь с самых первых шагов живописец ни разу не изменил своего, однажды заведенного святого порядка: каждый год писать с натуры жизнь родной Прислонихи, воспевать ее людей, их радости и заботы. И если хоть на миг представить себе собранными в одном месте, пусть это будет музей или выставка, весь тысячелистный альбом рисунков, всю необъятную массу холстов, то перед нами предстанет неоценимая панорама жизни одного села, возведенная гением трудолюбия и честности художника до звучания летописи, истории страны.

«Весна»... Сыплет редкий мягкий снежок. Мартовский, последний. Сквозь прозрачную вуаль серого дня перед нашим взором предбанник «курной» деревенской бани. Молодая женщина впопыхах собирает дочку, курносую, обаятельную малышку, трогательно прикусившую нижнюю губку. Рыжая челка торчит из-под теплого платка. Мать торопится. Шуршит под ногами золотая солома. Звонко падает тяжелая капель. Зябко.

В этом холсте, как никогда, перед нами предстает во всем блеске маэстрия кисти Пластова. Недаром зрители Третьяковки называют эту картину «Северной Венерой», с таким виртуозным мастерством написано это полотно. В свое время этот холст прозвучал как вызов отвыкшей от картин с обнаженной натурой публике... И опытные перестраховщики назвали его компромиссно «Весна. Старая деревня».

Николай Аркадьевич рассказывал, как негодовал отец и как однажды, придя в Третьяковскую галерею, он в сердцах оторвал с этикетки слова «Старая деревня» и оставил слово «Весна».

Может быть, сегодня все это кажется почти юмористическим рассказом, но тогда Пластову было не до шуток. Вот письмо искусствоведу С., в котором автор пытается объяснить некоторые задачи искусства, не всем понятные:

«Что Вам сказать насчет того, почему я дал название «Весна» одной моей работе? Если брать «вопросы зрителей», так ну их с их вопросами. Мне на эти вопросы трудно ответить...

Вот как Вы им отвечали, мне было бы интересно узнать. Но если Вы сами хотите задать мне такой вопрос, то это уже много хуже и печальнее, ибо сие значит, что даже наиболее чуткие сердца замкнулись для самых обыкновенных голосов искусства и надо забыть евангельский наказ: «толцыте и отверзется вам». Если искусство во многом, так сказать, иносказанье, немая и самая красноречивая речь, то, видимо, надо иметь этому самому зрителю какие-то особенные уши, чтобы услышать этот сокровенный, страстный шепот души художника, чтобы вдруг ощутить тепло его уст, очнуться и как бы воскреснуть в ином чудесном мире, из которого, заглянув в него хоть раз, уже никогда не захочется вернуться в то состояние, которое диктует такие названия, как «Рубка леса» (вместо «Смерти дерева») или «Мальчик на каникулах», какое мне советовали дать моей картине «Юность», и т. д. Вы пишете: «Вы придумываете названия, на мой взгляд, очень многозначительные, которые соответствуют Вашему мироощущению. Уточните это. Подобная цитата не только поможет зрителю и каждому из нас, но и...»

Дорогая моя! Я никогда не придумываю названий... Название и идея картины, замысел, его облик рождаются одновременно, неотделимо друг от друга. Но только на холсте я пишу цветом и т. п., а на бумажке, что под картиной, пишу ну как бы подстрочный перевод, что ли, того, что зрителю предстает в том или ином обличии перед глазами.

Каждый волен подыскать любое слово из убогого нашего словарного фонда (по сравнению с живописью), какое ему кажется более по его разумению, но, давая свой подстрочник, я втайне рассчитывал, что он попадет, попадет в руки поэта или просто умного человека, и этого ключа хватит ему открыть твой ларец с немудреными сокровищами. Увы, это редко, редко доводится встретить, а пытаться объяснить слепому, какого цвета молоко, для меня просто не по мозгам».

Да, трудновато порою бывает художникам, муза которых пользуется не только азбукой, а перелистывает томики стихов Пушкина, рассказов Чехова.

Впрочем, далеко не все осуждали в те времена «Весну», были и мнения другие.

Пластов... Никогда не забыть его обветренного, открытого лица. Глаз, пронзительно острых, порою лукавых, порою гневных. Не изгладится из памяти улыбка мастера, светлая, почти детская, глубокий шрам у виска — заметка кулацкой ненависти и седая прядь на высоком, изборожденном заботами челе. Мастер был прост и внешне доступен. Но мало кто знал вход в светелку его души, открытой солнцу и детям, землякам и родной стороне. Он был по-мужицки основателен и трудолюбив, поэтому ненавидел щелкоперов и верхоглядов. Он презирал ложь. И поэтому, как ни у кого в нашей живописи, с его холстов глядит на современника п р а в д а. Яркая, горькая, сочная и терпкая, такая, какая она есть. Его полотна — это мир, обильно населенный людьми, любимыми его современниками, малышами и древними дедами, красивыми молодухами и крепкими парнями. В его холстах щедро светит солнце, льют дожди, зреют хлеба, идет снег, словом, это сама наша жизнь, наш народ, Родина... Враг безделья, он воспел в своих картинах труд крестьянина. Труд тяжелый, от зари до зари, труд, радостный плодами своими. Пахота, жатва, молотьба, уборка картофеля, цветущие луга и тучные нивы, плодоносные сады — словом, целую энциклопедию сельских будней развернул перед нами мастер. Не улыбающиеся светлоглазые статисты населяют его полотна, а загорелые, жилистые, порою неприглядные в своей будничности, но тем более великие встают во весь рост на десятках его картин люди села — герои нашего времени! Мало у кого в истории живописи найдешь такое слияние природы и человека. Молодая мать с малышом, истомленная зноем в саду, отягощенном плодами, юноша прилег на меже рядом с зеленеющим хлебом, старик сквозь слезы глядит на срубленную березу, детишки выбежали на крыльцо, любуются первым снегом — все это холсты-символы, мудрые, глубокие той бездной ощущений и ассоциаций, которые приходят не в кабинете и не в уединении студии, а даются опытом целой жизни, жизни в самой гуще народной. Все тяготи и радости испытал Аркадий Александрович Пластов. Он познал всю меру признания. Как человек душевно богатый и щедрый, он забыл досаду давних лет и в полотнах своих отразил радость бытия, радость безмерную.

Пластов — чародей. Он ведал тайной оживления мертвого холста. Ведь одно касание его кисти заставляло вмиг раскрыться душистым венчиком цветы, зазвенеть прохладные струи родника, зашелестеть березовые ветки. В его полотнах дышат травы, порхают бабочки, поют птицы, стрекочут кузнечики, живут, любят и мечтают люди, шумит спелая рожь. Мастер горячо любил свою Родину, и, когда доводилось ему покидать ее пределы, он всегда брал с собой за рубеж пучок чабреца и душистой богородской травы. Ему не хватало там, на чужбине, аромата прислонихинских привольных лугов и полей.

Художник часто говорил: «Себя надо не щадить». Это значило, что надо работать...

Мастер писал:

«Я люблю эту жизнь. А когда из года в год видишь ее... думаешь, что надо об этом поведать людям... Жизнь наша полна и богата, в ней так много потрясающе интересного, что даже обыкновенные будничные дела наших людей приковывают внимание, потрясают душу. Это надо уметь видеть, замечать...

Фу, черт, скажешь себе, сколько жизни! Она не даст упасть духом, сникнуть в ипохондрии или погрузиться в схоластические споры о живописной манере и форме. Тут надо не спорить, надо писать,— и так, чтобы было похоже! Похоже на жизнь. Здесь на каждом шагу, прямо на поверхности рассыпаны живые, трогательные оптимистические мотивы. Словно специально для художника, художнику на радость!..

...Не стыжусь признаться, люблю все, что вызвано к жизни солнцем, что обласкано его теплым светом, а больше всего людей люблю».

* * *

— Аркадий Александрович Пластов открывал наш второй съезд. А сегодня его нет среди нас,— сказал Гелий Коржев с трибуны третьего съезда художников Российской Федерации.— Подъезжая к Прислонихе в скорбные дни смерти Пластова, я вдруг понял, что все, что меня окружает — и поля, и светлый березовый лес, и встречавшиеся на пути русские люди,— не просто природа и не только люди, но ожившее перед моими глазами содержание живописи только что ушедшего от нас великого художника.

Творчество Пластова — ярчайший пример подлинно жизненного современного искусства, когда проблемы формы, проблемы традиций как бы уже перестают существовать, когда творчество льется свободно и неудержимо, когда мастер творит так же непосредственно, как творит сама жизнь, когда произведение искусства словно вырастает из жизни, раскрывая нам ее, делая нас по-новому зрячими, по-новому восприимчивыми к правде и красоте.

В одном из своих писем мастер говорит: «Ни одну картину я не написал, не проверив тысячекратно то, что собираюсь написать, что это правда и только правда и иного быть не может».

...Естественно, что серьезная и глубокая убежденность в правильности выбранного пути в искусстве не могла не потребовать от художника и определенного строя всей жизни. Его сенокосы и жатвы, его гумна с хлебом, его стада, пастухи, бесчисленные портреты крестьян воспевают труд, который он знал не со стороны, который делал каждодневно и всю жизнь, не отделяя себя в своем непритязательном быту от того крестьянского мира, который так убедительно и мощно воссоздан на его полотнах.

Убежденно и последовательно многие десятилетия живет он не «бок о бок», не рядом, а внутри этого мира, следуя влечению своего сердца и пониманию роли художника, жертвуя всеми соблазнами столичной благоустроенности ради той правды жизни, которая была основой, смыслом и целью его творчества. Отсюда убежденность и страстная поэтическая достоверность всего, что вышло из-под его кисти, отсюда десятки эскизов и сотни этюдов к каждой его вещи, сотни ступеней, ведущих его от правды факта, правды случайного, к высокой правде поэтического обобщения, к правде — гимну жизни.

...Вслед за Гойей он мог бы надписывать на своих полотнах: «Я это видел».

Аплодисменты покрыли эти слова.

...Пластов велик! Вся его жизнь — подвиг. Ему удалось исполнить сполна свой завет — «создать эпопею крестьянского житья-бытья». И сегодня, читая его мудрые строки: «Мы раскуем в себе все то добро, что часто только дремлет на дне наших сердец, пустим в бой всю смелость, на какую способны наши души, всю дерзость наших мыслей, всю страсть желаний видеть, знать и любить все больше, все пламеннее нашу действительность и нашего современника... ...Помимо обязательного для художника-реалиста знания жизни — головой и сердцем,— ее полноты, разнообразия, сложности и поэтичности, этюды, то есть непрестанное упражнение руки и глаза на натуре, дают в конце концов необходимое чувство меры и легкость исполнения, верность и силу удара кисти, что приводит к тому чудесному их контакту, когда ты можешь сказать: что вижу, то умею», — хочется воскликнуть:

— Да, поистине Пластов видел и умел!

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Глава X

Если бы Джо Коллинз знал с самого начала, сколь серьезно взялся мой отец за защиту Скотти, он, может быть, действовал бы иначе. Но он, кажется, забыл о том, что именно такого рода дела мой отец только и считал стоящими. Кроме того, в некотором отношении отец и сержант Коллинз были старыми противниками — не потому, что мой отец не любил полицейских властей, а, наоборот, потому, что, отдавая им должное, он ожидал от них много бо́льшего. Возможно, даже слишком многого.

Для моего отца статьи закона были единственными твердыми и постоянными устоями в жизни. И когда полиция вольно обходилась с законом или неправильно его истолковывала, он словно взрывался, как если бы поймал вора с поличным. Но в тех случаях, когда полиция просила его помочь разобраться в чем-либо сложном, он очень корректно делал это.

На этот же раз он весьма недружелюбно отнесся к Коллинзу, полагая, что тот нарушает основные служебные правила.

— Я не вижу, чтобы у него были какие-либо реальные доказательства, позволяющие выдвинуть подобное обвинение,— говорил отец нам за обедом.— Он просто старается запугать Энгуса Пири и вернуть Эллисону пони под угрозой судебного преследования. И, во-вторых, он не использовал всех имеющихся в его распоряжении средств, чтобы найти пони там, где он находится. По сути дела, Коллинз использует закон для того, чтобы оказать грубое давление, зная, что у него за спиной Эллисон Айр. Короче говоря, они оба действуют методом вымогательства.

Мы много слышали от отца о том, что́ такое закон; знали и то, что Эллисон легко выиграл бы это дело, не выступи против него такой фанатический поборник законности, как мой отец. Однажды мы видели в суде, что́ такое его зубы, когда он берется за дело, подобное делу Скотти,— он был похож на тигра, готового разорвать на куски любого, кто осмелился бы нарушить или оскорбить закон. Сейчас он еще не пришел в такое состояние, но некоторые признаки уже появились, когда мы сидели у обеденного стола. Предстояла серьезная схватка — из тех, которые по душе отцу.

И все-таки у нас не было единодушия насчет Скотти, пони и всех подробностей этого дела.

— Эллисон Айр просто хочет показать себя хозяином, как и во всем другом,— объявил Том. Несмотря на свои десять лет, он уже много чего знал о богатых и бедных, о людях высшего сорта и людях низшего сорта. У Тома складывалась особая австралийская неприязнь к богачам из скваттерской аристократии. Тому хотелось, чтобы именно против них повел на этот раз войну наш отец. Но отец, истый англичанин, кажется, не ставил во главу угла эту сторону дела. В каком-то смысле он и сам был духовным аристократом — от юстиции. Едва ли его занимало здесь одно только грубое нарушение закона. Этот случай был для него типичным случаем с английским бедняком-иммигрантом, поставленным в невыносимо тяжелые условия, а сейчас еще попавшим в лапы коренного австралийца такого калибра, как Эллисон Айр. Мой отец относился довольно равнодушно к Эллисону, но сейчас тот явно играл роль подстрекателя во всем, что стряслось со Скотти Пири. И отец решил добиться, чтобы Скотти по крайней мере был поставлен в равное положение с Айром перед лицом закона. Это было очень важно для отца: он сразу увидел, что закон хотят произвольно пустить в ход против Скотти, виноват он или нет. А закон по отношению к детям следует применять с особой осторожностью. Мы слышали от отца, что такой принцип есть в английском законодательстве, на котором построено и австралийское.

— А они совсем не стараются быть осторожными,— сказал я.— Так что же с ними можно поделать?

— Прежде всего я поговорю с Джоном Страппом — он собирается выступить в этом деле обвинителем от имени полиции. Я постараюсь убедить его, чтобы обвинение в краже, выдвинутое против Скотти, было полностью устранено из дела. Хотя, правда, Джон Страпп — постоянный адвокат Эллисона Айра...

— Мистер Страпп ничего не станет устранять, когда узнает, что Скотти будешь защищать ты,— сказала Джинни.

— Это было бы возможно, если бы Страппу в руки попало серьезное судебное дело,— возразил отец.— Но у него нет никаких реальных доказательств, и он будет выглядеть дураком, если пойдет в суд с таким шатким обвинением.

— Он не уступит,— настаивала Джинни.

— Посмотрим,— вздохнул отец, и это было все, что он сказал нам.

Но тут загорелся спор между мной, Томом и Джинни, которая все еще была на стороне Джози Айр. Она, правда, не одобряла вызова Скотти в суд, но была (как и большинство девочек в школе) уверена в том, что Скотти увел Бо и теперь должен его вернуть.

— У Джози сто валлийских пони!— запальчиво говорил Том.

— Но они совсем не то, что Бо. Все знают, как Джози и Бо привязаны друг к другу. Она просто зависела от него...

— Пожалуйста, она быстро может найти замену,— не сдавался Том.

— Ну, это будет не то же самое...

— Хватит вам!— сказала мать.

— Разве я не права, Кит?— спросила Джинни, обращаясь ко мне; это было редкостью — Джинни всегда считалась только с собственным мнением.

Но я и сам не знал, каково мое мнение.

Мне было жаль Джози Айр. Да и всем нашим мальчишкам тоже. Блю Уотерс, конечно, уже распространялся в «Белом Лебеде» насчет того, какой тяжелой стала для Джози жизнь без Бо. Она ведь лишилась не только пони, но вдобавок и свободы передвижения. Она наотрез отказывалась от любого пони, кроме Бо. Или Бо, или ничего!

— Она даже перестала выходить из дому,— докладывал Блю Уотерс собутыльникам, которые теперь вовсю спорили о пропаже Бо, используя ценную информацию, получаемую от Блю Уотерса. Пиво лилось рекой, Блю был полон негодования.— Вот вам бы потерять обе ноги да еще не ругаться, сможете вы это?

Трудно было понять из реляций Блю, подавлена Джози или обозлена, плачет ли она и отказывается от занятий с гувернанткой, либо же она вне себя от ярости и только неистово ругает домашних за то, что они не спешат вернуть ей любимого Бо.

— «Ты должен его найти!» — вот что она без конца повторяет отцу,— сообщал Блю.

Разумеется, Эллисон взялся всерьез за поиски Бо. Он готов идти напролом, когда дело касалось его семьи, а тем более Джози, потерявшей пони, который стал ее спасителем от жестокой неподвижности. Я понимал, что Эллисон тяжело переживает новую беду, которая свалилась на Джози. Я даже готов был понять сержанта Коллинза, на которого оказывали такое сильное давление, но что мог поделать сержант Коллинз? И все-таки мое сочувствие было прежде всего на стороне Скотти, и оно все усиливалось, хотя этот мальчик и не был в глазах учителей образцом со-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1 — 4.

вершенства. Но кто из нас был безупречен? Скотти теперь — жертва несправедливости или мог ею стать, а это для меня решало все. И потом Скотти был боевым парнишкой, и все мы любили это в нем.

Теперь, когда Скотти проходил по городу, на его лице был написан вызов всем: пусть ищут, пусть найдут, где он прячет пони, раз они так говорят! Пусть поймают его, если смогут. Пусть бьют его, пусть... Так держался Скотти и в школе. И все же он стал необычно чувствительным и так часто раздражался, что мы остерегались задеть его каким-либо неосторожным словом.

Я уже понимал в то время, что у Скотти не было бы никаких шансов выиграть дело в суде — по закону или в обход закона,— если бы дело не оказалось в руках моего отца. В моих глазах закон был весьма увесистой вещью. Я представлял себе, что закон может своей тяжестью раздавить любого, если не случится чуда или не подоспеет помощь. Дело Скотти не заняло бы в суде и десяти минут, если бы не отец. И тут начинался мой спор с законом: как можно быть перед судом равным своему противнику, если у тебя нет «равного» адвоката? Значит, адвокат — это все, а не закон?

— Так как же?— приставала ко мне Джинни, словно угадав мои сомнения.— Разве я не права, Кит? Разве ты не убедился, что пони, которого украли,— это Бо?

— Я не думаю, что Скотти взял бы его, если бы не был убежден, что это его пони,— сказал я.

Джинни только насмешливо вздохнула в ответ.

— Когда будет слушаться дело, если его передадут в суд?— спросила мать.

— На следующей неделе.

— И сколько оно продлится?

— Несколько часов, вероятно.

— И это все?

— Я не могу тебе точно сказать, Ханна,— ответил отец, начиная, видимо, сердиться.

Я знал, что́ было на уме у моей матери: отец будет выступать бесплатно. Родители Скотти не могли, конечно, платить, да отец и не стал бы брать у них денег. Мы поэтому и были очень небогатой семьей. Лишних денег на расходы у нас никогда не появлялось, и сугубая принципиальность отца обычно оборачивалась потерей так называемых выгодных дел. По этой причине он не пользовался популярностью среди определенной части жителей города.

— Конечно, за это дело ты должен был взяться,— сказала мать тоном примирения и стала раздавать нам сладкое — рисовый пудинг, не очень обильно приправленный сахаром; мы знали, что ей приходится экономить, но мы уже привыкли и ели пудинг с аппетитом.

В воскресенье, накануне дня, когда должен был начаться суд, на ферму к супругам Пири приехал Эллисон Айр. На нем были куртка и широкие брюки вместо обычных бриджей. Он стоял на ступеньках лестницы, ведущей на веранду, и звал Энгуса, который в это время завтракал. Когда Энгус вышел (Скотти шел за ним), Эллисон сказал, что хотел бы переговорить с ними.

— Вам бы только разговаривать,— кисло отозвался Энгус.— Тогда говорите, что вам надо, а потом уходите с моей земли.

У Энгуса не было никакой причины быть приветливым с Эллисоном, к тому же он чувствовал, что если Эллисон пожаловал к нему собственной персоной — значит, жди какой-нибудь каверзы. Более того: мой отец уже предупреждал Энгуса не говорить о судебном деле ни с кем, особенно с «той стороной». А тут явился сам главный противник да еще предлагает устроить конференцию.

— Может быть, пройдем и побеседуем в моей машине?— сказал Эллисон.— Она тут недалеко, у асфальтовой дороги.— Он был вежлив и готов к услугам.

— А зачем?— вдруг спросил недоверчиво Скотти.

— Помолчи!— сурово оборвал его Энгус.

— Моя дочь Джози сидит в машине, и она тоже хотела бы поговорить с тобой,— ответил Скотти Эллисон.

— Мальчик никуда не двинется отсюда,— сказал Энгус.— Даже если вы привезли за ним в машине полицию.

Эллисон покраснел, но сдержался (Скотти, когда рассказывал нам об этой встрече, признал, что Эллисон вел себя с большой выдержкой).

— Уверяю вас, что в машине только моя дочь Джози,— сказал Эллисон.— И все, чего она хочет,— это поговорить пять минут с вашим сыном. Я даю вам слово.

Энгус молчал в нерешительности. Скотти и вышедшая из дома миссис Пири стояли за его спиной, и все трое были как будто сконфужены вежливым приглашением.

— Пожалуйста, убедите их пойти, миссис Пири,— сказал Эллисон.— Вы мать, и вы поймете.

Должно быть, Эллисон на минуту забыл, что это он был причиной вызова Скотти в суд по обвинению в конокрадстве. А может быть, он и не думал о том, что́ означает для Скотти ждать здесь, в грязи, на этой захудалой ферме, пока его позовут и станут судить как уголовного преступника.

— Она мать своего сына,— резко осадил Энгус Эллисона.— Того самого, которого вы собираетесь посадить в тюрьму. Так что кончайте ваши хитрые подходы и убирайтесь с моей земли.

— Простите,— торопливо подхватил Эллисон.— Я не хотел сказать ничего плохого. Но тогда хоть вы подошли бы и поговорили с Джози, миссис Пири? И ты тоже,— обернулся он к Скотти, не называя его по имени.— Я уверен, что все может разрешиться к нашей обоюдной выгоде.

Снова они молчали, не зная, что ответить.

— О какой выгоде вы говорите?— спросил наконец, насмешливо прищурившись, Энгус.

— Я думаю, лучше вам сначала повидаться с моей дочерью, тогда вам легче будет понять.

Скотти первый раскусил, куда клонится дело.

— Не ходи, папа!— заговорил он, волнуясь.— Это обман, ловушка!

Энгус снова велел ему молчать.

— Почему вы хотите, чтобы мы поговорили с вашей дочерью? Что она скажет, чего не может сказать вы?

— Дело не в этом,— сказал Эллисон, изо всех сил подавляя гнев.— Просто моя дочь хочет поговорить с вашим сыном и объяснить ему, что́ значит для нее этот пони и...

— Какой пони?— сердито прервал его Энгус.— О каком пони вы толкуете?

Терпение Эллисона начало лопаться:

— Ну, пойдемте же, Пири. Будьте разумным человеком, ради всего святого!

Тут Скотти стал пятиться, собираясь улизнуть, словно Эллисон наконец раскрыл свои намерения и собирался схватить его, как в тот раз, на выставке. Заметив это, Эллисон сказал:

— Погоди. Не уходи. Только одну минуту, мальчик...

Если бы он сказал «Скотти» вместо «мальчик» и заговорил бы с ним дружески, спрятав подальше высокомерие богатого скваттера, все, может быть, обернулось бы по-другому.

— Джози ведь не может подойти сюда,— сказал он, обращаясь теперь только к Скотти.— И я подумал, что ты не будешь против пойти к ней.

Это была ошибка. Я не думаю, чтобы Эллисон решил сыграть на сердечных струнах этих людей. Он был слишком горд, чтобы пойти на это. Но все равно этот призыв, похожий на мольбу, не мог иметь успеха. Скотти уже понимал — и все они понимали,— что, приглашая их встретиться с глазу на глаз с Джози, с ее мертвыми ногами, Эллисон рассчитывал на милостыню от тех, кто нуждается сам в милостыне, на сочувствие тех, кто живет за чертой человеческой чуткости.

— Я не пойду,— сказал Скотти и снова шагнул назад.— Я никуда не пойду с вами.

Эллисон понял, что ему не удастся растрогать этого мальчишку, и сказал, словно примиряясь с неизбежным:

— Ну, хорошо. Тогда я все скажу вам сам.

— Ага,— согласился Энгус.— Валяйте.

— Я предлагаю тебе любого пони, какого ты выберешь в табуне,— сказал Эллисон, снова обращаясь к Скотти,— если ты вернешь того, которого ты взял у меня на ферме.

Скотти уже собрался улизнуть, но остановился и крикнул:

— Мне не надо никаких ваших пони, мистер Айр!

— Я уплачу сверх того двадцать фунтов в знак доброго доверия между нами,— добавил Эллисон, поворачиваясь к Энгусу.

— Двадцать фунтов...— проговорил Энгус, помолчав.

— Нет!— закричал Скотти, умоляюще глядя на отца.

— Не слушайте мальчика,— сказал Эллисон.

— Я не брал вашего пони!— кричал вне себя Скотти.— И нечего просить меня, чтобы я его вернул! У меня нет его!

— Но я знаю, что ты увел его,— резко сказал Эллисон.

— Так где же он? Почему вы не нашли его?— спросил Энгус.

— Мы-то найдем его в свое время,— нахмурившись, продолжал Эллисон.— И тогда вы ничего не получите. А я готов позаботиться о том, чтобы с вашего сына сняли обвинение.

— Он говорит все это, чтобы надуть тебя,— бросился к отцу Скотти.

— Миссис Пири, а вы-то как думаете?— спросил Эллисон.

— Мой сын не воровал у вас лошади,— сказала она.— Он не вор.

— Послушайте. Но ведь всего только о пони идет речь,— начал снова Эллисон.— Вы можете получить хорошего пони и в придачу двадцать фунтов. Я сниму обвинение с вашего сына, и на этом все будет кончено. Будьте же рассудительны, добрые люди. Это — очень щедрое предложение...

Энгус молчал: казалось, он начинает склоняться к тому, чтобы принять предложение скотовода. Но, встряхнувшись, призвав на помощь поруганную гордость или потому, что прочел отчаяние и упрек на лице сына, он решительно повернулся к Айру.

— Некрасивое это дело — являться сюда вот так с вашими деньгами и дочерью, мистер Айр,— сказал он твердо.— Я не ваш краснорожий гуртовщик, а мой сын не вор. И нечего совать мне ваши двадцать фунтов, они не заставят меня признать, что мой сын — уголовный преступник, способный присваивать чужое. То, что у него есть, мистер Айр, принадлежит ему. Это все, что я говорю вам, и не старайтесь сбить меня с толку. Поэтому прощайте, мистер Айр, и к черту все ваши уловки! Прощайте!

Энгус повернулся и ушел в дом, на минуту Эллисон остался наедине со Скотти. Скотти смотрел с вызовом прямо ему в глаза, во взгляде у него читалась твердая решимость.

— Хорошо,— сказал наконец Эллисон.— Помоги тебе теперь бог, мальчик. Ты ответишь за то, что сделал с моей дочерью.

— Я ничего не сделал вашей дочери!— крикнул Скотти ему вслед.

И я думаю, что тут Скотти больше не сдерживал слез, хотя и был готов бороться до конца не меньше, чем Эллисон Айр.

Глава XI

Пони так и не нашли. И никто его нигде не видел. Попытка Эллисона заполучить его провалилась. И даже если Скотти прятал где-нибудь пропавшего пони, все равно поиски сержанта Коллинза не привели ни к чему. Я тоже не сумел найти того места, где, как я думал, Скотти мог перевести лошадь через реку посуху. Я видел следы копыт на той стороне реки против фермы Айров, но это дикие лошади приходили на водопой, не более того. Правда, это было там, где бродил и Скотти. Но когда я пошел глубже в заросли, почувствовал, что занимаюсь пустым делом. Скотти к тому же не стал бы прятать пони долго в одном месте и слишком близко от города.

Отец знал о моих поисках — ему рассказал Том. И он спросил как-то у меня, не нашел ли я чего-нибудь.

— Ничего,— ответил я и ни слова не сказал ему о загончике.

— Виделся ты с младшим Пири?

— Только в школе, сегодня.

До сих пор отец еще ни словом не перемолвился со Скотти, он даже сказал, что и не собирается этого делать. Энгус Пири зашел в контору отца рассказать ему о визите на ферму Эллисона Айра. Но Айр уже сам звонил отцу и просил его уговорить супругов Пири принять его предложение.

— Айр объяснил мне, что делает это неофициально, не через судебные каналы,— рассказывал нам отец, больше, правда, обращаясь к

матери.— Он сказал, что хотел уладить все как можно скорее, в приватном порядке, без большого шума.

— А что ты ему ответил? — спросила Джинни.

— Мне пришлось сказать, что ему следовало хорошенько обдумать свое поведение уже в самом начале, когда он ездил на ферму Энгуса с сержантом Коллинзом, и не угрожать семье Пири судом.— Мой отец, видимо, не считал предложение, сделанное Эллисоном, чем-то дурным, он просто нашел в нем два серьезных нарушения. Во-первых, обвинение Скотти в краже,— объяснял нам отец.— Это — необоснованное обвинение. А во-вторых, предложение Эллисона о денежном возмещении за возврат пони — этим он тоже косвенно заставлял Скотти признать себя виновным в краже, что не только незаконно, но и просто нечестно.

В общем, мы поняли, что суд над Скотти состоится.

— А как насчет мистера Джона Страппа?— спросил Том.

— Он отказался взять обратно обвинение, предъявленное Скотти,— ответил отец.

— Я говорила, что он откажется,— заметила Джинни.

— Страпп ссылался на то, что Эллисон сделал супругам Пири великодушное предложение. И что после их отказа у него не было другого выбора, как оставить обвинение Скотти в силе.

Поиски пони шли своим чередом, но до четверга, когда начиналась сессия суда, он все еще не был обнаружен. Наш местный суд был низшей инстанцией в судебной системе штата и при случае мог рассматривать себя и как суд по делам несовершеннолетних. Джон Страпп уже сообщил, что собирается вызвать трех свидетелей. Мой отец решил пока не вызывать никого, а там посмотреть по ходу дела.

— Все, что я могу,— это опровергнуть возбужденное ими обвинение, пользуясь их же собственными доказательствами,— сказал он.

Поэтому он не вызвал к себе Скотти. Он, правда, просил Энгуса Пири привести сына утром в день суда к нам в дом. Уходя в школу, мы с Томом видели, как Скотти сидел на ступеньках веранды; на нем были серые шорты, рубашка, даже галстук и знакомые нам старые ботинки. Он был готов предстать перед судом.

Потом отец отправился вместе со Скотти в свою контору, и, хотя я не видел, как они шли по улице, могу легко представить себе эту картину: отец мой был невысокого роста, коренаст и привык при ходьбе смотреть прямо перед собой; Скотти тоже был коренаст, но глядел безотрывно вниз, на свои брюки и, увы, на весьма непрезентабельные башмаки. Отец не очень умел беседовать с чужими детьми, вернее, ему не удавалось их разговорить; но именно поэтому нам было очень любопытно узнать, о чем же он все-таки говорил со Скотти. Ведь это было очень важно: от Скотти отец мог узнать много больше, чем от нас и от всех остальных, включая и Энгуса Пири. Одно было несомненно: как бы ни относиться к моему отцу, довериться ему можно было вполне. Так, видимо, и поступил Скотти.

Во всяком случае, самого Скотти в зале суда не оказалось. Это, кажется, было не по правилам, но отец сначала велел ему держаться подальше от здания суда, а затем просто послал его в школу и строго наказал: не являться в суд иначе как с констеблем Питерсом, если тот за ним придет.

— Ни с кем другим!— еще раз подчеркнул отец.

Председатель суда и обвинитель от полиции желали знать, где находится Скотти, и в резкой форме спрашивали об этом отца. Почему мальчика нет в суде? Почему мистер Квэйл, его представитель, не привел его? Может быть, мальчик скрылся? Нет? Тогда где же он? Просил ли мистер Квэйл полицию разыскать и привести его?

Я сидел в задних рядах судебного зала — просто не пошел в школу. Но я знал, где тут можно спрятаться, и решил ни за что не упускать случая увидеть своими глазами все, что произойдет в суде. Даже наши мальчишки скептически смотрели на исход дела: они не верили, что моему отцу удастся выручить Скотти. Но отец пока был спокоен, корректен, суховат, как всегда перед началом процесса. За-

то на расспросы суда о Скотти он ответил в достаточно энергичном тоне.

— Я прошу суд признать, что присутствие мальчика в судебном заседании пока не является необходимым,— сказал он.— При создавшихся обстоятельствах будет лучше, если ему не придется выслушивать попытки обвинения очернить его в глазах горожан...

С этого отец начал защиту, и председательствующий немедленно сделал ему замечание за последние слова. Но я понял, что судья это сделал больше для вида. К тому же в этот момент в зале появился Эллисон Айр, и судья, возможно, решил показать ему, что намеренде заставить моего отца держаться в надлежащих границах. Я думаю, что от председательствующего этого можно было ожидать: мистер Кросс (мы его звали «крис-кросс» [1]) был в прошлом ходатаем по коммерческим делам, устраивал закладные под фермы и всегда старался быть на короткой ноге с «землями-скотоводами», как Эллисон Айр.

Двух других судей звали Джимпсон и Джердайн, но оба они мало что значили, потому что не были юристами: один занимался политикой, другой был землемером. На них никто не обращал внимания, в том числе и отец.

Он, кстати сказать, довольно спокойно воспринимал замечание председательствующего.

— Мне просто не хотелось, чтобы ребенок слышал, как о нем говорят в тех выражениях, которые будут использованы обвинением,— объяснил он.

Последовал протест со стороны мистера Страппа, обвинителя от полиции.

— Хорошо. Тогда позвольте поставить вопрос иначе,— вновь начал отец тоном обезоруживающего терпения.— Если рассмотрение дела даст доказательства против мальчика, мы охотно доставим его в ваше распоряжение. Если таково будет желание суда.

— Дело не в желании, мистер Квэйл,— недовольно сказал судья отцу.— Дело в законе. Мальчик должен быть здесь. И вы знаете это.

— Были прецеденты, ваша милость, когда несовершеннолетний обвиняемый отсутствовал, когда дело о нем шло в суде.

И отец, вооружившись томами закона и собственными заметками, привел полдюжины примеров из австралийского законодательства времен колонизации, в том числе такой случай, когда сын губернатора вместе с сыновьями других влиятельных граждан был избавлен от присутствия в суде. Он цитировал многие судебные апелляционные решения о том, что присутствие на процессе может иногда рассматриваться как вредное для юного обвиняемого, что могут быть исключения и т. д.

— Ну, хорошо, хорошо,— сказал мистер Кросс, стараясь остановить поток примеров, приводимых отцом, который говорил все это в несколько ироническом тоне.

— Таким образом, мое ходатайство принимается, ваша милость?— спросил отец.

— Ваше ходатайство принимается к рассмотрению,— сердито подтвердил судья Кросс.

Я знал, что, когда отец вот так заставляет суд переходить в оборону, он не сразу выдает свои козыри, но чем дальше, тем более свирепо пускает их в ход. Отец поощрял меня, когда я ходил в суд «знакомиться с законом», он хотел, видимо, чтобы и я стал юристом, но случилось так, что из зала суда я извлекал другие уроки, пристально наблюдая всякие драмы, страдания, нищету, запутанность людских дел. Видимо, поэтому я стал писателем. Зато Том, с его повышенным интересом к морали и чувством справедливости, впоследствии пошел по стопам отца.

— Мистер Страпп,— сказал судья, видя, что отец ожидает решения,— вы настаиваете на том, чтобы мальчик присутствовал на суде?

Страпп, довольно тучный мужчина, носил удивительно чистые белые рубашки и воротнички. Иногда он надевал даже радужные галстуки бантиком. На моего отца он глядел так, словно давно махнул рукой на этого опасного англичанина, всегда готового выкинуть что-нибудь неожиданное.

— О, я понимаю, что в данном случае мы можем разрешить нашему юному необузданному правонарушителю пока не присутствовать,— сказал Страпп довольно небрежно.

Мой отец неожиданно ударил ладонью по столу.

— Ваша милость! Если бы я назвал обвинителя (мне показалось, что отец хотел сказать «жирной свиньей»)... ну, скажем, юридическим комбинатором, обвинитель, вероятно, стал бы решительно протестовать? Не правда ли, мистер Страпп?

— О, не беспокойтесь,— скривился Страпп.— Я снимаю мою характеристику обвиняемого. Давайте покончим с этим.

— Что ж, пожалуйста,— откликнулся отец.— Но я прошу суд проследить за тем, чтобы обвинитель и дальше избегал подобных выражений в адрес моего клиента. Он — мальчик с хорошими задатками, и никто в суде не вправе забывать этого...

— Ваше слово, мистер Страпп,— поспешно сказал судья, и я услышал в его голосе легкий оттенок раздражения, может быть, тоже адресованного специально Эллисону Айру.

Дело было, по мнению мистера Страппа, очень несложным. Он изложил историю появления Бо на ферме Айра; как поймали пони в табуне, как его приручали, с какими усилиями, заслуживающими всяческого уважения, Джози Айр добилась того, что благодаря пони смогла передвигаться вопреки своей достойной сожаления неподвижности. Особенно детально был описан инцидент со Скотти на сельскохозяйственной выставке, а затем и известный уже случай, имевший место накануне исчезновения Бо: с маленьким человеком, замеченным гуртовщиком ночью на берегу возле фермы Айра, что, как подчеркнул мистер Страпп, явно указывало на Скотти Пири. В общем, все говорило за то, что единственным лицом, имевшим реальный интерес к похищению пони, был ныне обвиняемый судом мальчик.

— Вся совокупность обстоятельств,— подчеркнул обвинитель,— и существенные доказательства, приведенные здесь, указывают на то, что единственным виновником похищения может быть только Скотти Пири. Более того: у нас есть свидетель, сообщивший, что он видел, как обвиняемый ехал верхом на пони по берегу в ранний утренний час, сразу же после того, как исчез Бо.

Это было сюрпризом для меня, и я посмотрел на отца.

Он писал что-то на листке голубой бумаги, но лишь на мгновение поднял голову и снова принялся писать.

Страпп сказал, что ему не хотелось бы преувеличивать значение этого дела. Тут не было ничего исключительного, разве только то, что похищение пони доставило дополнительные страдания и ненужные трудности маленькой Джози Айр.

— Мы просим суд решить это дело быстро и человечно. Мы не стремимся быть мстительными. Мы не желаем никого карать. Все, чего мы хотим,— это возвращение пони. Тем самым будет соблюден закон, который...

Мой отец слушал все это совершенно спокойно, но тут прервал Страппа:

— Выступает ли обвинитель в интересах какого-либо клиента или он является обвинителем от имени полиции?

В зале зашевелились, послышались нелестные возгласы в адрес обвинителя. Но судья тут же спросил отца, не имеет ли он сказать что-либо более существенное, прежде чем будут вызваны свидетели обвинения.

— Нет, не имею,— сказал отец.

Он обернулся и посмотрел на зал суда, и это заставило и меня оглядеться вокруг. Я удивился, увидев, что зал полон — редкий случай на обычных судебных сессиях. И я не ожидал увидеть здесь некоторых людей, в частности нашу школьную учительницу истории мисс Хильдебранд. Она, конечно, заметила меня, так что я попал в историю. Но меня заинтересовало, что же, собственно, она делает здесь. Ее считали «городской учительницей», потому что она год назад приехала прямо из большого города, а мы называли ее «нашей птичкой»: она часто сильно краснела, была застенчивой и с трудом поддерживала порядок в классе, особенно среди ребят из зарослей, вроде Скотти, который именно ей совал в стол ящериц. Вообще-то мы любили ее. Но я никак не мог понять, почему она здесь.

— Пожалуйста, мистер Страпп! Вы можете вызвать ваших свидетелей.

Страпп вызвал первого свидетеля, сержанта Джо Коллинза. Тот повторил все о том, что случилось на выставке и в поместье Эллисона Айра, сообщив также, что не обнаружено никаких данных, как вор сумел увести пони. Потом сержант рассказал о своем посещении фермы Пири, произведенном там обыске и, наконец, о самодельном загончике, который он обнаружил у реки (том самом, который нашел и я).

— На песке мы нашли несколько отпечатков следов, явно принадлежавших босому мальчику. А также следы копыт неподкованного пони,— сказал Коллинз.

Прежде чем допрашивать сержанта, мой отец помедлил с минуту. Коллинз уже сделал несколько шагов, чтобы вернуться на место, полагая, что с ним покончено, но отец, не подымая головы, просто протянул руку и остановил его, все еще не произнося ни слова.

— Сержант Коллинз,— начал он,— почему вы выехали на ферму Пири после того, как получили сообщение, что у мисс Джози Айр пропал пони? Это было первое, что пришло вам в голову?

— Да, конечно,— ответил сержант Коллинз.

— Понимаю. И вы отправились прямо туда?

— Да.

— И, прибыв туда, спросили у мистера Пири и его сына, куда они дели пони?

— Да, приблизительно так.

— И что бы вы сделали, если бы нашли пони там?— спросил отец, выпрямляясь за испачканным чернилами столом.— Иначе говоря, как бы вы поступили в качестве официального лица?

— Я вернул бы пони законному владельцу.

— Мистеру Айру или, вернее, маленькой мисс Айр?

— Да.

— Вы уверены, что, как официальное лицо, вы сделали бы именно это?

— Да.

Страпп вскочил и выразил протест против вопросов отца, считая, что все это — лишь предположения. Но отец отвел протест тем, что данные предположения касаются того, как полицейский понимает свой служебный долг. Председательствующий только нетерпеливо кивнул головой.

— Почему же вы отправились именно на ферму Пири, сержант Коллинз? Я подчеркиваю: почему именно туда?

— Я уже сказал вам. Потому что думал, что пони там,— язвительно улыбнулся Коллинз.

— Нет, нет. Я спрашиваю, поехали ли вы туда, выполняя свой служебный долг, как представитель полиции? Или потому, что мистер Эллисон Айр сказал вам ехать туда?

Страпп заявил строгий протест, и судья сказал отцу, что вопрос задан неправильно:

— Нельзя так спрашивать, мистер Квэйл.

Я увидел, как мой отец покраснел.

— Я собираюсь ставить именно такие вопросы,— сказал он резко.— В суде я вправе задавать любые вопросы, относящиеся к делу, а сержант Коллинз вправе отвечать или не отвечать на них. Я даже могу спросить сержанта, правильно ли он поступил, если считаю, что это важно для суда, а он может ответить «да» или «нет», если захочет. Мой вопрос сержанту Коллинзу важен. Если он пожелает сказать, что действовал по служебному долгу, пусть скажет. Это все, что я хочу выяснить.

— Ну, хорошо, хорошо,— сказал судья.— Но мне все это кажется несколько странным.

— В этом деле требуется строгий подход, дабы мы всё хорошо поняли,— сурово отпарировал отец.— Был ли это ваш долг, мистер Коллинз, направиться прямо на ферму Пири, когда пропал у Айров пони, или нет?

— Да,— ответил Коллинз.

— Но вот, мистер Коллинз, несколько месяцев назад пропал другой пони, принадлежащий мальчику, которого здесь обвиняют,— Скотти Пири. Вам это известно или нет?

— Да.

— А как вы узнали об этом?

— Мистер Пири пришел и сообщил мне.

Я впервые услышал о том, что Энгус Пири ходил в полицию заявить об исчезновении Тэффа; видимо, он ничего не сказал об этом Скотти.

— И когда мистер Пири явился с этим заявлением, вы, что же, прямо поспешили к мистеру Эллисону Айру и спросили у него, куда он девал пони?

[1] Игра в крестики (англ.).

ГОРЬКИЙ В МОСКВЕ...

Провидение будущего всей нашей советской литературы, пророческая суть мыслей и идей, важнейших творческих положений, сейчас уже неоспоримых, но высказанных Горьким в те давние годы, когда только еще надо было постигать, осмысливать законы социалистического реализма, — вот что более всего поражает в новой книге о Горьком, которая, едва успев выйти в свет, уже пропала с книжных прилавков.

Это — «Горький в Москве» — книга умная и серьезная, как и положено литературоведческому исследованию, в то же время увлекательно читающаяся, поскольку литературовед Л. П. Быковцева с большим искусством использует в своей работе множество малоизвестных литературных источников, привлекает письма и свидетельства очевидцев.

В результате всей кропотливейшей работы, проделанной автором, ощутимо возникает на страницах книги особая, часто непередаваемо сложная обстановка московской жизни Горького, до отказа насыщенная трудом и борьбою.

Именно в этот период Горький создавал новое — строил литературу и русского и многих других народов молодого Советского государства. Строил с той силой и энергией, какие бывают даны только таланту огромному, таланту, не просто остающемуся в памяти эпохи, но еще и самой эпохе этой придающему негаснущий отблеск, свои живые приметы...

Московская жизнь Горького — это конспиративная квартира Алексея Максимовича на углу Моховой и Воздвиженки. Это встречи Горького с сормовским большевиком Заломовым, организатором боевых дружин в Замоскворечье, в 1905 году. Это Художественный театр, Воробьевы горы, Абрамцево. Это дружба с Толстым и Чеховым. Это знаменательные встречи писателя с Владимиром Ильичем, имевшие неоценимое значение для духовного формирования Горького, для всей скрытой, непрекращающейся работы ума и сердца, которая шла до тех пор, пока Горький был жив...

Ненавязчиво, с большим мастерством строит автор композицию и даже своеобразный сюжет своего повествования о Горьком, стремясь раскрыть живые, повседневные связи писателя с теми именно явлениями жизни, где ярче всего и находила свое подтверждение непоколебимая уверенность Горького в близком творческом расцвете народов, впервые поднятых историей к созданию нового мира.

Очень свежо открывается для нас Горький, произнесший на 1-м писательском съезде в Москве свои пророческие,— уже неотрывные от нынешнего дня слова — что «разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира»

Вот так и оживает заново все сказанное, сделанное, написанное Горьким за годы его жизни в Москве... Годы, поистине неохватные и по замыслам и по конкретному, всегда деловому и точному осуществлению этих гигантских в полном смысле слова замыслов.

Московское бытие Горького — до последних мгновений его земного существования — любовно и внимательно прослежено Лидией Быковцевой. Ее новая книга, хорошо изданная «Московским рабочим», понадобится не только специалисту-горьковеду. Без нее трудно будет обойтись всякому читающему, культурному человеку, если он любит литературу и следит за серьезными, по-настоящему хорошими книжными новинками.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Л. Быковцева. Горький в Москве. Издательство «Московский рабочий», 1972.

Сержант Коллинз тут допустил ошибку.

— С чего бы я стал делать это?— сказал он, растерянно глядя на отца.

— А почему вы не сделали этого?

— Почему не сделал?..

— Да. Почему? Поехали же вы сразу на ферму к Пири, когда пропал пони Айров, и спросили, где находится пони. С вами даже был сам мистер Айр. Почему же вы прежде всего не пошли к мистеру Айру, когда пропал пони у Скотти Пири?

— Это было бы смешно, мистер Квэйл, и вы сами знаете это.

— Я этого не знаю. Если говорить с точки зрения вашего долга, как служащего полиции, есть какая-нибудь разница между Эллисоном Айром и Энгусом Пири? Или первый пользуется особым предпочтением у вас, а другой нет?

— Нет. Конечно, нет.

— Тогда объясните ваше непоследовательное поведение, сержант Коллинз. Для меня непонятно, как может официальное лицо поступать таким образом.

Я все ждал, что Коллинз сошлется на то, что Скотти уже был к тому времени на подозрении из-за своего поведения на выставке, и Коллинз, возможно, собирался с мыслями, чтобы сказать это. Но отец не дал ему использовать этот шанс.

— Еще один вопрос, сержант Коллинз. Вы говорите, что вы вернули бы пони законному владельцу, семье Айров.

— Да! — отрубил Коллинз, начиная сердиться.

— Тогда скажите, пожалуйста, как вы могли удостовериться, что этот пони и есть тот, который принадлежит мистеру Айру?

— Ну, а чей же он мог быть при таких обстоятельствах?

— А не мог это быть пропавший пони мальчика — при таких обстоятельствах?

— Да, но все-таки это было маловероятно.

— Ага, это было невероятно.— Отец поднялся и подошел к маленькому пюпитру, за которым сидел Коллинз, что было необычным для отца в суде и даже, кажется, не полагалось.— Итак, вы не нашли пони на ферме Энгуса Пири?

— Нет.

— Тогда, помня о вашей присяге перед судом в качестве свидетеля, можете ли вы сказать мне: вы видели пони мистера Айра раньше или после пропажи?

— Нет, не видел никогда.

— Вы его не видели. Даже на выставке в тот день?

— Нет.

— И вы говорите, что если бы нашли пони на ферме Пири, то решили бы, что это пони мистера Айра, хотя никогда его не видели. Так ведь?

— Но в той обстановке, которая возникла, это было, согласитесь, мистер Квэйл, правильным предположением.

— У вас могло, конечно, быть такое предположение, сержант, но я хочу спросить: кто дал вам право решать, что принадлежит или не принадлежит кому-либо? У вас нет права — не правда ли? — решать, мой ли это галстук или не мой. Вы что же, сами назначили себя арбитром, судьей, стоящим выше закона?..

Тут я понял, что у моего отца есть своя линия в этом деле и что ни мистер Страпп, ни сержант Коллинз не разобрались толком в том, как им надо себя вести. Я думаю, что ни тот, ни другой не были так глупы, как выглядели на суде, и мне даже стало их немножко жаль, как людей, которых Эллисон Айр поставил в смешное положение. Но, с другой стороны, я и не думал упрекать отца за то, что он умело использует их слабости: отсутствие убежденности, уверенность в том, что, все равно дело будет ими выиграно.

Но вот мистер Страпп снова заявил протест.

— Во имя всего святого!— воскликнул он, поднимаясь, чтобы перебить отца.— Мой оппонент изложил здесь свою юридическую позицию, что может пригодиться для предстоящих прений сторон, но ведь это не отменяет фактов. Мы здесь не для того, чтобы рассуждать о служебном долге сержанта Коллинза.

Отец уловил это предостережение и не стал продолжать свою атаку, тем более что и судья нетерпеливо заерзал в своем кресле.

— Да, мистер Квэйл,— сказал судья,— вы высказали свою точку зрения. А теперь нет ли у вас более конкретных вопросов к мистеру Коллинзу, кроме этих расплывчатых намеков?

— Нет. Я думаю, нет,— спокойно, но с долей иронии сказал отец.

Сержант Коллинз поднялся с места с видом человека, который рад был наконец выбраться из этой дурацкой путаницы, но отец снова остановил его:

— Ах, да! Простите, я забыл одну вещь, сержант. Что вы предприняли для розыска пони Скотти Пири, когда вам сообщили, что он пропал или, возможно, украден?

— Я не мог почти ничего сделать. Я позвонил в полицию городов Лайа и Мундоо и попросил заняться этим. Написал рапорт в полицейское управление округа и сообщил в главный городской загон для скота.

— Понимаю. А вы не спросили у мистера Айра, когда...

— Я же сказал вам, что не заходил тогда к Айрам,— прервал его Коллинз.

— Нет, я имею в виду вот что: не попросили ли вы тогда, когда пропал пони у Пири, Эллисона Айра быть столь любезным и приказать просмотреть его табун валлийских пони на случай, если пропавший пони Скотти Пири пристал к этому табуну?

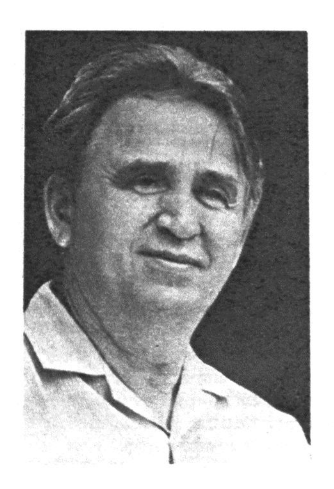
— Нет.

— Жаль...— заключил мой отец, пожав плечами. Он сел и стал ждать, пока приведут к присяге следующего свидетеля. Это был Скиттер Биндл, гуртовщик из «Риверсайда», который еще раньше говорил, что видел маленькую фигурку — мальчика, переплывавшего реку ночью. Он рассказал о том, как его собака учуяла кого-то — это был мальчик, он тотчас бросился обратно в реку; сказал свидетель и о том, как этот чертенок, словно рыба, лихо доплыл до другого берега. Мистер Страпп спросил его, знал ли он мальчика по имени Скотти Пири. Да, он видел его раньше. Тогда обвинитель спросил, может ли свидетель утверждать, что мальчик в реке был Скотти Пири.

— Да, я могу утверждать это,— ответил гуртовщик.

Продолжение следует.

Перевел с английского Л. Чернявский.

ПОДАРИ МНЕ ЯСНЫЙ ДЕНЬ...

Виктор БОКОВ

ДИКИЙ МЕД

Когда я слышу: «Дикий мед»,—
Мне сразу обувь ногу жмет,
Мне хочется в леса, в тайгу,
А если так, то я пойду.

— Что это за река? — Конда!
— А я не слышал никогда!
Какая рыба в ней? — Карась.
— Давно? — От века завелась.

А это скважина Шаим,
А мы при ней, на ней стоим,
А это город наш Урай,
Снимай рубаху, загорай!

— Сибирь, а вы мне про загар?!
— И для Сибири солнца дар,
От солнышка и нам почет,
Не хуже, чем в Крыму печет.

Ударил в спину жаркий луч,
Прорезавший завесу туч,
Я на пенек присел, смотрю,
Как ива гнется на ветру.

— И ты в Сибири? Ну, дела!
Нужда какая привела?
— А я сюда не по нужде,
Я ива! Я могу везде!

Я никогда не плачу здесь,
Все для меня в Сибири есть:
Озера, лес, прохлада рек
И — человек!

БУРЕНКА

На буровой жила буренка,
Недалеко от Обь-реки.
Весной она ждала теленка.
А вместе с ней буровики.

Все чаще он толкал копытцем,
Рос не по дням, а по часам.
Хотел он молока напиться,
Все на земле увидеть сам.

Буренка жалобно мычала,
Не потому что хочет есть:
Все по теленочку скучала,
Еще не зная, кто он есть.

Телок родился белолобый
И темно-бурый, как сморчок.
Неповторимый и особый,
Пресимпатичнейший бычок.

Проходчики в него влюбились
И стали звать Тореадор.
И так бычком своим гордились,
Как нефтью знатный Самотлор.

Бурильщики бурят породу,
Уходят в землю глубоко.
И пьют теперь не только воду,
Но и парное молоко.

Пасется добрая буренка
Недалеко от буровой.
Мычит, зовет к себе теленка
И губы пачкает травой.

ЗАПЕВКА

Здравствуй, солнце! Это я.
Подари мне диадему
Очень тонкого литья,
В руки дай мне, я надену.

Подари мне ясный день,
Успокоенные дали,
Чтоб на крышах деревень
Сизари заворковали.

Подари тележный скрип,
Я давно его не слышал,
Сделай так, чтоб белый гриб
Мне в лесу навстречу вышел.

Подари мне клин овса,
Что звенит, как рыцарь, в латах,
Подари мне голоса
Всех щебечущих пернатых.

Отплачу тебе одним —
Это мне пока по средствам —
Словом песенным, родным,
Что стучит под самым сердцем.

ЧАЕПИТИЕ В ЯЗВИЦАХ

Самовары на столах,
Семьи в сборах и в согласье,
У невест на рукавах
Петухи поют о счастье.

С блюдца пьют, как из реки,
Седовласые Гомеры,
Язвицкие старики,
Водохлебы, водомеры.

Двадцать чашек дед мой пьет,
Ухает болотной выпью.
Двадцать первую нальет,
Поглядит и тоже выпьет.

Десять чашек я могу,
Это мне пустяк, полдела.
Дом срублю на берегу,
Чтобы ты мне песни пела.

Чтоб ходила босиком
По сосновому настилу
И, шумя своим крылом,
Целовала с жару, с пылу.

Говорила бы: — Чаек
Заварю тебе, Викторка!
Сердце: ёк! Сердце: ёк!
Как заведенная моторка!

ПРИГОРОДНЫЕ МОТИВЫ

Перрон как собранье июньских ромашек.
Ему не страшны никакие косцы.
Прелестны на нем молодые мамаши,
Угрюмы чуть-чуть молодые отцы!

Еще бы! У жен мировые запросы —
Дай модные туфли, дай модный каблук!
Июнь, заревые и теплые росы,
Большое сияние встреч и разлук.

Июнь — арендатор террас и сараев,
Избушек над речкой с названьем Протва.
Заборчик, усадьба, земелька сырая,
Тебе это нравится, город Москва!

Ты едешь семействами и в одиночку
Туда, где крапива, осот и лопух,
Где гонит кнутом своим темную ночку
Бессонный большой седовласый пастух.

Коровы мычат, что-то мекают овцы,
А белые козы степенно идут,
Такие пророки, такие толстовцы,
Как будто они это стадо ведут.

Ау! Уж не гриб ли пошел по теплыни?!
Ау! Уж не ягода ль в темном бору?
Трава ароматна, как пряник Медыни,
Я именно в ней землянику беру!

А рядом москвичка в резиновых ботах.
Аукает: — Вася! Скорее сюда!
И в голосе, словно в неписаных нотах,
Мелодия жизни, любви и труда.

Идет электричка. Перрон многолюден.
Я в тамбуре вместе со всеми зажат.
И люди — надежда, энергия буден,
Поехали — только колеса визжат!

ПОДАРОК ИЮНЯ

Июнь подарил свою нежность траве,
А омуту тихую медленность вальса.
Июнь целый день говорил синеве:
— Дождя бы немного! Уж ты постарайся!

И облачко белое стало расти,
Сначала не больше коробочки хлопка,
Потом покатилось, как пудель в шерсти,
Потом растянулось, как изгородка.

Потом разрослось, как крапива в лесу,
Построилось войском, во фронт развернулось
И, словно по графику, в пятом часу
Решительным ливнем природы коснулось.

— Спасибо!—чуть слышно шептала трава.—
За помощь, за ливень, за ласку и воду!
И падали с листьев такие слова,
Какие Шекспир не придумывал сроду!

ИЗ ДЕТСТВА

Розовая кашка
На большом лугу.
А на мне рубашка,
По траве бегу...

Голубая чашка
Стынет в вышине,
Как моя рубашка,
Которая на мне.

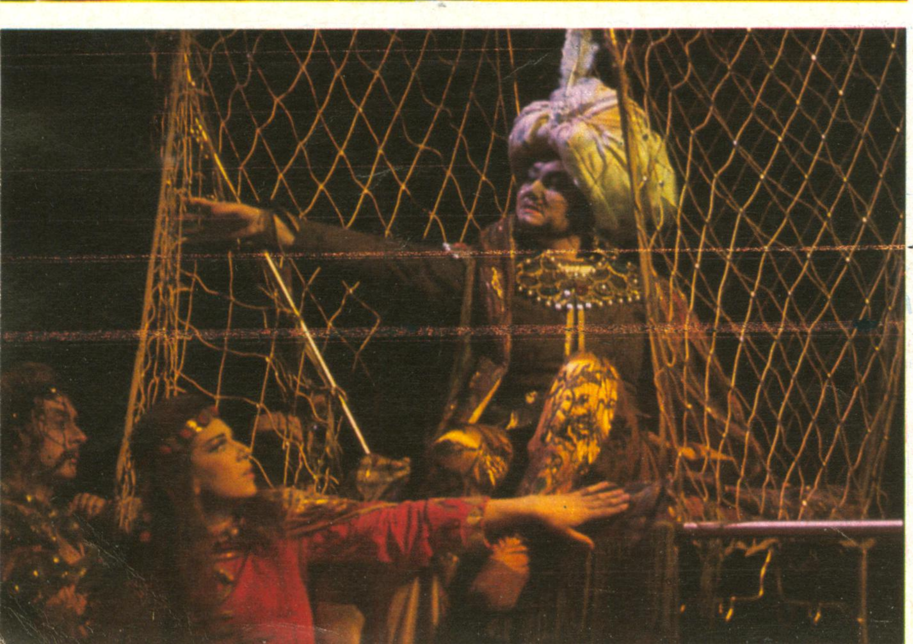
Синяя, в полоску,
Веселенькая,
Хочется горошку
Зелененького!

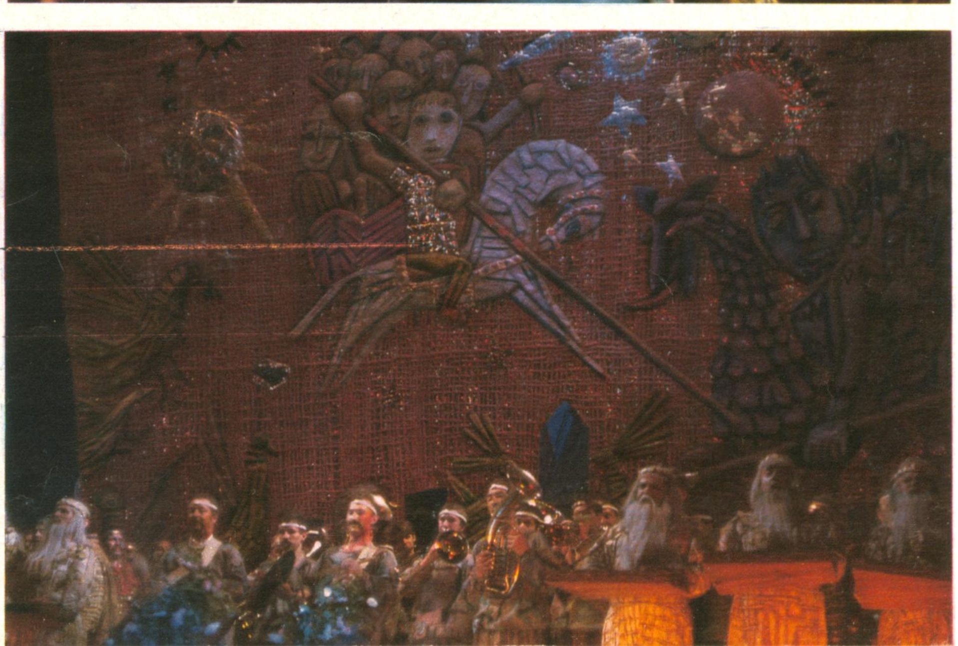
Народная артистка СССР Б. Руденко в роли Людмилы, Руслан — Е. Нестеренко.

ЗОЛОТЫЕ ОВСИНКИ

Золотые овсинки сережек твоих
И звенят, и смеются, и светят зазывно.
Что сережки и золото! Я не о них,
Я о том, что у нас все легко и взаимно.

Я о том, что скипелись, как слитки в печи,
Два металла с высокою пробой, два свойства.
Что одни у нас двери, одни и ключи
И что все терема открываются просто.

Я вчера увидал золотое кольцо
На старухе, и стало мне больно и страшно.
Изможденное мне говорило лицо:
— Все, что делаешь ты, все никчемно, напрасно!

Убежал я из темной темницы метро
От старухи с глазами, как острое жало.
Но увидел тебя, так мне стало светло,
И в ушах золотая овсинка дрожала.

СТИХИ ИЗ ВОЛОГДЫ

Ледок на лужах, на березах золото,
На огородах росный изумруд.
А новое зерно на хлеб размолото,
А новые стихи мои поют.

Так, значит, не напрасно темной ноченькой
Ходил я на свидание к словам
И, припадая к песенным источникам,
Сам песнями стучался в души к вам.

Дай руку, тракторист, душа ржаная,
Нам надо устоять в любых боях,
Мы — пахари! И честно пожинаем
Ту ниву, что растили на полях.

Лицо мне обжигает холодочек,
А ветерок, как острые ножи.
А Вологда, старинный городочек,
Прет вверх и подымает этажи.

Все это только ради человека,
Других забот у государства нет.
А Викулову стукнуло полвека,
Ну, что же, будь здоров, живи сто лет!

ПЕРЕДЕЛКИНО

Пять часов. Переделкино. Дача.
Не засну я никак, хоть убей.
Всю-то ночь, не жалея, не плача,
Ветер листья срывает с ветвей.

Присмирела земля и зазябла,
Снегу б надо, и стало б теплей,
День, точь-в-точь как холодный прозаик,
Как шашлычная без углей.

Нагибаюсь к гряде огуречной,
Подымаю огурчик в росе.
Говорю ему: — Ты не вечный!
Отвечает: — Не вечные все!

Лето было без яблок, без ягод,
Не летят снегири, как всегда,
Что теперь с ними станется за год,
Чем прокормятся? Вот где беда!

Но с надеждой глядят из темницы
Две роскошно зеленых косы.
Две морковины, две девицы
Не заморской — загорской красы!

Что на улице — снег или наледь?
Ясность зимнего дня или дым?
Или осень все так же сигналит
Золотым увяданьем своим?

А на улице слякоть, и сырость,
И ненастье — такие дела!
Туча серая покосилась,
Как избушка, что век отжила.

А на улице под ногами
Грязь, как будто печное чело.
Не бодается месяц рогами,
По ночам непроглядно черно.

Сквозь осеннее непроглядье
Электричка летит напролом.
А за ней, отдохнувшая за день,
Машет тьма вороненым крылом.

СЕРЬГИ

Серебро из Великого Устюга
К тонким веткам примерила ива.
— Как идут тебе серьги русские,—
Я сказал ей.— И как ты красива!

— Я согласна! — мне ива ответила.
Наклонилась, совсем как любимая.
И нежнейшую веточку свесила
И серьгою коснулась руки моей.

И стояла счастливая, стройная,
Признавалась: — А я не южанка!
Берег северный — вот моя родина,
А точнее сказать — устюжанка.

На ветвях ее пчелы с усердием
Хлопотали над желтой пыльцою,
И гудели, и песню весеннюю
Распевали над бурной рекою.

Эта песня касалась души моей
И во мне земляка узнавала.
И своею зеленой вершиною
Вровень с лесом зеленым вставала.

СНЕЖНАЯ ПОЧТА

Я был сегодня утром
Счастливый человек.
Ко мне в почтовый ящик
Забрался ночью снег.

Надел я полушубок,
Взял валенки-пимы,
Уселся у окошка
Читать письмо зимы.

Она писала: — Помнишь
Сосновые боры?
Как ты бесстрашно, парень,
Летал с крутой горы.

Чего зиме ответить
По поводу письма?
Не надо оправданий,
Зима права весьма.

Натер мастикой лыжи,
Спортивный лоск навел,
От дома оттолкнулся
И на весь день ушел!

В ПОРУ СЕНОКОСА

Солнце садится
За купы берез.
Надо ложиться —
Завтра покос.

Завтра работа,
Лодырей нет.
Эта забота
Уж тысячу лет.

Встал, приоделся,
Выпил кваску
И загляделся
Не на Москву!

А на березку,
Что под окном,
Думают, видимо,
Все об одном.

Вечно, наверно,
Это у них?
«Где мое счастье?»
«Где мой жених?»

Вот и раздолье,
Вот и луга.
С радостью, с болью
Ходит рука.

Раз! И упала
Чудо-трава.
Кто-то кричит:
— Закатай рукава!

— Знаю! Не лезьте!
Сам уж не мал!
Вечером вместе
На сеновал!

Так и случилось!
Сено шумит.
Та, что смеялась,
Мне не грубит.

Льнет, как сорочка,
Горит, как заря.
«Милый, хороший,
Теперь я твоя!»

Звезды сквозь кровлю
Сеют овсом.
Дышится ровно,
Сила во всем.

Как у атланта,
Мир на плечах.
Днем косарюю,
Царюю в ночах.

Снова роса, и коса,
И рассвет,
Удаль безмерная,
Устали нет!

МИР ПУШКИНА И ГЛИНКИ

Новый спектакль Большого театра открыл оперу Глинки «Руслан и Людмила» такой, как задумал ее автор, практически без купюр — ведь в прежних спектаклях их было великое множество. Создание великого композитора ныне открыто во всей его самобытности и красоте, и зритель, пришедший в театр, поражен теперь не только музыкальным великолепием, но еще и тем, сколь огромны и выразительны решения чисто сценические... И, конечно, тем, что рождены они отнюдь не игрой изощренного режиссерского воображения, а навеяны самой музыкой Глинки.

Творческие принципы профессора Б. Покровского, осуществившего для сегодняшних зрителей постановку «Руслана и Людмилы», в том, что для него основа основ — партитура, и только она одна! Любая самая красивая мизансцена мертва, если она — вне музыки. И оперный актер — лишь тот, кто профессионально владеет вокальным, музыкальным и сценическим искусствами в их взаимодействии, кто самостоятельно и художественно мыслит в искусстве, отбрасывая трафарет и штамп.

В спектакле ГАБТа много неожиданного. Сцена свадебного пира, которую привыкли видеть заполненной огромным столом, при поочередном выходе певцов на авансцену с обязательным кубком в руках, теперь динамична, полна увлекательного действия.

— Людмила — это образ женственный, нежный, красивый... Мне же хотелось еще сделать ее одаренной, задорной и даже немного капризной,— рассказывает Белла Руденко.

— Режиссер,— продолжает Руденко,— словно заново раскрыл перед нами партитуру, а потом она и сама открыла нам такие таинства, о которых мы прежде даже не задумывались.

Б. Руденко, Т. Синявская, Л. Авдеева, Е. Нестеренко, А. Эйзен, А. Масленников, А. Ведерников, А. Григорьев... Далеко не полон тут список солистов, участвующих в спектакле. А с ними и невидимые герои спектакля: дирижер Ю. Симонов, художник И. Сумбаташвили, балетмейстер Ю. Григорович, целая армия людей, создавших постановку.

Зритель, пришедший на спектакль, очарован и духом поэмы и знакомой музыкой, раскрывающей многоцветный, прекрасный мир Пушкина и Глинки...

Ирина СТРАЖЕНКОВА

Сцены из спектакля «Руслан и Людмила».

Фото Е. УМНОВА.

Кадр из фильма «Сибирячка». В роли Марии Одинцовой актриса Валерия Заклунная, Добротин — Евгений Матвеев.

О ЛУЧШЕМ, ЧТО В НАС

Нечасто «балуют» нас кинематографисты произведениями на современную тему. Долгое время не было картин о первооткрывателях, героях великих строек, хотя создание Комсомольска-на-Амуре, Магнитки, освоение Крайнего Севера, целинных земель стали историей. Почти как исторические воспринимаются сегодня, особенно молодыми, и фильмы, посвященные славным в жизни нашей Родины событиям. И герои их, отделенные от нас десятилетиями, порой кажутся далекими...

А между тем великими свершениями отмечены и наши дни. Продолжается строительство гигантов индустрии, заводов типа КамАЗа, Волжского автомобильного... Есть и здесь свои герои, но говорить мы стали о них меньше и как-то иначе — по-деловому, без восторга, а зачастую просто буднично, приземленно... Порой будто стали забывать, что в конечном счете фундамент каждой стройки — это энтузиазм людей.

Действие фильма «Сибирячка» — автор сценария Афанасий Салынский, режиссер Алексей Салтыков — разворачивается на стройке... Главная героиня, Мария Одинцова, молодая женщина, секретарь райкома,— честный, принципиальный человек. Отлично работает и руководитель строительства электростанции Добротин: он предан своему делу, живет им... И вдруг эти два человека — а каждый из них видит в работе смысл жизни — становятся чуть ли не врагами...

Добротин, ярко сыгранный Е. Матвеевым,— «хозяин» в районном городе. Он как удельный князь распоряжается здесь... Но так было до тех пор, пока секретарем райкома партии не стала Мария Одинцова...

В характере Марии — В. Заклунной с бесстрашием и непреклонностью сочетаются женственность, забота о людях. Она беззащитна, когда дело касается только ее, на личное оскорбление, пошлое обвинение может ответить только слезами. Но, если речь идет о народном достоянии, Мария решительна и деятельна; тогда она даже жизнью готова пожертвовать.

Партийный работник — это комиссар. Такой и показана Мария по замыслу постановщиков. Борец за правду, за чистоту — не в общем их понимании, а в конкретном проявлении. И везде, где возможно облегчить жизнь людям, она делает это, помогая обрести себя каждому человеку, который в этом нуждается.

Думается, что Мария есть продолжение образов лучших русских женщин в искусстве, верных жен и подруг, борцов за народное счастье, шедших в революцию, не жалевших себя на фронте и в тылу. На экране — героиня нашего дня, советская женщина.

Фильм «Сибирячка» — юбилейный; он подготовлен к пятидесятилетию нашего государства. Пьеса Афанасия Салынского «Мария», на основе которой поставлен фильм, несколько лет с успехом идет на сцене театров, в конце прошлого года пьеса получила Государственную премию РСФСР. И здесь нельзя не сравнить ее с кинематографическим вариантом: думается, фильм получился еще интереснее, чем иные постановки! В театре трудно передать масштаб стройки, показать массы народа, в гуще которого живет и частицей которого является Мария... В фильм отлично вписался индустриальный пейзаж: котлован огромной стройки, величественные кадры перекрытия реки. Люди на этом фоне становятся крупнее и значительнее. По-новому, свежо и нетрадиционно сняты сибирские пейзажи: горы, леса, реки (операторы Георгий Цекавый и Виктор Якушев).

И весь фильм есть отражение жизни, ритма сегодняшнего трудового дня страны. Он о нас!.. Пожалуй, о лучшем, что есть и должно быть в нас...

Т. ЛОТИС

ШРИ ЛАНКА — ПРЕКРАСНАЯ ЗЕМЛЯ

Аркадий МАСЛЕННИКОВ

Изумрудные волны мягко накатываются на пологий песчаный берег, подмывая корни кокосовых пальм, подступающих к самой кромке прибоя. Между их причудливо изогнутыми стволами снуют полуголые люди. Их шоколадные, мокрые от пота и морской воды тела резко выделяются на светлом прибрежном песке. Рыбаки только что вернулись с промысла и сейчас спешат вытащить на берег катамараны, выдолбленные из толстых древесных стволов, с двумя съемными брусками, укрепленными для устойчивости по бокам. Основной улов уже перешел в руки торговца — хозяина большей части лодок и другой рыбацкой снасти. Одетый в длинную юбку-саронг и белоснежную рубаху, он с комфортом устроился под огромным черным зонтом и ворчливо выговаривает старосте рыбацкой артели за плохой, по его мнению, улов. Остатки рыбацкой добычи, забракованные хозяином, достались женам рыбаков, и они спешат с ней на рынок, пока жаркое тропическое солнце не вырвало из рук эту маленькую удачу.

Но оставим рыбаков и посмотрим в глубь острова. Сейчас утро, поднимающиеся с теплой, пропитанной влагой земли испарения еще не успели сгуститься в облака, и взгляду открываются пологие холмы, волнами уходящие вверх, туда, где в сизой дымке виднеются величественные контуры одной из самых высоких вершин острова — знаменитого Адамова пика. Если бы отсюда глаз мог различать детали, то мы бы увидели несущиеся с гор мутные от ила реки, ниспадающие на сотни метров, сверкающие в солнечной радуге водопады, рисовые поля в долинах и у подножия холмов, окутанных — чем выше, тем плотнее — зеленой шубой чайных плантаций. Там, где земля по тем или иным причинам осталась неосвоенной, особенно к северу, востоку и юго-востоку от горного массива, простираются бескрайние джунгли, в которых до сих пор бродят стада диких слонов, буйволов, оленей, в изобилии водятся кабаны, медведи, пантеры...

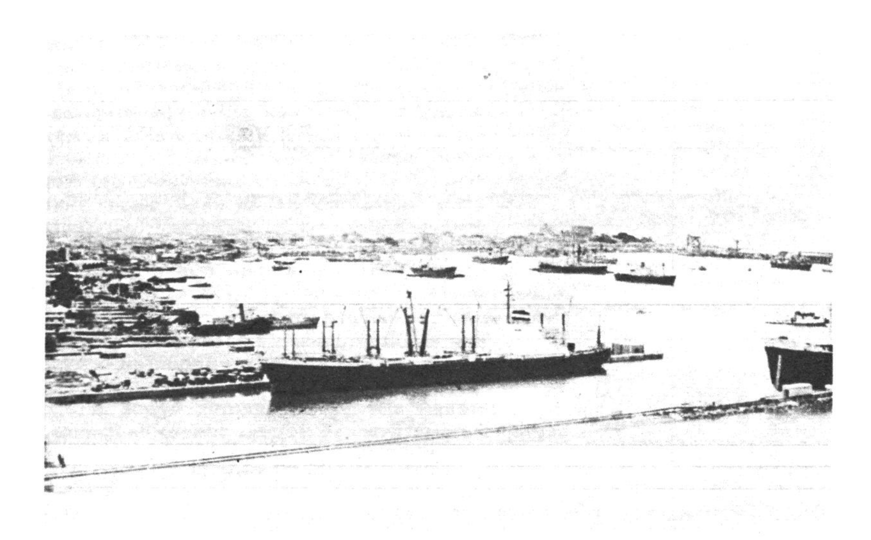
Таким предстает перед путешественником Цейлон — «Жемчужина Востока», как его называли в старые времена.

Надо сказать, что столь пышный титул, присвоенный Цейлону первыми арабскими и европейскими купцами, отражал не столько их восхищение исключительно богатой и разнообразной природой острова, сколько стремление этих рыцарей аршина поживиться за счет его обитателей. Щедрость цейлонской земли, мягкость климата, богатства недр и прибрежных вод, бывшие на протяжении тысячелетий источником благосостояния коренных жителей страны и сингалезских королей, с открытием морских путей на Восток превратились в проклятие сингалезцев. Менялись колонизаторы, менялись методы управления, неизменным оставалось лишь одно — колониальный грабеж, хладнокровное и систематическое расхищение естественных богатств острова, безжалостное угнетение и эксплуатация его населения.

Жители острова никогда не мирились с потерей своей независимости. 4 февраля 1948 года на волне стачечной борьбы рабочих и служащих Цейлон обрел долгожданную независимость. Убедившись в невозможности и нецелесообразности дальнейшего сохранения колониального режима, лондонские власти предоставили Цейлону статус доминиона в рамках Британского содружества наций.

Однако население острова вскоре поняло, что формальный акт передачи власти еще не означает подлинного решения проблемы.

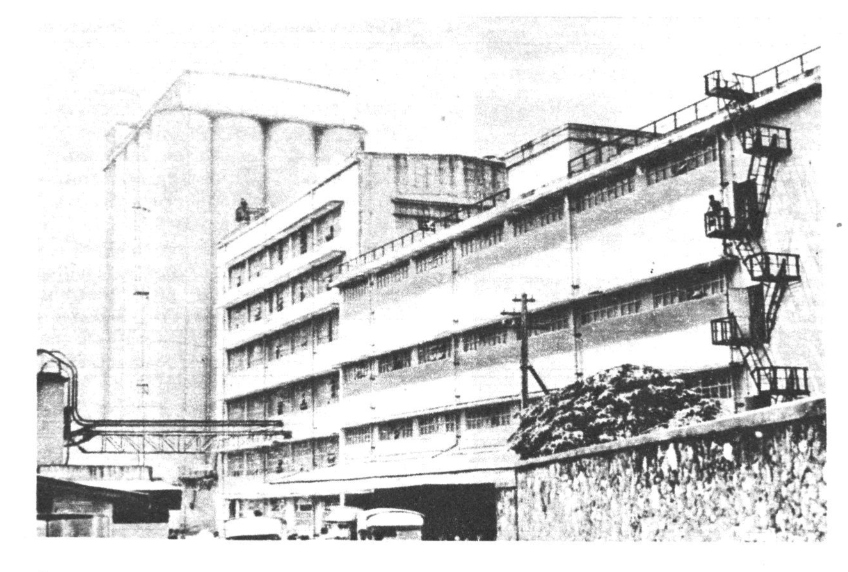
НКА-
СНАЯ

Вид на порт Коломбо, один из крупнейших в Азии. Ежегодно к его причалам приходят сотни судов из многих стран мира.

Идет мука высшего качества...

Элеватор и мельница в Коломбо, построенные при содействии Советского Союза.

Фото М. Непесова.

Естественно, что прогрессивные и демократические силы страны продолжали борьбу за окончательное политическое и экономическое освобождение. Важным этапом в этой борьбе был приход к власти в 1956 году правительства Объединенного фронта во главе с лидером Партии свободы Соломоном Бандаранаике. Это правительство предприняло ряд шагов, направленных на укрепление политической независимости страны и ограничение деятельности крупного местного и иностранного капитала. Был расторгнут навязанный стране в первые годы независимого развития военный договор с Англией, национализированы пассажирский транспорт и некоторые другие отрасли экономики, положено начало проведению аграрной реформы. Начатое дело после трагической смерти Соломона Бандаранаике в 1959 году продолжила ставшая премьер-министром его жена Сиримаво Бандаранаике. В начале 60-х годов были национализированы центральный банк и страховое дело, распределение и торговля нефтепродуктами, находившиеся ранее в руках американских и английских компаний, установлен контроль над импортной торговлей. В области внешней политики правительство взяло курс на неприсоединение и развитие равноправного сотрудничества со всеми странами, в том числе со странами социалистической системы. В этот период сложилось и начало успешно развиваться дружественное взаимовыгодное сотрудничество между Цейлоном и Советским Союзом.

Дальнейшему осуществлению курса на проведение прогрессивных преобразований во второй половине 60-х годов помешали происки внутренней и международной реакции. Воспользовавшись экономическими трудностями, а также разногласиями в рядах прогрессивных и демократических партий, правые силы добились падения правительства Сиримаво Бандаранаике. В результате выборов 1965 года к власти вновь пришло консервативное правительство во главе с Объединенной национальной партией плантаторов и торговцев.

Не удивительно, что на майских всеобщих выборах 1970 года избиратели решительно отвергли консерваторов и реакционеров из ОНП и отдали свои голоса Объединенному фронту в составе Партии свободы, Социалистической партии и Коммунистической партии. Сформированное этими партиями правительство во главе с Сиримаво Бандаранаике объявило, что оно будет проводить политику, направленную на укрепление экономической и политической независимости, защиту интересов рабочих и крестьян, ограничение местной и иностранной крупной буржуазии, развитие государственного сектора.

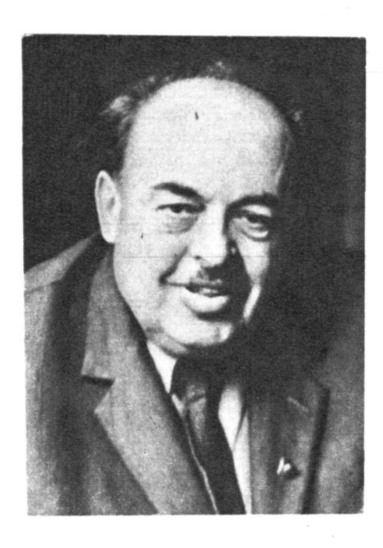
Важным рубежом в политическом развитии страны стало принятие в мае 1972 года новой конституции. Она покончила со статусом доминиона и объявила Цейлон свободной, суверенной и независимой республикой Шри Ланка. Парламент был преобразован в национальную Государственную ассамблею. Комментируя эти шаги, прогрессивная пресса страны подчеркивала, что с принятием конституции и созданием республики были разорваны последние цепи, связывавшие остров с колониальным прошлым. «Новая конституция,— писала газета «Атта»,— представляет собой очень важный шаг в борьбе нашей страны за самостоятельное национальное развитие».

Твердо следуя принципам мирного сосуществования и неприсоединения, республика Шри Ланка укрепляет дружественные связи с прогрессивными силами во всем мире, выступает против империализма, колониализма, агрессии и войны. Прочные традиции взаимовыгодного дружественного сотрудничества сложились между республикой Шри Ланка и Советским Союзом. Это сотрудничество стало существенным фактором в борьбе народа Шри Ланки за экономическую независимость. Построенные при финансовом и техническом содействии СССР металлургический и шинный заводы, а также мельничный комбинат пользуются хорошей репутацией в республике. Они не только освободили страну от импорта таких важных товаров, как некоторые виды металла и автомобильные шины, но и дают крупные отчисления в государственную казну.

Дружественные связи между Советским Союзом и Шри Ланкой продолжают развиваться. В начале 1972 года в Коломбо было подписано соглашение о проведении советскими специалистами разведки нефти в северной части острова. Достигнута договоренность об оказании Советским Союзом помощи в строительстве второй очереди металлургического завода. Крепнут торговые, культурные и научные связи между двумя странами. Поставки советской вакцины позволили практически ликвидировать заболевания островитян полиомиелитом, который еще десять лет назад был страшным бичом местного населения. Между Москвой и Коломбо регулярно совершают рейсы самолеты Аэрофлота. В морских портах стали уже давно привычными флаги советских торговых судов.

«Народ Цейлона и прежде всего трудящиеся имеют все основания гордиться успехами советских трудящихся и быть им благодарными за большую бескорыстную помощь, которая оказывается нам в преодолении последствий колониализма и в осуществлении программы независимого экономического развития,— говорил, выступая на XV съезде советских профсоюзов, генеральный секретарь Федерации профсоюзов Шри Ланки М. Г. Мендис.— Именно благодаря братским связям с Советским Союзом и другими социалистическими странами Цейлону удалось в последние годы добиться значительных успехов на пути к экономической независимости и прогрессу».

Народ республики Шри Ланка выбрал свой путь. И сегодня, когда он празднует 25-летие независимости, хочется выразить уверенность, что над «Прекрасной Землей», как звучит в переводе на русский язык сингальское название острова, всегда будет сиять солнце завоеванной народом свободы.

ВСЕГДА КОМСОМОЛЕЦ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. БЕЗЫМЕНСКОГО.

Для старшего поколения советских людей имя Александра Безыменского накрепко связано с годами их юности, неотделимо от жизни молодежи двадцатых или тридцатых годов — от шумных собраний, от яростных литературных и всяких иных диспутов, от работ ударных бригад первых пятилеток, от гроз и бурь военной поры... Все были молоды, горячи, страстны, спорили до изнеможения, спорили, не щадя сил, воевали, не щадя жизни... И всегда современники поэта слышали звонкий голос находившегося в их рядах Александра Безыменского.

Александр Безыменский с молодых лет навсегда связал себя с комсомолом, с комсомольской темой, с жизнью молодежи. Нет, он никогда не играл и не играет роли старшего наставника юных сердец, он всегда был и остается равным в молодежных рядах. Двадцатипятилетним он писал в поэме «Комсомолия»:

Так совершай свой путь, о солнце!
Плывите через нас, года!
Я буду сед,— но комсомольцем
Останусь, юный,
Навсегда!

Сейчас, семидесятипятилетним, он — с молодой душой — работает над поэмой «Путешествие в комсомольскую юность».

Александр Безыменский всегда рвался на передний край жизни и борьбы. В тридцатых годах он был желанным участником выездных бригад «Правды». Строился Днепрогэс — он был там, Сталинградский тракторный — он был там. На заводах и стройках, в колхозах и политотделах МТС он чувствовал себя работником, принимающим непосредственное участие в деле, — его стихи помогали строить, они были необходимы. Широкое общение с жизнью дало возможность поэту создать и такие крупные произведения, как поэма «Трагедийная ночь», комедия в стихах «Выстрел».

Мне довелось во время войны с белофиннами работать вместе с Безыменским в армейской газете, редакция которой располагалась в маленьком лесном, заснеженном и завьюженном, промороженном карельском городке. По справедливому мнению редакционного руководства, газета «Героический поход» не могла выходить без стихов. Три поэта трудились не покладая рук над строфами, ритмами и рифмами: Александр Прокофьев, Алексей Сурков, Александр Безыменский. Они очень удачно дополняли друг друга, это был слаженный поэтический ансамбль. И если в выездной бригаде «Правды» Безыменский стоял в рядах строителей, то в военной газете он был солдатом — его стихи звали в бой, участвовали в бою.

Александр Безыменский владеет многообразным поэтическим оружием — его эпиграммы, сатирические стихи, колючие, острые, злые, всем широко известны.

Вот и теперь наряду с поэмой «Путешествие в комсомольскую юность» Александр Безыменский готовит книгу сатирических стихотворений «Миниатюрные макси-портреты».

Ник. КРУЖКОВ

По всем расчетам эпидемиологов нынешней зимой в СССР следовало ожидать очередной вспышки гриппа. Настороженность врачей усугубляло появление в конце минувшего года нового, прежде неизвестного, варианта вируса гриппа — A_2 (Англия) 42/72. Измененная белковая структура открывала перед этой разновидностью возбудителя возможность легче преодолевать иммунитет, которым располагало население в результате ранее перенесенных заболеваний. Осложнялось положение и необычностью условий погоды на значительной территории страны.

Органам здравоохранения надо было, учитывая все это, заблаговременно укрепить противоэпидемические заслоны — осуществить вакцинацию, четко распорядиться материальными ресурсами и кадрами, привести в готовность коечную сеть, транспорт и т. д. Важно было как можно более верно определить главные направления наката инфекционной волны. И тут исконные методы эпидемиологии дополнились кибернетическими. Ближайшее будущее покажет, насколько подтвердятся подсчеты, данные электронно-вычислительными машинами. Однако уже самый факт применения этих новых точных методов в эпидемиологии,— бесспорно, положительное явление, показатель прогресса наших знаний о закономерностях эпидемических процессов вообще.

Читателям «Огонька», видимо, будет интересно узнать о том, как создавалась первая математическая модель эпидемии гриппа.

П. БУРГАСОВ,
член-корреспондент АМН СССР,
Главный санитарный врач СССР

МАТЕМАТИКА ГРИППА

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Могучая, слепая, нередко разрушительная стихия не спешит стать послушной воле человека, подчиниться разумному регулированию. Но общество не хочет и не может мириться со стихийными наскоками инфекций: слишком дорого обходится нам каждая летучая всеохватная эпидемия. Между тем эпидемиология все еще шествует «вперед спиной» — опирается на наблюдения, описания прошлого опыта, данные статистики и лишена основного инструмента исследования — эксперимента. Какой опыт поставишь в такой «лаборатории», как все человеческое общество! Стало очевидно, что наука эта нуждается в принципиально новых подходах, идеях, методах. И спрос породил предложение — руку помощи протянула кибернетика.

Директор Института эпидемиологии и микробиологии, академик Академии медицинских наук СССР Оганес Вагаршакович Бароян шутит по этому поводу:

— Параллельные линии все-таки пересеклись: я, «чистый» эпидемиолог, и Леонид Алексеевич Рвачев, «чистый» математик, организовали лабораторию кибернетики: раз нельзя ставить опыты на людях, будем экспериментировать на цифрах! Мы решили создать математическую модель эпидемии гриппа.

ЭВМ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПРОШЛЫЕ ЭПИДЕМИИ

Словно жир с водой, эпидемиология никак не соединялась с математикой, даже самые ее устоявшиеся понятия упорно не укладывались в количественные рамки. И все-таки из сочетания опыта и настойчивости, знаний и фантазии в конце концов вырисовалось несколько замысловатых уравнений. Глядя на эти греческие обозначения, фигурные скобки, плюсы и минусы, не верилось, что это и есть модель гриппозной эпидемии.

Подтвердить ее пригодность могла одна только электронно-вычислительная машина. К ней, как к арбитру, и обратились сотрудники лаборатории.

Сеанс счета был очень коротким — всего 6 минут. За этот срок ЭВМ успела отстучать густые колонки цифр. Сверяясь с ними, помощники Рвачева вычертили графики заболеваемости гриппом по дням для десятков крупных городов страны. Потом эти машинные данные тщательно сопоставили с фактическими, основанными на строгой статистике. Сомнений не осталось: ЭВМ с вполне корректной точностью повторила гриппозную эпидемию 1965 года. Например, в Москве машина «начала» подъем заболеваемости всего на один день раньше, чем это было в действительности, точно показала дату максимального взлета эпидемии и лишь на 6 процентов ошиблась в определении ее общих результатов.

Может быть, это было счастливое совпадение? Игра случая? Возможно, над другими эпидемиями того же гриппа властвовали иные закономерности или просто хаос беспорядка? Решили проверить модель на материале еще двух прошлых эпидемий — 1957 и 1969 годов. ЭВМ с той же почти достоверностью повторила и их. Значит, сомнений нет: модель создана, она действует! И, следовательно, у врачей появилась возможность не выходя из лаборатории «разыгрывать» любые варианты вспышек гриппа, произвольно меняя один или несколько исходных параметров. Что, например, произойдет, если уменьшить интенсивность контактов между людьми? Если увеличить или уменьшить число граждан, получивших профилактические прививки?

Дело было сделано, и для дальнейшей практической эксплуатации модель передали Всесоюзному институту гриппа. Было это в середине ноября 1971 года.

ВЗАПУСКИ... ПРОГНОЗ!

А уже в конце ноября того же 1971 года в Ленинграде стало подозрительно увеличиваться число больных гриппом.

Советские эпидемиологи знали, что в ряде стран Европы началась очередная эпидемия, они понимали, что пауза раньше или позже должна прерваться и у нас в стране. Но когда именно докатится к нам капризная волна инфекции, этого никто сказать не мог. Врачи только предупреждали кибернетиков: «Будьте начеку!»

И вот час пробил. Дальше медлить было неразумно, и поступила команда: «Считать!» Почти одновременно такое же распоряжение своей лаборатории дал и академик О. В. Бароян. Пусть будет на всякий случай дубль — не помешает!

Программисты в Москве и Ленинграде заложили в электронную память машин математические

формулы модели, некоторые сведения о самых первых днях подъема заболеваемости в Ленинграде: сколько в нем было к началу вспышки граждан, невосприимчивых к гриппу, и сколько появилось больных, сколько за эти дни прибыло и отбыло пассажиров, какова общая численность городского населения, площадь городской территории, а кроме того, подробные данные о транспортных связях между Ленинградом, Москвой и крупнейшими городами СССР.

Независимо друг от друга, словно взапуски, замигали разноцветными «зрачками» две электронно-вычислительные машины, силясь прорвать своим механическим взором завесу времени, заглянуть в будущее — узнать, как будет развиваться заболеваемость там, где она еще и не начиналась.

Эпидемиолог Бароян с волнением думал о титанической работе, которая совершается на его глазах в недрах ЭВМ. Ничего о том не ведая, сотни миллионов жителей ста самых больших советских городов должны сейчас за считанные минуты, наперед пережить гриппозную эпидемию. Тысячи из них должны «заразиться», слечь в постели и вновь вернуться к радостям и будням жизни. По густой паутине магистралей должны проделать еще не начавшееся путешествие все сущие виды транспорта и развезти еще не купившие билеты пассажиров, а среди них — потенциальных распространителей гриппа; должны раскрыться двери тысяч больниц, поликлиник, сельских врачебных участков и потянуться в дома, на этажи вереницы врачей, фельдшеров, медицинских сестер; должны пролиться цистерны лекарств, прозвенеть и умолкнуть миллионы телефонных звонков. И все это с будничной простотой уляжется в колонки бесстрастных цифр на этом пока еще чистом рулоне бумаги.

Врачи Ташкента и Куйбышева, Севастополя и Житомира, Киева и Ашхабада, где ни о каком гриппе еще и речи не было, конечно, не догадывались, что через несколько минут неким математикам, может быть, никогда и не бывавшим в их местах, станет известно, какого точно числа ноября или декабря в их городе начнется эпидемия, сколько будет вызовов, когда наступит «пик» и когда еще не разразившаяся эпидемия пойдет на спад.

Пока математическая модель создавалась и проверялась, все расчеты велись как бы обратным ходом — касались эпидемий давно уже отбушевавших. Машина об этом ничего не знала, но люди-то знали: она копирует прошлое. Теперь же все иначе: должен состояться прогноз, расчет вперед! Каждая цифра, выданная ЭВМ, будет устремлена в будущее, станет сообщать людям: действуйте так-то! Это придавало работе математиков и врачей, собравшихся в двух машинных залах, особую значительность.

Сегодня, когда декабрьско-февральская вспышка гриппа 1971—1972 годов стала страницей истории, можно сказать: первый в мире машинный прогноз эпидемии гриппа, да еще в такой огромной стране, как СССР, оправдался! Предложенные ЭВМ графики могли бы послужить хорошим ориентиром для организаторов здравоохранения. Но в те дни судить об этом было еще рано.

КОЕ-ЧТО О ЛЯМБДЕ...

Теперь самое время вернуться на годы назад и узнать, с чего все это начиналось.

Начали математики с того, что попытались с врачебных позиций осмыслить, как практически развивается эпидемия. Но сразу же на первый план выдвинулись тысячи не поддававшихся обобщению деталей... Вот некий гражданин, заразившись гриппом, все-таки отправился на работу. На лестнице он встретил соседа, вместе они сели в автобус, потом перешли в метро... Рядом были десятки других пассажиров. Ко скольким из них «перепрыгнули» общительные вирусы? А может быть, трое из ста направлялись на вокзал? На пристань? На автобусную станцию?.. Дальше — больше: подробности захватывали и сковывали, лишали воображение желанного простора.

Постепенно Л. А. Рвачев понял, что чем ближе он хочет подойти к реальности, тем большую степень абстрагирования должен использовать, что его задача — изучать механизмы распространения эпидемий с таких позиций, которые недоступны эпидемиологии. Только при таком подходе, сквозь сумятицу случайностей, может быть, в конце концов проклюнется некая закономерность.

Первое, без чего нельзя было обойтись,— без показателя, характеризующего плотность контактов между людьми: известно, что грипп передается при встрече больного со здоровым. Но как отразить эту скользящую, не поддающую учету величину?

Нет, такой путь поиска уводил в бесконечность... В одной Москве более 7 миллионов жителей. Какой пестрый калейдоскоп встреч, дорог, рукопожатий, мимолетных разговоров, прикосновений! Пытаться сосчитать все это — пустая затея. Тут явно требовалась формализация. Надо было отказаться от покорного копирования фактов, а выцедить из них только общее, то, что их роднит. Легко сказать, но как сделать? Какое явление окружающей природы способно было помочь, навести на приемлемое решение?

Над разгадкой шарады бился весь коллектив лаборатории, были предложены и отвергнуты сотни вариантов решения. Наконец осталось самое логичное: пока довольствоваться знанием того, что явление контактов реально существует и что без этого показателя не может быть модели. Так в уравнении появилось неизвестное — греческая буква лямбда.

Выйти из тупика в конце концов помогло чисто математическое мышление. «В чем реально проявляются контакты между людьми? — рассуждал Рвачев.— Ясно в чем: в заболеваемости. Надо определить ее, скажем, вперед на 6 месяцев. Убежден, что нам простят, если такой прогноз будет дан только на 5 месяцев и 20 дней. Тогда поступим следующим образом: соберем данные о фактической заболеваемости граждан в первые 10 дней какой-нибудь прошлой эпидемии гриппа и полученную величину подставим в уравнение». Таким именно методом обратного счета и был установлен коэффициент контактов. Он определился цифрой 1,6. Перевести ее на язык каких-то образов нельзя: цифра не имеет интерпретации, она как бы вобрала в себя и частоту встреч между людьми, и степень заразительности вируса, и готовность миллионов организмов восприять инфекцию.

Потом, гораздо позже, пришло понимание, что количество контактов (и вероятность заражения) может быть математически выражено через показатель плотности населения: чем больше людей на квадратном километре, тем, очевидно, больше и контактов между ними. Просто? Но путь к этой простоте был нелегким.

Будущая модель должна была, конечно, отразить еще одно сложное явление — транспортные связи. В самом деле, начавшись в одном месте, гриппозная эпидемия обычно очень быстро распространяется по городам и весям. Но сам вирус — существо бескрылое, ни перелетать, ни перебегать не может, развозят инфекцию только люди, и не все, а лишь заведомо заразившиеся.

Наученный прошлым опытом, Рвачев уже не старался мысленно представить себе все вокзалы, аэропорты, пристани, автобусные станции страны и отходящие от них железнодорожные составы, речные и морские суда, воздушные лайнеры, колонны автобусов. Надо было вновь подняться над фактами и постараться подчинить сумятицу разномастных событий строгим логическим схемам.

После множества прикидок решено было, что все же самое надежное — ввести в ЭВМ не некий коэффициент, а данные о фактическом пассажирообороте между городами. Однако тут же выяснилось: Министерство путей сообщения СССР учитывает не число пассажиров, а стоимость билетов, да и то проданных не до определенных станций, а по своеобразным блокам. Иной счет в гражданской авиации — только между аэропортами. Но ведь авиапассажир может купить билет до порта Адлер, а проследовать в Сочи, Гагры, Сухуми, Новый Афон. Два ведущих сотрудника лаборатории В. А. Шашков и Ю. В. Базилевский потратили год напряженнейшего труда, чтобы с помощью ряда вспомогательных формул и сложных остроумных методов выборочного счета составить требуемые графики пассажирооборотов.

ЗАГЛЯДЫВАЯ В МИР ЭВОЛЮЦИИ

Академик О. В. Бароян не раз говорил Л. А. Рвачеву и работавшим с ним математикам: главная практическая ценность модели — в величине упреждения. Когда счет начинается уже после того, как в каком-то из советских городов неделю или декаду бурно нарастает заболеваемость гриппом, у организаторов здравоохранения, даже вооруженных машинными графиками, остается сравнительно мало времени для перестройки и подготовки.

— Нужна глобальная модель! — повторял академик.

Теперь этой идеей прониклись все в лаборатории кибернетики. В самом деле, зачем ждать начала гриппа в СССР, если стало известно, что эпидемия уже началась где-то в Париже, Брюсселе или Женеве? Не логичнее ли добавить в память машины данные о международных транспортных связях, чтобы можно было приступать к счету загодя?

Такая работа уже начата, модель будет доведена до глобальных масштабов.

Другое, к чему настойчиво призывал математиков О. В. Бароян,— заглянуть в загадочный мир эволюции микроорганизмов.

— Современная медицина,— говорит академик,— несет огромные, неисчислимые потери из-за того, что ей отказывается служить то один, то другой антибиотик. Своими исконными методами она не в состоянии остановить упрямое приспособление возбудителей инфекций к самым действенным лечебным препаратам. А создание каждого нового антибиотика — это годы поисков, бездна труда и материальных затрат.

Леонид Алексеевич Рвачев медленно листает свою законченную и недавно защищенную докторскую диссертацию.

— Вот взгляните, как мы стукнули цифирью по этому хитрому узелку. Известно, что когда один, другой, тысячный зловредный микроб наталкивается в организме больного на биологическую завесу, созданную антибиотиком, он погибает. Но если то же лекарство начинает грозить уже всему семейству или виду, природа не хочет так запросто, без сопротивления, терять этот вид. Человек в подобных ситуациях изобретает всяческие заслоны, кондиционеры, противоядия, защитную одежду. У мельчайших один лишь выбор: кануть в Лету либо безотлагательно перестроить собственную структуру, приспособиться.

Здесь серия кривых,— показывает Рвачев,— каждая отражает взаимодействие какого-то одного антибиотика с одним возбудителем болезни. Нам удалось найти некие пороговые величины, при соблюдении которых искусственная эволюция микробов не начинается. На основе своих расчетов мы, например, говорим врачам: зачем вам вступать в конфликт сразу со всеми стрептококками? Это неразумно! Назначайте биомицин не более чем такому-то проценту больных стрептококковой ангиной — лишь тем, кого нельзя вылечить иными лекарствами,— и угроза виду не возникнет, а значит, стрептококки не смогут приспособиться к этому антибиотику. И тогда ценный препарат — биомицин — на долгие годы сохранит свои разящие свойства при ангинах.

Вообще завтрашний день медицины уже немыслим без быстродействующей вычислительной техники. Предположим, что все поголовно население города Н. получило какую-то предохранительную прививку. Можно ли быть отбой, считать, что опасность этой инфекции от города полностью отведена? Нельзя, оказывается. По последним данным, коллективный иммунитет выглядит величиной, в высшей степени изменчивой. Замечено, например, что после эпидемий гриппа у населения чувствительно падает сопротивляемость другим болезням — полиомиелиту, скарлатине, дифтерии, брюшному тифу. Как же быть врачам города Н.? Как им узнать, не дал ли по каким-то причинам трещину возведенный ими оборонительный вал? С помощью кибернетики! Иными средствами за столь динамическими процессами не уследишь и, уж конечно, их не изучишь.

Медицине весьма важно учитывать возможность самых причудливых комбинаций наших невидимых врагов — вирусов, бактерий, риккетсий, протозоа, грибков, изучать их содружество и антагонизм. Ведь если в одном своем составе «артель» этих обычных наших сожителей способна ломать оборону организма, то почему не предположить, что в ином составе она ее станет укреплять?! Однако число возможных вариаций столь грандиозно, что не поддается воображению и не укладывается в мозгу человека. Как тут не призвать на помощь ЭВМ?

Здоровье людей часто зависит от миграции в природе диких грызунов, клещей, комаров, иных хранителей и переносчиков заразного начала. Только математике и новейшей технике под силу попытаться смоделировать и это невообразимо пестрое явление, чтобы выявить в нем какие-то закономерности и взять в узду.

Кибернетика едва прикоснулась к медицине, а сколько уж полезного дала ей и как много еще обещает!

Владимир ПАВЛОВ

Фото автора и Центрального Польского фотоагентства.

Старе Място да еще более старый королевский замок, в котором под слоем штукатурки недавно обнаружили древние фрески русско-византийского письма, сделанные нашим соотечественником мастером Андреем по заказу короля Казимира Великого,— вот, пожалуй, все, что сохранилось от древнего города Люблина. Далеко в разные стороны разбежались стрелы новых улиц. При народной власти построены крупные заводы, театры, новый университет с великолепным городком, библиотекой и современнейшими лабораториями. В новых жилых кварталах, как многопалубные красавцы корабли в зеленом море густых, без единой проплешинки газонов, зарослей кустарников и каштанов, сверкая стеклом, плывут новые дома. На улицах идеально чисто и... нет ни единого дворника: жители сами следят за порядком, подметают улицы, ухаживают за насаждениями.

А если вы захотите пожить в Люблине, ознакомиться с его достопримечательностями, к вашим услугам комфортабельные гостиницы, кемпинги, турбазы, экскурсионные бюро.

Собственно, с той заботы, что окружает в Польше путешественника, мне следовало бы и начать свой рассказ. Потому, что именно это — посмотреть на Польшу глазами туриста — и составляло цель поездки, предпринятой мною и журналистом из Латвии Улдисом Нориетисом по приглашению Главного польского комитета по физической культуре и туризму.

В Польше о туристах заботится много специальных учреждений, предназначенных для обслуживания людей с самым разнообразным кругом интересов. Тут и «Орбис» — бюро путешествий, и ПТТК — бюро иностранного туризма, и студенческий «Альматур», и бюро международного молодежного туризма «Ювентур», и «Громада», занимающаяся туризмом земледельцев, и многие другие туристские бюро.

Хороша охота на Мазурских озерах!

ОТКРЫТКИ ИЗ ПОЛ

Все они организуют экскурсии и поездки как граждан ПНР, так и зарубежных гостей.

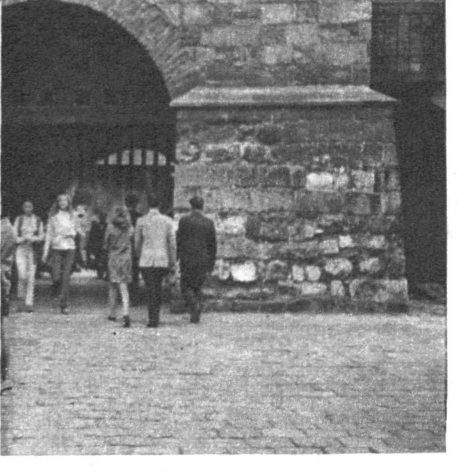
Однако любой турист, отправляющийся путешествовать по Польше, прежде всего знакомится с «IT»—с бюро туристской информации. Эти две буквы можно увидеть на всех железнодорожных, морских и речных вокзалах, в аэропортах и в гостиницах. Здесь не только помогут выбрать маршрут, подходящий по времени и средствам, которые вы отвели на отпуск, но и соответствующее вашим вкусам и желаниям средство транспорта — автомобиль или автобус (в Польше прекрасные дороги), поезд, доброго коня, «автостоп» или передвижение на своих двоих, что также не лишено прелести. Здесь вас посвятят в «туристскую обстановку»: в каких точках страны количество туристов достигло пика и все переполнено. А где вы смело можете рассчитывать на место в гостинице, в кемпинге или частных домах, признанных специальной комиссией пригодными для сдачи комнат внаем. С помощью «IT» и мы выбрали туристские маршруты по Польше.

Сначала вместе с Улдисом Нориетисом мы побывали в древнем Плоцке, где ныне пролегает нефтепровод «Дружба» и действует крупнейший в Польше химкомбинат, работающий на советской нефти.

А затем разделились: Улдис отправился на север, к Балтике. А я вместе с гидом-переводчиком «Орбиса» Юзефом Шатским двинулся на юг...

Еще накануне отъезда я спрашивал себя: сумею ли рассказать о братской Польше нечто новое, малоизвестное советскому читателю, уже и без меня основательно знакомому с нею по книгам, статьям и очеркам? Да и что, казалось бы, можно увидеть и узнать за неделю? Оказывается, многое, если как следует продумать и организовать поездку. Кто, например, знает, что при освобождении Жешува смертью храбрых пал Иван Туркенич, один из героических руководителей «Молодой гвардии», тридцатилетний юбилей которой отмечался в прошлом году, что он похоронен на Жешувском кладбище и что в городе есть улица Туркенича.

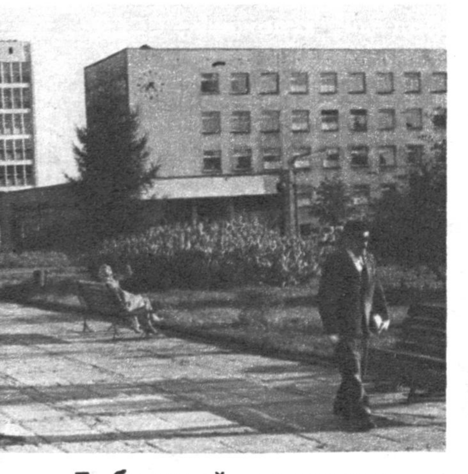
Или взять Бещады. В годы войны и вскоре после победы этот красивейший малонаселенный горный уголок пользовался худой славой: в здешних густых лесах бродили банды фашистских недобитков. Банды терроризировали местное население, грабили, убивали, не давая проходу ни конному, ни пешему. Именно здесь, в Бещадах, на берегах студеной горной речушки Хочувки, крупная фашистско-националистская банда

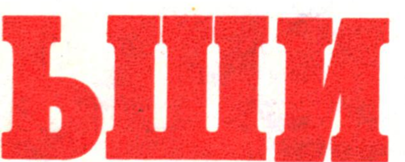
Люблинское Старе Място.

Здесь погиб Кароль Сверчевский.

Люблинский университет и памятник Марии Склодовской-Кюри.

Хрыня в марте 1947 года устроила засаду и подло убила польского коммуниста-генерала Кароля Сверчевского — участника войны в Испании, командующего 2-й армией Войска Польского, заместителя министра обороны ПНР. На берегу Хочувки ныне стоит памятник Сверчевскому, напоминающий людям об этом трагическом событии...

Нынче в Бещадах построена отличная кольцевая автомобильная дорога длиной в сто двенадцать километров, от которой ответвляются многочисленные конные и пешеходные туристские тропы. Тропы пересекают горные леса, в которых не редкость разное зверье — кабаны, рыси, куницы и даже зубры, недавно привезенные сюда учеными из Беловежской пущи для акклиматизации. Есть где и половить рыбу, позагорать, покататься на катерах, яхтах, лодках и покупаться. С тех пор, как на реке Сан построена плотина гидроэлектростанции, в Бещадах появилось крупное искусственное озеро Солина площадью в 22 квадратных километра. Озеро с водой, столь чистой и прозрачной, что с плотины отчетливо видно, как на глубине ходят стаи рыб.

Вот Закопане. Кто не слышал об этом знаменитейшем курорте в Высоких Татрах? Здесь происходят международные конкурсы горских вокальных и хореографических ансамблей. На здешних трамплинах и слаломных трассах не раз состоялись крупнейшие соревнования лыжников. Начинающаяся здесь канатная дорога перевозит тысячи людей на окрестные вершины, с которых открывается великолепный вид на окрестности. По бурной горной реке Белому Дунайцу плотовщики-гурали на особых плотах «сплавляют» любителей острых ощущений.

Более всего Закопане дорого тем, что здесь бывал Владимир Ильич Ленин. Летом 1913 и 1914 годов он жил рядом с Закопане — в деревне Белый Дунаец, что ныне смыкается с поселком Поронино, в котором состоялось «Летнее совещание ЦК РСДРП с партийными работниками». Ленинские места бережно сохраняются в народной Польше, их постоянно посещает множество людей, приезжающих в Закопане со всех концов страны и из-за рубежа... А многие ли знают, что на старинном закопанском кладбище покоится прах польского писателя Оркана, который вместе с другими общественными деятелями обратился с требованием к австро-венгерским властям (в то время эта часть Польши была под властью Австро-Венгрии) освободить Владимира Ильича, заключенного в тюрьму в городе Новый Тарг! А рядом с Орканом — могила польских подпольщиков. И в их числе — знаменитой лыжницы, олимпийской чемпионки Хелены Марусижувны и Бронислава Чеха, схваченных и замученных гитлеровской службой безопасности в годы войны...

Вместо привычных каменных памятников на закопанском кладбище стоят великолепные деревянные скульптуры. Резьба по дереву — традиционное мастерство гуралей (так называют себя местные горцы). Любой деревянный предмет домашнего обихода — будь то веретено, трубка, стол или оконный наличник — украшен затейливыми узорами. После войны известный польский скульптор Антон Кенар образовал целую школу, в которой обучал резчиков-самоучек основам скульптурного искусства...

Все рассказанное здесь лишь немногое из виденного и слышанного на сравнительно небольшом туристском маршруте, проложенном по польской земле. Но, мне кажется, всякий, кто отправится путешествовать в Польшу, будет долго и с удовольствием об этом вспоминать. Потому что он непременно увидит нечто новое, нечитанное и невиданное. Потому что непременно повстречает интересных людей. Потому, наконец, что полной мерой ощутит щедрое гостеприимство и хлебосольство польского народа.

ЧЕКАННЫЙ СИМВОЛ

Нет крепче стали, чем знаменитый златоустовский булат, вековую тайну которого раскрыл великий русский металлург, генерал-майор корпуса горных инженеров Павел Петрович Аносов. Нет искуснее людей, чем златоустовские художники-граверы. Еще в начале XIX века по всей земле русской, по всем заморским землям гремела слава И. Бушуева, И. Бояршинова, других крупнейших мастеров, украшавших изделия из металла рисунками и орнаментами, выполненными способами золотой и серебряной насечки, гравировки и золочения по травленой и вороненой стали.

Работы Ивана Бушуева находятся в музеях Советского Союза — Оружейной палате Кремля, Эрмитаже, Артиллерийском музее, хранятся в государственных и частных собраниях за границей.

А неизвестные? Сколько их? Нет человека, который бы ответил на эти вопросы!

Потомки Ивана Бушуева — рабочие, инженерно-технические работники и служащие Златоустовского ордена Трудового Красного Знамени машиностроительного завода имени В. И. Ленина — создали у себя на предприятии кабинет эталонов и образцов выпускаемой продукции. Наряду с последними новинками на стендах расположились изделия многих поколений известных и неизвестных златоустовских мастеров. Почти с каждым из экспонатов связаны волнующие, то удивительно романтичные, то трагические истории.

Сколько было затрачено усилий для того, чтобы найти хотя бы какую-нибудь работу прославленного земляка — Ивана Бушуева! Тщетно. Поиски многих не приносили результатов.

И вдруг находка в самом неожиданном месте!

Посетив однажды Музей криминалистики Управления внутренних дел исполкома Мосгорсовета, старший научный сотрудник Оружейной палаты Михаил Элизарович Портнов воскликнул:

— Батюшки, бушуевская шпага! Откуда она здесь?

Ни начальник научно-технического отдела полковник милиции Ким Серафимович Скоромников, страстный коллекционер, влюбленный в старину, в искусство, ни работники музея не знали истории уникальной шпаги. В коллекции холодного оружия она находилась давно, как редчайшее произведение искусства прославленного мастера, красовалась на самом видном месте, но с ее «родословной» никто не был знаком. Никаких следов не удалось обнаружить и в архивах.

Как предполагает М. Э. Портнов, оружие было изготовлено для какого-то высокопоставленного лица либо к десятилетию, либо к двадцатилетию Отечественной войны 1812 года.

Вскоре в Музее криминалистики побывала делегация из Златоуста. По их просьбе Управление внутренних дел передало заводу изделие Ивана Бушуева и другое украшенное холодное оружие, сработанное в свое время златоустовскими мастерами.

В знак благодарности златоустовцы изготовили для московской милиции двуручный меч, на котором надпись: «Московской краснознаменной милиции от трудящихся златоустовского завода имени В. И. Ленина». Мастера во главе с главным художником-гравером завода Геннадием Михайловичем Берсеневым и художником-гравером Владимиром Федоровичем Тарыниным из обыкновенной стали создали такое произведение искусства, которому нет цены. И стал простой металл дороже золота!

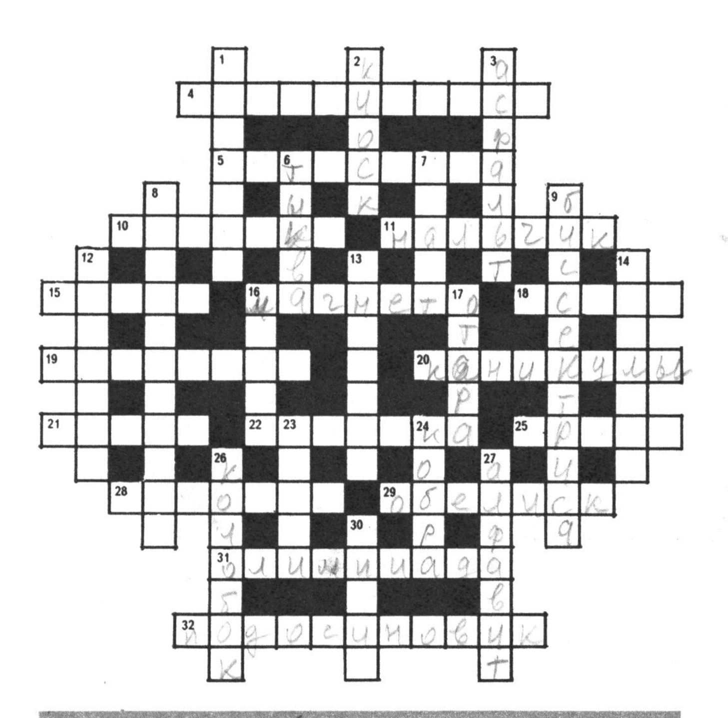
Способом золочения по травленой и вороненой стали на клинке запечатлены фигуры красногвардейца, рабочего, милиционера, проводника со служебно-розыскной собакой, знаки доблести и славы советской милиции. С обеих сторон рукоять венчают золоченые барельефы ордена Красного Знамени, которым награждена московская городская милиция.

На клинке меча вверху выгравированы слова В. И. Ленина:

«Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы НИ ОДИН случай преступления не проходил нераскрытым».

Е. КРЕЧЕТ, полковник милиции.
Фото Г. Макарова.

Коллектив редакции журнала «Огонек», редакционная коллегия выражают глубокое соболезнование главному художнику журнала И. В. Долгополову в связи с тяжелой утратой — кончиной его отца Долгополова Виктора Нифонтовича.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Областной центр в РСФСР. 5. Камера для глубоководных работ. 10. Морское млекопитающее семейства дельфиновых. 11. Столица Кабардино-Балкарской АССР. 15. Рассказ А. П. Чехова. 16. Генератор для зажигания рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 18. Озеро в Красноярском крае. 19. Подножие колонны. 20. Перерыв в занятиях учебных заведений. 21. Время года. 22. Струнный инструмент. 25. Автор романа «Остров пингвинов». 28. Птица отряда воробьиных. 29. Памятник. 31. Спортивные соревнования. 32. Гриб.

По вертикали: 1. Горный массив в Савойских Альпах. 2. Торговая палатка. 3. Материал для строительства дорог. 6. Бахчевая культура. 7. Персонаж комедии А. Н. Островского «Сердце не камень». 8. Медицинское учреждение. 9. Прямая линия, делящая угол пополам. 12. Повесть Н. В. Гоголя. 13. Слово с противоположным значением. 14. Итальянский композитор XIX века. 16. Река на Урале и в Западной Сибири. 17. Стадо овец. 23. Рычажный инструмент. 24. Очковая змея. 26. Русская народная сказка. 27. Буквы, расположенные в определенном порядке. 30. Порт в Югославии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 5. Вургун. 6. Фонарь. 9. Руссо. 11. Андорра. 12. Номинал. 13. Морава. 15. Баллон. 16. Ливенка. 18. Капелла. 20. «Отелло». 22. Нансен. 26. Пломбир. 27. Просека. 28. Мокко. 29. «Чапаев». 30. Лосось.

По вертикали: 1. «Турандот». 2. Пукирев. 3. Коломна. 4. Крыжачок. 7. Грач. 8. Конь. 10. «Современник». 14. «Алеко». 15. Банан. 17. Стельмах. 19. Черкассы. 21. Лебедев. 23. Аполлон. 24. Юрма. 25. Эпос.

На первой и четвертой страницах обложки:

Зал воинской славы. Мамаев курган. Земля, начиненная сталью, пропитанная кровью. Теперь здесь — мемориальный комплекс, не оставляющий спокойным ни одного человека, приходящего сюда поклониться праху героев, принести дань благодарности мужественным защитникам Сталинграда, города-героя, проявившего высшую воинскую доблесть.

На площади Павших борцов, там, где горит Вечный огонь, стоят в почетном карауле юные волградцы. Им, представителям нового поколения, продолжать славные дела, начатые их отцами и дедами.

Фото Д. Ухтомского, Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора) Л. М. ЛЕРОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ, (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/I-73 г. А 00010. Подп. к печ. 23/I-73 г. Формат 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 24. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 30.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВЗЫСКАТЕЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

Н. ЖУКОВ,
народный художник СССР

Талант требует бережного отношения и не только со стороны близко окружающих людей или рядом живущих, но и от самого человека, обладающего им.

Знакомя с творчеством художника Саввы Григорьевича Бродского, мне захотелось именно так начать оценку его очень своеобразного искусства. Бродский умеет взыскательно и требовательно решать пластические задачи в своем творчестве, развивая отпущенный ему природой дар упорным ежедневным трудом.

Чтобы иллюстрировать, а вернее, стать соавтором в изобразительной части книги таких величайших и разных авторов, как Александр Грин и Гюстав Флобер, как Стефан Цвейг и Р. Л. Стивенсон, надо обладать большой культурой, незаурядной энергией ума и чувства. Удачей последнего периода в работе художника я считаю иллюстрации к книге «Овод» Э. Войнич, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Спартак» Р. Джованьоли и создаваемую в настоящее время серию графических листов к «Дон Кихоту» Сервантеса. Художник всегда предстает в своих работах как мастер, умеющий самостоятельно прочесть и по-своему интерпретировать литературный текст. А ознакомившись с последней серией работ к «Дон Кихоту», можно смело сказать, что художник — оригинальный комментатор, сумевший вопреки всем иллюстраторам, создававшим рисунки к «Дон Кихоту», от Доре до Кукрыниксов, решить их по-своему. Стоит один раз посмотреть композиции, и его листы оставляют длительное впечатление и навевают глубокие раздумья. У Бродского «Дон Кихот» значителен, трагичен и монументален. Художник, как это было и во всех его более ранних работах, отказался от многих бытовых подробностей, которые могли бы рассеять внимание и увести от героя романа.

Он сумел в рисунках передать философский смысл романа и всю свою симпатию, но не к «бедному рыцарю», а к борцу за свободу и честь человека. Художник по-режиссерски умно умеет высветить главное в своей работе, активизировать смысл события в его сути и идейном значении.

Нет сомнения, что многолетний труд художника С. Г. Бродского — значительный вклад в советскую книжную графику.

Этому успеху художника, как мне кажется, значительно помогают знания и опыт архитектора, которые он сумел реализовать в строительстве финского драматического и кукольного театра в Петрозаводске, создании интерьера музея Александра Грина в Феодосии, проектировании и руководстве строительством Республиканского музыкально-драматического театра в Петрозаводске, где одновременно над фронтоном и фризами работал скульптор С. Т. Коненков.

Знание архитектуры помогает художнику в решении композиционных задач графики. Обобщение, масштабность в решении темы делают небольшие книжные листы монументальными и образными. С. Г. Бродскому исполнилось пятьдесят лет. Про такую дату говорят: и мало и много. Знакомясь с творчеством Бродского, ощущаешь современность его работ, в которых всегда сочетается молодой задор и профессиональная зрелость. Художник начал свой творческий путь с деятельности художника-журналиста. Первые его иллюстрации печатались на страницах «Огонька», «Юности» и других журналов. Весной 1972 года состоялась выставка работ художника в Центральном доме литераторов. Выставка привлекла много зрителей и имела большой успех. Равнодушных зрителей на выставке Бродского я не встречал, и мне особенно приятно сейчас, когда художник отмечает свой полувековой юбилей, сердечно поздравить мастера и пожелать здоровья и много, много новых творческих удач.

Иллюстрации С. Бродского к роману Сервантеса «Дон Кихот».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663